

ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№ 12 ДЕКАБРЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2021

*Об отражении в искусстве любви португальского короля
Педру I и Инес де Кастро читайте на стр. 72*

Неизвестное об известном

Юрий Осипов **С.Т. Аксаков.
Летописец переломной эпохи** 4

Ретродетектив

Марьяна Олейник **Смертельная гастроль** 18

Судьбы

Виктор Елисеев **Жена и верный друг** 36

Чем живем

Денис Логинов **Дороги, которые мы выбираем** 49

Замечательные современники

Елена Воробьева **Анна Терехова:
«Мы должны удержать культуру,
на которой воспитаны»** 65

Шедевры

Ирина Опимах **Мраморное чудо Алкобасы** 72

Это интересно

Светлана Савицкая **Три удара сердца** 83

Дмитрий Зелов **Магия фарфора** 104

Иван Переверзин **Афоризмы** 110

Фантастический этюд

Анатолий Крищенко **Космодром мысли** 98

Детектив

Георгий Ланской **Мнемозина** 118

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Гордынская Мария Александровна,
sales-smena@yandex.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

**Собственный
корреспондент**

Зелов Дмитрий Дмитриевич,
smena-the-best@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Актриса театра и кино Анна Терехова.
Фото из личного архива

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции и издателя:
127137, Москва,
ул. Правды, д. 24, стр. 4
+7 (495) 612-15-07

Для писем:
127994, Москва, ГСП-4,
Бумажный проезд, 14, стр.1
www.smena-online.ru

Распространение,
кроме подписки,
осуществляется через
ООО «МДП "Маарт"»
127018, г. Москва,
Марьиной Рощи 3-й проезд,
40, строение1
+7 (495) 744-55-12

© ООО «Журнал «Смена»

ООО «Журнал «Смена» имеет авторские права
на подборку и оформление материалов.
Фото, участвующие в оформлении, —
из открытых источников Интернета.

Отпечатано:

**ПАО «Можайский
полиграфический комбинат».**
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж —

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.10.2021

« В истории России трудно найти фигуру столь неоднозначную, как граф Алексей Андреевич Аракчеев. Фаворит Павла I, любимец Александра I, при котором он был, по существу, вторым человеком в государстве, Аракчеев как никто другой вызывал порицание и презрение своих современников. Слово «временщик» прочно прилипло к нему и стало как бы его вторым именем. В то же время граф обладал большим практическим умом, железной волей, редкими организаторскими способностями и был поистине неocenим для российских монархов.

Алла **Зубкова** «Временщик»

« Если в русской живописи непревзойденным певцом морской стихии был Айвазовский, то в прозе таким певцом можно назвать Станюковича. Романтика дальних плаваний и неустанный труд. Верность долгу и душевное благородство. Честь и вера. Они постоянно присутствуют в произведениях Константина Станюковича, делая их увлекательным чтением для юношества, преподавая ему памятные уроки стойкости и доброты.

Юрий **Осипов** «Пленник моря»

« Египетские пирамиды... Земля Санникова... Тунгусский метеорит... Шекспир... Янтарная комната... Что объединяет все вышеперечисленное? Там есть тайна. И список подобных загадок истории куда длиннее, причем в этом списке нельзя не упомянуть бесценное книжное собрание, которое мы сегодня называем библиотекой Ивана Грозного. Эта библиотека исчезла, будто испарилась, не оставив следов. Возможно, где-то она сохраняется и поныне, а пока это тайна для нас, как и имя счастливицы, который ее отыщет.

Владимир **Гриньков** «Библиотека Ивана Грозного — где ее искать?»

« Режиссер Марлен Хуциев отмерял своими фильмами десятилетия послевоенной эпохи, осмыслял их, подводил им итог. Без его фильмов невозможно представить себе историю смены поколений. Сам он отдал кино 70 лет жизни. А снял всего десять картин, не желая превращаться в конвейерного режиссера. И к своему последнему фильму — драме о Толстом и Чехове «Невечерняя» — он готовился десять лет, но... до завершения производства не дожил...

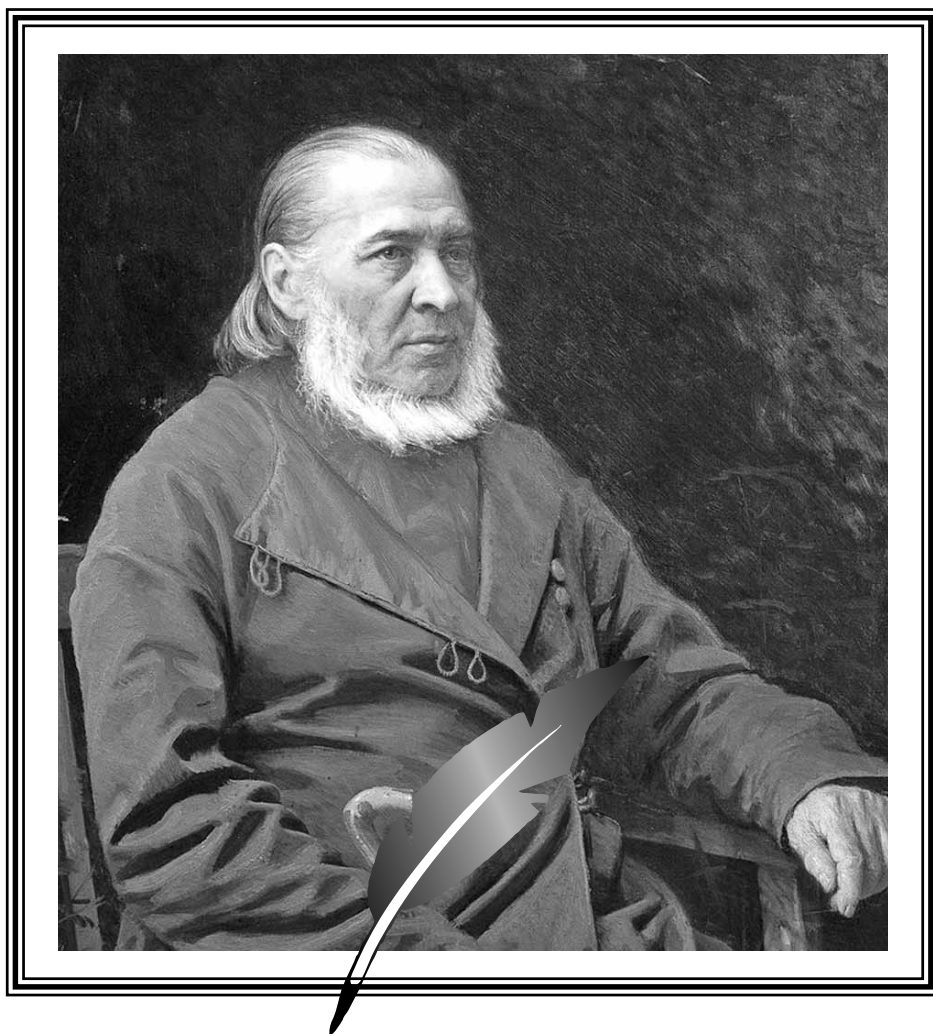
Георгий **Кричевский** «Диалог со временем»

« Окончание детектива Георгия **Ланского** «Мнемозина»

Юрий Осипов

С.Т. Аксаков

Летописец переломной эпохи

Сергей Тимофеевич Аксаков написал за жизнь всего две сказки, но одна из них, которую любят все — и дети и взрослые, снискала ему славу русского Андерсена. Сказка эта — «Аленький цветочек». Она бесчисленно издавалась и продолжает переиздаваться, была экранизирована, не сходит со сцен театров. Ее инсценировка в Московском драматическом театре имени А.С. Пушкина занесена в Книгу рекордов Гиннеса как самый «долгоиграющий» спектакль — в 2001 году его сыграли там в четырехтысячный раз. Подобных этой чистой, как родник, сказке больше нет, от нее веет удивительной добротой и мудростью. Она укрепляет в маленьких читателях стремление к правде и справедливости.

С портрета Крамского на нас смотрит седобородый человек с достаточно суровым лицом и скептическим взглядом, искушенный боль-

шим житейским опытом, человек, о котором не скажешь, что он автор замечательной детской сказки. И к тому же еще — страстный коллекционер... бабочек. Впрочем, схожей обманчивой внешностью обладал и Ганс Христиан Андерсен.

Характерно, что «Аленький цветочек» стал приложением к автобиографической семейной хронике «Детские годы Багрова-внука», в которой Аксакову впервые в отечественной литературе удалось передать, по выражению его близкого друга, философа и поэта А.Хомякова, «тепло общего гнезда». Это уже потом появятся и великолепные «семейные» страницы произведений Толстого, и чеховская «Степь», и «Жизнь Арсеньева» Бунина, и «Лето Господне» Шмелева, и «Детство Никиты» А. Толстого...

Проникновенные рассказы о природе для самых маленьких, такие, как «Знойный полдень», «Гнездо», «Ледоход» и многие другие, тоже плоды писательских трудов этого строгого цензора, рано занявшего столь неоднозначный и уж точно не располагавший к «лирике» пост. Полагают, Аксаков развивался вместе с веком, в котором ему довелось жить и творить. То были первые две трети 19-го столетия, отмеченные отчаянным выступлением декабристов и упорной борьбой передовой общественности за отмену крепостного права.

Сергей Тимофеевич рано обзавелся семьей и был заботливым мужем и отцом, воспитавшим в собственных принципах десятерых детей. Сыновья его выросли замечательными людьми, хотя характером весьма отличались от их знаменитого родителя. Скорее, они оказались типичными представителями прогрессивной молодежи того времени, но унаследовали от отца жажду знаний и терпимость к инакомыслию. Трое из них стали видными учеными славянофильского направления. Сын Иван вырос в известного публициста, другой сын, Константин, проявил талант историка и лингвиста, а дочь Вера посвятила себя общественной деятельности. О них современники говорили как о династии Аксаковых.

В своих произведениях Сергей Аксаков напрямую не обличал произвол крепостников и социальную несправедливость, чем его особо попрекал в критических статьях революционный демократ Добролюбов. Он просто писал правду о реальной жизни простого люда, в городе и в деревне, абсолютно чуждый при этом революционным идеям. Однако его книги стали впечатляющими документами той драматичной и противоречивой эпохи.

Сергей Тимофеевич Аксаков родился в 1791 году в Уфе в семье прокурора Земского суда Тимофея Степановича Аксакова, выходца из небогатого, но старинного дворянского

рода. Мать писателя, Мария Николаевна Зубова, женщина властная и умная, была дочерью товарища губернатора Уфимского наместничества. Она получила хорошее по тем

временам образование, выросла среди высшего провинциального чиновничества и в юности вела переписку с отважным просветителем Екатерининской поры Н. Новиковым.

В Уфе, в родовом имении Ново-Аксаково прошло детство будущего писателя. От отца он унаследовал любовь к природе, став впоследствии заядлым охотником и рыболовом, а еще — любовь к книгам. В четыре года уже свободно читал, в пять декламировал Хераскова и Сумарокова, пересказывал в лицах сказки «Тысяча и одной ночи». Учиться его отдали восьми лет от роду в престижную Казанскую гимназию, но мать, не в силах выдержать расставание с ним, вскоре забрала сына домой. Этому способствовало и то, что у впечатлительного мальчика, оторванного от семьи, стала развиваться падучая, участились эпилептические припадки.

Возвращение Сережи в гимназию совпало с преобразованием ее старших классов в первый курс Казанского университета. Аксаков оказался в числе студентов и таким образом окончил университет в пятнадцать с половиной лет. Несмотря на юный возраст, в университете он сотрудничал в студенческих рукописных журналах, где публиковались его первые стихотворные опыты в духе распространенного тогда в отечественной словесности под влиянием западноевропейской литературы сентиментализма. Кроме того, будущий писатель выступил организато-

ром студенческого театра, поставившего, в частности, пьесу, одним из соавторов которой был Аксаков. События тех лет легли затем в основу его автобиографической трилогии под названием «Семейная хроника».

Дальше в жизни юноши была Первопрестольная, поразившая его воображение и навсегда запавшая ему в сердце. Однако уже через год, в 1808-м, Сергей вынужденно отправился в Петербург, где устроился переводчиком в Комиссию по составлению законов. Столь же серьезной и суховатой оказалась его следующая служба в Экспедиции о государственных доходах, куда он был переведен.

Чиновник в той самой гоголевской казенной шинели, добросовестно исполнявший свои обязанности, молодой Аксаков, хоть и пользовался расположением начальства, продолжал мечтать о литературе. А еще увлекся ... мелодекламацией и на этой почве близко сошелся с известным актером-трагиком Я. Шущериным. Тот познакомил его с видными московскими литераторами С. Глинкой, Н. Ильиным и другими.

Это уже произойдет в Москве, после того как Аксаков окончательно вернется в Белокаменную, став ее неотъемлемой частью. Там к кругу друзей писателя примкнут драматург и литератор князь А. Шаховской, популярнейший исторический романист и драматург М. Загоскин, автор успешных водевилей А. Писарев. Ну а в северной столице Сергей

Тимофеевич завяжет дружеские отношения с сановным литературоведом, филологом-архаистом и автором интересных мемуаров А. Шишковым и с самим Державиным.

Отечественная война 1812 года нарушила устоявшийся порядок жизни молодого, подающего надежды литератора. Из-за приближения войск Наполеона к Москве он покинул древнюю столицу и уехал в Оренбургскую губернию, а следующие пятнадцать лет провел преимуще-

ской сцене, «10-й сатиры» Буало, которая принесла автору перевода членство в Обществе любителей российской словесности при Московском университете. Аксаков и в дальнейшем не оставлял переводческой деятельности, обратившись в 20-е годы к мольеровскому «Скупому» и романам Вальтера Скотта. К тем же годам относятся и его первые, еще весьма робкие литературные опыты.

В 1816 году Сергей Тимофеевич сочетался счастливым браком с

Несмотря на юный возраст, Аксаков в Казанском университете сотрудничал в студенческих рукописных журналах, где публиковались его первые стихотворные опыты в духе сентиментализма. Кроме того, выступил организатором студенческого театра, поставившего пьесу, одним из соавторов которой был он. События тех лет легли позже в основу его автобиографической трилогии под названием «Семейная хроника»

ственно в Ново-Аксакове и затем в выделенном ему отцом башкирском имении Надеждино (выведенном позднее в автобиографической трилогии как Парашино), лишь наездами бывая в столицах.

В этот период Аксаков увлекся переводами классики. На его счет перенос на русский язык с французского перевода древнегреческой трагедии Софокла «Филоклет», затем — комедии Мольера «Школа мужей», поставленной на петербург-

Ольгой Семеновной Заплатиной, дочерью генерала, служившего прежде под началом Суворова. У супругов за совместную жизнь родилось десять детей, причем трое снискали широкую известность. Старший, Константин, стал видным публицистом, поэтом, литературным критиком, историком и лингвистом, идеологом славянофильства. Григорий в чине тайного советника дослужился до уфимского и самарского губернатора. Иван выдвинулся на

общественном поприще, возглавив славянофильское движение, и явился весьма одаренным публицистом и поэтом. Наконец дочь Вера, вслед за братьями, тоже активно проявила себя в общественной деятельности и оставила любопытные мемуары.

Пять лет разраставшаяся семья Аксаковых прожила в Надеждино, но попытка самостоятельного ведения хозяйства успехом не увенчалась, и в 1826 году Аксаковы переехали в Москву, где Сергей Тимофеевич вновь поступил на государственную службу.

По рекомендации Шишкова, который в ту пору занимал пост министра просвещения, Сергей Тимофеевич получил должность цензора в Московском цензурном комитете, однако его пребывание там было недолгим. В 1828 году Николай I утвердил новый Цензурный устав, предполагавший более строгий отбор чиновников для членства в Комитете, и Аксакова, несмотря на многочисленные ходатайства друзей-литераторов, уволили.

Времена наступали суровые. Власть закручивала гайки. В 1830 году в первом номере «Московского вестника» был опубликован острый фельетон под названием «Рекомендация министра», который крайне не понравился императору. Московским губернатором по сему поводу инициировалось расследование. Цензора, пропустившего фельетон в печать, арестовали. Реальная опас-

ность нависла над редактором журнала, известным историком и архивистом, близким другом Гоголя М. Погодиным, отказавшимся раскрыть имя анонимного автора фельетона. После этого Аксаков сам явился в полицию и заявил о своем авторстве. В злобещем Третьем отделении личной канцелярии российских императоров, занимавшейся политическим сыском, на него было заведено дело. Лишь благодаря заступничеству князя Шаховского перед шефом Третьего отделения А. Бенкендорфом Аксаков не был выслан из Москвы.

Материальные затруднения заставили его добиваться возвращения на службу, и тем же летом 30-го ему все же удалось вернуть себе должность цензора. Он проверял печатные материалы ряда популярных журналов, в том числе и тех, где сам публиковался (теперь уже под разными псевдонимами), что ставило его порой в весьма неловкое положение. В число этих изданий входил и погодинский «Московский вестник». Как цензор Аксаков обращал внимание не только на содержание, но также на художественное качество текстов. И хоть он не отличался особой суровостью, либеральничать тоже не любил. Так, позволил себе приостановить по причине «неблагоприятной политической ситуации» публикацию «Марфы-Посадницы» Погодина, которую раньше сам же и разрешил к печати. По замечанию критика, литературоведа и публи-

циста князя Д. Святополк-Мирского, за десять лет на посту цензора Аксаков «не проявил себя в этом звании ни хорошо, ни дурно».

Увы, и такая его вполне умеренная позиция в глазах начальства была недостаточно консервативной. Он получил выговор за то, что пропустил концептуальную статью Н.Надеждина о просвещении в журнале «Телескоп», а затем — строгое замечание за публикацию статьи И. Киреевского «Девятнадцатый век» в журнале «Европеец». Журнал был в результате закрыт. Последней каплей стало разрешение печатать сатирическую балладу «Двенадцать спящих булочников» скрывавшегося под псевдонимом Фитюлькин В. Проташинского. В феврале 32-го последовало, на сей раз уже окончательное, увольнение Аксакова из Цензурного комитета.

Будучи заядлым театралом, он обратился к театральной критике, которой под разными псевдонимами занимался и во время работы цензором. Вообще-то до середины 1820-х публичная театральная критика в России не допускалась, поскольку актеры считались состоящими «на службе его величества». Потом эти ограничения были сняты, и Аксаков оказался одним из первых русских театральных критиков. Теперь он сосредоточился на игре актеров и соответствии ее манеры сути роли. Этим, однако, Аксаков не ограничивался, и, по словам современника, «ни авторы, ни переводчи-

ки, ни даже декорации не избегают его неумышленного суда». Особое внимание он уделял борьбе со штампами и устаревшими сценическими приемами, требуя от спектаклей «изящной простоты» и «натуральности».

Едва ли не первым Аксаков оценил значение для русского театра таких актеров, как М. Щепкин, которого он называл «творцом характеров», и П. Мочалов. В дальнейшем он смело противопоставлял сценический реализм Мочалова «старой методической игре» В. Каратыгина, любимца Николая I.

Зарабатывал на жизнь Аксаков после увольнения из Цензурного комитета также литературной критикой, ведя принципиальную полемику с издателем «Московского телеграфа» Н. Полевым. Тот слыл либералом-романтиком. Аксаков же в 20-е и 30-е годы примыкал к консервативному лагерю. Тем не менее, именно он в полной мере сумел оценить реализм творчества Пушкина, на что оказался не способен Полевой, присоединившийся со своим журналом к травле поэта реакционными кругами. Уже тогда Аксаков писал о Пушкине как о великом художнике, имеющем «такого рода достоинство, какого не имел еще ни один русский поэт-стихотворец».

Одна только журнальная критика прокормить семью не могла, и в 1833 году Сергей Тимофеевич оказался на весьма неожиданном по-

сту инспектора в Константиновском землемерном училище (!). Но и к подобной прозаической должности Аксаков отнесся со всей серьезностью и за время службы в училище много способствовал его развитию, подготовив план полной реорганизации этого учебного заведения. Его труды на ниве образования увенчались успехом — в 1836 году императорским указом училище было преобразовано в Константиновский межевой институт, а сам Аксаков назначен его директором.

было написано первое значительное прозаическое произведение — художественный очерк «Буран», который уже нес в себе основные черты будущего творчества писателя. «Картина разбушевавшейся природы выписана в очерке с такой силой поэтической выразительности, с такой мужественной простотой и лаконичностью красок, как это умел делать до тех пор в русской прозе один Пушкин», — утверждал современный литературовед С. Машинский.

У

супругов за совместную жизнь родилось десять детей, причем трое snискали широкую известность. Старший, Константин, стал видным публицистом, поэтом, историком и лингвистом, Григорий в чине тайного советника дослужился до уфимского и самарского губернатора, а Иван выдвинулся на общественном поприще, возглавив славянофильское движение, и был весьма одаренным публицистом и поэтом

И все же и с этой должностью ему пришлось вскоре расстаться по причине ухудшившегося состояния здоровья и трений с попечителем. Причем увольнение из института совпало по времени с созревшим у Сергея Тимофеевича решением окончательно оставить службу. Жить на одни литературные гонорары ему тогда оказалось непросто. Зато помимо переводов, журнальной критики и немногочисленных стихотворений им в 1833 году

Действительно, сразу после публикации «Буран» получил высокую оценку критики. Причем не трудно заметить сходство картин метели у Аксакова и во второй главе «Капитанской дочки», написанной Пушкиным позднее. Еще через двадцать лет к опыту аксаковского описания снежного бурана обратился Толстой в рассказе «Метель».

Расставшись со службой, Сергей Тимофеевич помимо литературных занятий сосредоточился на хо-

зяйственных заботах. А в 1837 году (роковом году смерти Пушкина) он унаследовал после кончины отца довольно крупные поместья — несколько тысяч десятин земли и 850 крепостных и стал состоятельным помещиком. Впрочем, благородного и прямого характера Аксакова это обстоятельство ничуть не изменило, что продолжало притягивать к нему собратьев по перу. Когда в 1843 году писатель приобрел в 50 верстах от Москвы живописную усадьбу Абрамцево, туда к нему часто наезжали Гоголь, Тургенев, Тютчев.

Казалось бы, жизнь стареющего писателя вошла, наконец, в спокойное русло, однако в начале 40-х годов начало ухудшаться его здоровье. Сначала ослабло зрение, и, в конце концов, Сергей Тимофеевич потерял способность писать самостоятельно, диктуя свои сочинения дочери Вере.

Тогда же коренным образом изменилась направленность аксаковского творчества. Он взялся за «Семейную хронику», внушительный мемуарный свод с яркими картинками эпохи. «...В ту же осень двадцать пятого отправились в Бугурусланский уезд, взяв с собою сохи, бороны и сеянной ржи... В конце зимы другие двадцать человек отправились туда же и с наступившею весною посеяли двадцать десятин ярового хлеба, загородили плетнями дворы и хлевы, сбили глиняные печи... Наконец, в половине июня, чтобы поспеть... к началу сенокоса, нагрузив телеги женами и детьми, стариками

и старухами, прикрыв их согнутыми лубьями от дождя и солнца..., насаживая дворовую птицу на верхи возов и привязав к ним коров, потянулись в путь бедные переселенцы...»

Работая над книгой, Аксаков неожиданно загорелся новым замыслом — записками о рыбалке. Сборник колоритных очерков бывалого рыболова имел большой читательский успех, и автор выпустил вскоре его продолжение. Затем последовали «Записки ружейного охотника», вызвавшие восторженные отзывы Гоголя и Тургенева, который считался первым охотником России. Гоголь писал Аксакову, что хотел бы видеть героев второго тома «Мертвых душ» такими же живыми, как его птицы. А Тургенев прямо заявил: «Такой книги у нас еще не бывало». Знаток и тонкий наблюдатель родной природы, Аксаков и дальше продолжал писать высокохудожественные очерки о разных видах охоты и рыбалки, пользовавшиеся огромным читательским спросом. Завершали этот цикл «Замечания и наблюдения охотника братья грибы» (1856) и «Несколько слов о раннем весеннем и позднем осеннем уженье» (1858).

В 1852-м году работа над «Семейной хроникой» была завершена. Подготовка публикации вновь привела к трениям с цензурой. Однако больше, чем цензурных препон, писатель опасался негативной реакции со стороны родственников и соседей, многие из которых были еще живы и не хотели литературной огласки семей-

ных тайн и каких-либо неблагоприятных поступков их прошлого. Боязнь серьезной размолвки с родными явилась причиной того, что Аксаков так и не закончил тематически при-мыкавшую к «Семейной хронике» повесть «Наташа», где главной героиней хотел вывести свою младшую сестру Надю.

«Семейная хроника» явилась большим достижением отечественной литературы. Живо и непосредственно, но с глубокими размышлениями автора она разворачивает перед читателем широкую панораму провинциального помещичьего быта на рубеже 18-го и 19-го столетий. Последовавшие за ней «Детские годы Багрова-внука» с ровным и спокойным повествованием, лишенным всякого обвинительного пафоса, в том числе в описании помещичьего самодурства и тягот жизни крепостного люда, благодаря писательской честности и объективности Аксакова явились впечатляющим обличением крепостного строя.

Завершив это произведение, Аксаков почувствовал необходимость дополнить его проникновенным лирическим текстом. Так родилась знаменитая сказка «Аленький цветочек», представляющая собой очередную, но крайне оригинальную обработку бродячего сказочного сюжета о красавице и чудовище и включенная в качестве дополнения в «Детские годы». Приступив к созданию «Аленького цветочка», Сергей Тимофеевич писал: «Есть у меня заветная дума... Я желаю написать такую книгу для

детей, какой не бывало в литературе. Я принимался много раз и бросал. Мысль есть, а исполнение выходит недостойное мысли... Тайна в том, что книга должна быть написана, не подделываясь к детскому возрасту, а как будто для взрослых, и чтоб не только не было нравоучения (всего этого дети не любят), но даже намек на нравственное впечатление, и чтоб исполнение было художественное и в высшей степени».

С поставленной задачей, надо признать, писатель справился блестяще и взялся еще за одно масштабное мемуарное произведение, охватывающее период его жизни уже в 20-е и 30-е годы позапрошлого века. Воплотить свой замысел Сергей Тимофеевич не успел, но по ходу работы над новой хроникой выпустил ряд увлекательных мемуарных очерков, как, например, «Воспоминания о М.Н. Загоскине» и «Знакомство с Державиным». Отдельного внимания заслуживает его рассказ «Собирание бабочек», увидевший свет уже после смерти автора. Тематически он при-мыкает к университетским воспоминаниям Аксакова. Читая его, невольно переносишься мыслью к страницам набоковской прозы, посвященным этому увлечению.

Последним же прижизненно напечатанным произведением писателя стала «Встреча с маринистами» (1859), когда он уже почти полностью лишился зрения и диктовал дочери, оставаясь при том, по признанию критиков, «незаменимым культурным бытописателем-историком, пре-

восходным пейзажистом и наблюдателем природы, наконец, классиком языка».

После ухода со службы жизнь Сергея Тимофеевича текла относительно тихо, спокойно, благополучно и оседло, исполненная неустанным литературным трудом и общением с природой на охоте и рыбалке, без видимых внешних потрясений и драматических событий. Случались изредка житейские и идейные конфликты с подрастающими сыновья-

ших людей эпохи. Круг его дружеского общения в разные годы был очень широк. Но одна загадочная персона занимает в нем особое место. Речь идет о Гоголе.

Они познакомились в 1832 году, когда Николай Васильевич был проездом в Москве. Знакомство с великим писателем стало переломным моментом в судьбе Аксакова. По свидетельству И. Панаева, именно по настоянию Гоголя Аксаков начал пробовать себя в художественной реалистической прозе. И именно Го-

Симпатичная фигура Аксакова притягивала к себе лучших людей эпохи. Круг его дружеского общения был очень широк. Но одна загадочная персона занимает в нем особое место. Речь идет о Гоголе. Знакомство с этим великим писателем стало переломным моментом в судьбе Аксакова. Именно по настоянию Гоголя он начал пробовать себя в реалистической прозе. И именно Гоголь постоянно побуждал его к написанию развернутого биографического цикла «Семейная хроника»

ми, личностями самобытными и пытливыми. В размолвках этих мать всегда занимала сторону отца, и они гасились мирно, в кругу семьи. Тем более что суровый с виду Сергей Тимофеевич был с домочадцами мягок и ласков.

Так же, в принципе, протекала со второй половины и жизнь Льва Толстого. И подобно Толстому, исключительно симпатичная фигура Аксакова неизменно притягивала к себе луч-

голь постоянно побуждал его к написанию развернутого биографического цикла. Можно сказать, что со временем дом Аксакова сделался своеобразным храмом гоголевского культа, а сам Сергей Тимофеевич — его верховным жрецом.

Увы, в Гоголе он, в конце концов, сильно разочаровался, откликнувшись на «Выбранные места из переписки с друзьями» горьким письмом бывшему кумиру. А затем напечатал

в 1852 году после смерти гениального писателя «Письмо к друзьям Гоголя» и «Несколько слов о биографии Гоголя (1853), где призывал к предельной осторожности с публикацией материалов о его жизни. И сам почти сразу же приступил к воспоминаниям о Гоголе. Работа, правда, застопорилась, но потом возобновилась. «Историю моего знакомства с Гоголем» Аксаков писал остаток жизни, так и не успев довести ее до конца. Однако и в таком виде она стала образцом отечественной мемуаристики и важным источником для гоголевских биографов.

У него самого уже начали появляться свои биографы. Да и не мудрено, поскольку абрамцевская усадьба Аксаковых в течение десятилетий являлась центром притяжения для обширного круга писателей, ученых, журналистов всех мастей и театральных деятелей. Постепенно этот круг пополнялся друзьями сыновей Сергея Тимофеевича — славянофилов Константина и Ивана. Здесь у них вспыхивали жаркие споры с западником Тургеневым и маститым филологом Н. Надеждиным. Неоднократно бывали в Абрамцеве и Гоголь, и Тютчев, и декан Московского университета, академик С. Шевырев.

Эту атмосферу истинно русского гостеприимства и высокий уровень интеллектуальных дискуссий помогали поддерживать также супруга Аксакова Ольга Семеновна и дочь Вера. Традиции аксаковских «суббот» члены его семьи сохраняли

и после смерти радушного хозяина дома, передав их по наследству купившему Абрамцево в 1870 году крупному предпринимателю и меценату Савве Мамонтову. При нем в усадьбе сложился знаменитый мамонтовский кружок выдающихся художников и прославленных деятелей искусств, таких, как Поленов, Серов, Нестеров, Врубель, Левитан, Репин, Шаляпин, Ермолова...

Тяжелая болезнь настигла Сергея Тимофеевича в пору его наивысшего признания. Он мужественно боролся с ней, пытался работать и скончался весной 1859 года в Москве. Похоронили его на старинном кладбище Симонова монастыря. На могиле родные установили большой каменный крест. В 1930 году после разрушения монастыря Аксаков был перезахоронен на Новодевичьем кладбище под другим памятником без креста — обелиск с вазой (сказались обычаи сталинской эпохи).

Современные зарубежные писатели и литературоведы, отдавая дань произведениям Сергея Аксакова, сравнивают его с классиком американской приключенческой литературы Фенимором Купером, поскольку он тоже увлекательно рассказывал юным читателям об освоении новых земель. Причем нередко на собственном примере. И еще один любопытный факт: исследователи творчества Сергея Аксакова подсчитали, что исконно русских слов и выражений в его произведениях вдвое больше, чем у Льва Толстого.

Очерк зимнего дня

В 1813 году с самого Николина дня установились трескучие декабрьские морозы, особенно с зимних поворотов, когда, по народному выражению, солнышко пошло на лето, а зима на мороз. Стужа росла с каждым днем, и 29 декабря ртуть застыла и опустилась в стеклянный шар. Птица мерзла на лету и падала на землю, уже окоченелюю. Вода, взброшенная вверх из стакана, возвращалась оледенелыми брызгами и сосульками, а снегу было очень мало, всего на вершок, и неприкрытая земля промерзла на три четверти аршина. Врывая столбы для постройки рижного сарая, крестьяне говорили, что не запомнят, когда бы так глубоко промерзала земля, и надеялись в будущем году богатого урожая озимых хлебов. Воздух был сух, тонок, жгуч, пронзителен, и много хворало народу от жестоких простуд и воспалений; солнце вставало и ложилось с огненными ушами, и месяц ходил по небу, сопровождаемый крестообразными лучами; ветер совсем упал, и целые вороха хлеба оставались невеяными, так что и деваться с ними было некуда. С трудом пробивали пешнями и топорами проруби на пруду; лед был толщиной с лишком в аршин, и, когда доходили до воды, то она, сжатая тяжелою, ледяною корою, била, как из фонтана, и тогда только успокаивалась, когда широко затопляла прорубь, так что для чищенья ее надобно было подмащивать мостки. Скот грелся постоянно едою, корма выходило втрое против обыкновенного, и, так как от летней засухи уродилось мало трав и соломы, крестьяне начинали охать и бояться, что корму, пожалуй, не хватит и до Алексея Божьего человека. Стали бить лишнюю скотину, и мясо так подешевело, что говядину продавали по три копейки ассигнациями, а баранину по две копейки за фунт. Достаточные крестьяне уже не обедали без свежинки; но скоро стали замечать, что от мясной пищи прибавляются больные, и стали ее опасаться.

Великолепен был вид зимней природы. Мороз выжал влажность из древесных сучьев и стволов, и кусты и деревья, даже камыши и высо-

кие травы опушились блестящим инеем, по которому безвредно скользили солнечные лучи, осыпая их только холодным блеском алмазных огней. Красны, ясны и тихи стояли короткие зимние дни, похожие, как две капли воды, один на другой, а как-то невесело, беспокойно становилось на душе, да и народ приуныл. Болезни, безветрие, бесснежие, и впереди бескормица для скота. Как тут не приуныть? Все молились о снеге, как летом о дожде, и вот, наконец, пошли косички по небу, мороз начал сдавать, померкла ясность синего неба, потянул западный ветер, и пухлая белая туча, незаметно надвигаясь, заволокла со всех сторон горизонт. Как будто сделав свое дело, ветер опять утих, и благодатный снег начал прямо, медленно, большими клочьями опускаться на землю. Радостно смотрели крестьяне на порхающие в воздухе пушистые снежинки, которые, сначала порхая и кружась, опускались на землю. Снег начал идти с деревенского раннего обеда, шел беспрестанно, час от часу гуще и сильнее. Я всегда любил смотреть на тихое падение или опущение снега. Чтобы вполне насладиться этой картиной, я вышел в поле, и чудное зрелище представилось глазам моим: все безграничное пространство вокруг меня представляло вид снежного потока, будто небеса разверзлись, рассыпались снежным пухом и наполнили весь воздух движением и поразительной тишиной. Наступали длинные зимние сумерки; падающий снег начинал закрывать все предметы и белым мраком одевал землю.

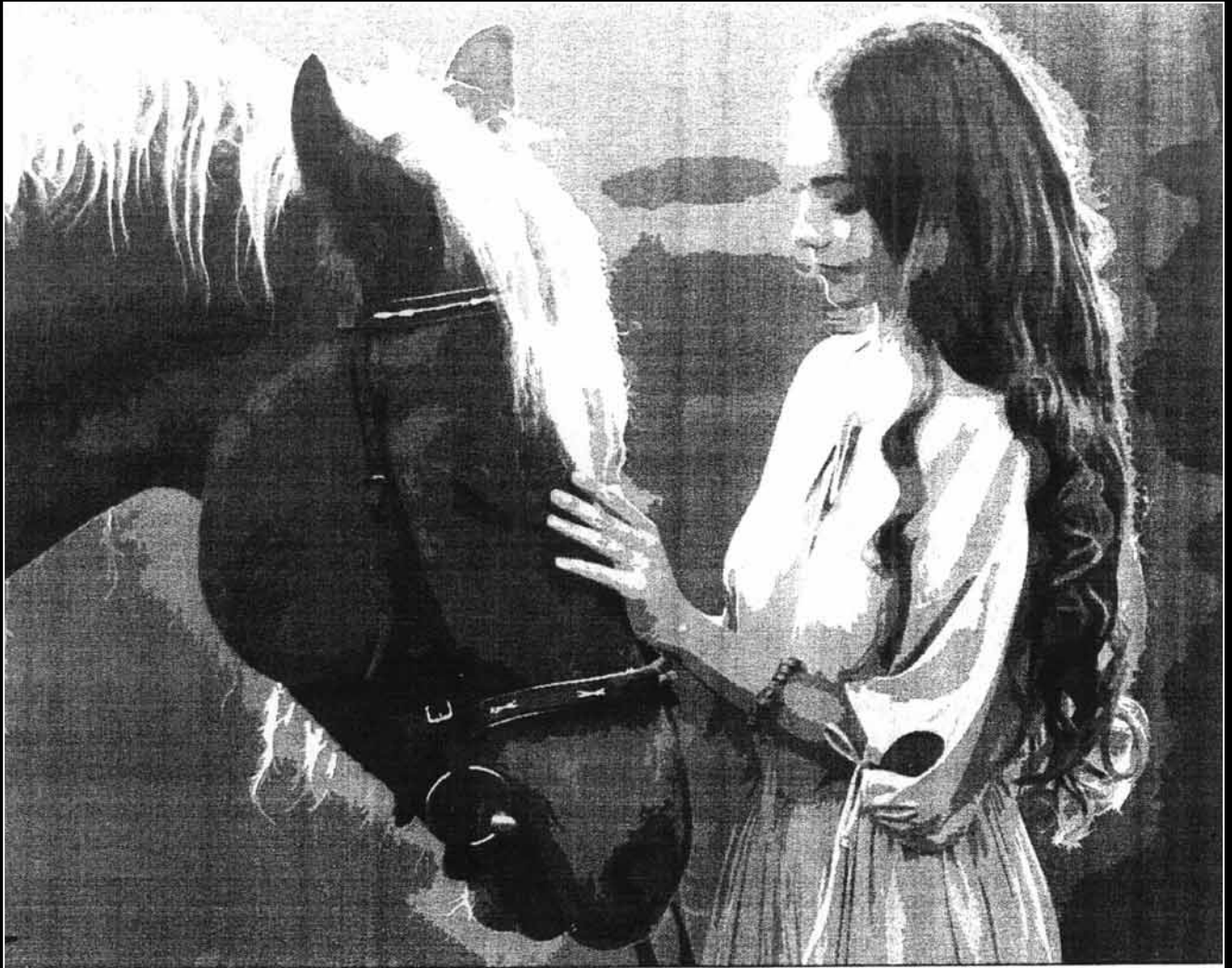
Хотя мне, как страстному ружейному охотнику, мелкоснежье было выгодно, и стрельба тетеревов с подъезда, несмотря на стужу, была удобна и добычлива, но, видя общее уныние и сочувствуя общему желанию, я также радовался снегу. Я воротился домой, но не в душную комнату, а в сад и с наслаждением ходил по дорожкам, осыпаемый снежными хлопьями. Засветились огоньки в крестьянских избах, и бледные лучи легли поперек улицы; предметы смешались, утонули в потемневшем воздухе. Я вошел в дом, но и там долго стоял у окошка, стоял до тех пор, покуда уже нельзя было различить опускающихся снежинок... «Какая пороша будет завтра, — подумал я, — если снег к утру перестанет идти, где малик — там и русак...» И охотничьи заботы и мечты овладели моим воображением. Я особенно любил следить русаков, которых множество водилось по горам и оврагам, около хлебных крестьянских гумен. Я с вечера приготовил все охотничьи припасы и снаряды; несколько раз выбегал посмотреть, идет ли снег, и, убедившись, что он идет по-прежнему, так же сильно и тихо, так же ровно устилающая землю, с приятными надеждами лег спать. Длинна зимняя ночь,

и особенно в деревне, где ложатся рано: бока пролежишь, дожидаясь белого дня. Я всегда просыпался часа за два до зари и любил встречать без свечки зимний рассвет.

В этот день я проснулся еще ранее и сейчас пошел узнать, что делается на дворе. На дворе была совершенная тишина. Воздух стал мягок, и, несмотря на двенадцатиградусный мороз, мне показалось тепло. Высыпались снежные тучи, и только изредка какие-то запоздавшие снежинки падали мне на лицо. В деревне давно проснулась жизнь; во всех избах светились огоньки и топились печи, а на гумнах, при свете пылающей соломы, молотили хлеб. Гул речей и стук цепов с ближних овинов долетали до моего слуха. Я засмотрелся, заслушался и не скоро воротился в свою теплую комнату. Сел против окошка на восток и стал дожидаться света. Долго нельзя было заметить никакой перемены, наконец показалась особенная белизна в окнах, побелела изразцовая печка, и обозначился у стены шкаф с книгами, которого до тех пор нельзя было различить. В другой комнате, дверь в которую была отворена, уже топилась печка. Гудя и потрескивая, похлопывая заслонкой, она освещала дверь и половину горницы каким-то веселым, отрадным и гостеприимным светом. Но белый день вступал в свои права, и освещение от топящейся печки постепенно исчезало. Как хорошо, как сладко было на душе! Спокойно, тихо и светло! Какие-то неясные, полные неги, теплые мечты наполняли душу...

«Лошади готовы: пора, сударь, ехать!» — раздался голос Григория Васильева, моего товарища по охоте и такого же страстного охотника, как я. Этот голос возвратил меня к действительности. Разлетелись сладкие грезы! Русачьи малики зарябили перед моими глазами. Я поспешно схватил со стены мое любимое ружье, моего неизменного испанца... □

Москва, 1858, декабрь.

СМЕРТЕЛЬНАЯ гастроль

Фургон трясся на ухабах и натужно скрипел. Впряженный в повозку Букет, рослый темно-гнедой жеребец со скверным характером, казалось, хотел, чтобы его пассажиры прикусили языки. Но за годы работы в цирке Пашка, семнадцатилетний наездник, так привык к жизни на колесах, что никакая тряска его не пугала. А Якова Ильича и подавно.

Бывшего воздушного гимнаста, а ныне — циркового реквизитора и мастера на все руки Якова Горчинского Пашка, несмотря на немалую разницу в возрасте, считал своим большим другом.

— Правду говорят, что две беды в России — дураки и дороги. — Яков Ильич покрепче перехватил вожжи, чего своенравный Букет явно не одобрил. — А у нашего брата циркового артиста вся жизнь — сплошная гастроль, то есть дорога... Ничего, скоро приедем, до Энска рукой подать!

— Не пойму все-таки, на кой нам сдался Энск? — пожал плечами Пашка. — Ехали бы прямо в Феодосию!

— А почему бы нам не выступить в Энске? Там отличный деревянный цирк, его владелец и упросил Ефима Захарыча дать хотя бы одно представление. Даже шапито натягивать не придется. А сборы будут хорошие. У нас же и чемпионат французской борьбы, и факир-шпагоглотатель... Публика валом повалит. Заодно и вы с Тоней «покрестите» свое па-де-де.

«Покрестить» номер означало — первый раз показать его публике. От упоминания об их с Тоней па-де-де, конно-акробатическом номере, Пашке стало волнительно и радостно одновременно. Радостно потому, что Ефим Захарович Кротов, хозяин цирка, обещал дать им с Тоней двойной бенефис. Пашка зажмурил глаза и представил афишу: «...апреля 1913 года впервые в России состоится бенефис первоклассных итальянских наездников, исполнителей невероятных трюков, любимцев публики м-ль Тоньетты и г. Паоло. Будет исполнено па-де-де Коломбина и Пьеро. Роскошные костюмы». И ниже: «При участии юных бенефициантов пройдет блистательное представление, в котором примет участие вся труппа, состоящая из тридцати персон»... А волнительно потому, что неизвестно еще, не обернется ли бенефис «любимцев публики» позорным фиаско. В дуэтной работе, чтобы все было слаженно, от каждого требуется вдвое больше усилий. Тем более номер у них сложный, только двойной вольтиж чего стоит! Оба наездника проделывают вольтижировку на мчащихся одна за другой по кругу лошадях, причем на большой скорости. А в конце номера и Нарцисс Пашки, и Загадка Тони делают пиаффе — разом вскидывают передние и задние ноги по диагонали, будто танцуют. Подготовить пиаффе им помог хозяин цирка Ефим Захарович Кротов, сам великолепный наездник. В былые годы Ефим Захарыч блистал и в парфорсе, и в джигитовке... До недавних пор Кротов, Пашка и Тоня выступали с номером па-де-труа. Увидев, какой успех его лучшие ученики имеют у публики, Ефим Захарович решил кроме трио сделать еще и дуэт.

Вот костюмы им сшили действительно роскошные. Тоне — бархатный лиф и пышную юбочку с блестками, Пашке — белый балахон с широкими рукавами и накрахмаленным жабо. Непослушные рыжие вихры нужно будет прятать под облегающей черной шапочкой, а веснушки — под слоем белого грима...

— Павлуш, не слышишь, что ль? — отвлек Пашку от размышлений голос Якова Ильича. — Кто, спрашиваю, чемпионом станет, Тихон или Лори? Как думаешь?

Французская борьба пользовалась у зрителей необыкновенным успехом и приносила организаторам чемпионатов немалый доход. В расчете на это Кротов приглашал в свой цирк лучших борцов и антрепренеров. Нынешней весной публика с азартом следила за соперничеством «мировых чемпионов» Тихона Кочерыгина и Феликса Лори, силы которых, по мнению знатоков, были равны, и угадать, кто же из них вырвет победу в финальном поединке, не представлялось возможным.

— Думаю, Тихон, у него страсть, какая силища! — наморщив лоб, ответил Пашка. И почему-то добавил. — И зрители его больше любят. Особенно зрительницы. Взять хоть бы Евдокию Савишну, уж на что женщина

строгая, я бы даже сказал — суровая, а Тихону всегда и улыбнется, и слово ласковое скажет...

— Верно подмечено, — бросил на Пашку быстрый взгляд Яков Ильич. — Поменьше бы она ему улыбалась, а то так ведь и до греха недалеко. Если еще не... ну, да это дело хозяйское, не наше... А зато Лори ловчее, гибче, — свернул он со скользкой темы, — и хитрее. От него всего можно ожидать.

Пашке вспомнился день знакомства с Ефимом Захаровичем Кротовым и его супругой Евдокией Савишной. В Брянск, где жила Пашкина семья, приехал цирк, и Пашка с другом Митькой, узнав об этом, тайком от родителей побежали проситься в ученики. Хозяин цирка — одетый по-барски русоволосый крепыш с добрыми серыми глазами — Пашке сразу понравился. Кротов надел на мальчишку широкий пояс с прицепленной где-то вверху веревкой и посадил его на лошадь, которую пустил по кругу. «Попробуй-ка встать на ноги!» — вдруг воскликнул он. Как ни странно, у Пашки получилось, и Кротов его похвалил. А Митька струхнул и убежал домой.

Когда Ефим Захарович уже снимал с Пашки лонжу, к ним подошла молодая красивая дама в шляпе с большими полями и в смешных длинных розовых перчатках без пальцев. В ее ушах сверкали серьги, на пальцах — перстни.

— Ну, как мальчик, подошел? Фима, только не забудь уладить формальности с родителями, — произнесла она и удалилась.

Так исполнилась давнишняя Пашкина мечта — стать цирковым артистом.

Другие ученики — двое мальчишек и три девочки, среди которых была и Тоня, — рассказали Пашке, что Кротовых следует называть «дядей» и «тетей». Дескать, обращений «хозяин» и «хозяйка» супруги не любят... С того памятного дня прошло без малого четыре года.

Позже Пашка узнал, что Ефим Захарович, цирковой артист в третьем поколении и владеец цирка-шапито, взял в жены дочь егеря Евдокию Савишну, влюбившись в нее без памяти. Кротов не только обеспечил молодую жену, но и сделал из нее артистку, можно сказать, приму. Аплодисменты и цветы, которые Евдокия обожала, она получала вполне заслуженно. Больше оваций и букетов Кротова любила разве что драгоценности, — и муж щедро ее ими одаривал.

С воспоминаний мысли Пашки снова перескочили на предстоящее выступление в Энске.

— Как борцы между собой борются — это я понимаю. Приемы у них всякие... А вот как наш факир шпаги глотает? — Он в задумчивости снова наморщил лоб. — А огнем дышит, точно дракон? Или он человек какой-то особенный, этот Бернардо, не такой, как все?

— Думаю, есть у него свои секреты, — ответил Яков Ильич, снова перехватывая вожжи. — А что он за человек... Пройдоха, каких мало, нечист на

руку, картежник, еще и шулер. Ты, Павлуша, от таких людей держись по-дальше.

За разговором Яков Ильич и Пашка не заметили, как по обеим сторонам дороги начали попадаться приземистые домишки, окруженные цветущими садами, — их фургон, замыкавший цирковой обоз, въехал в Энск.

С прибытием труппы Кротова энский цирк, до того месяц пустовавший, наполнился шумом, конским ржанием и особой суетой, означавшей подготовку к представлению. На улице возле афишной тумбы толпился народ, пожирая глазами свежую, кричаще-яркую афишу: «Цирк «Модерн». Проездом! Только одно представление! Международный чемпионат борьбы с участием лучших борцов мира. Арбитр И. В. Логинов. Блестящая программа, ряд лучших аттракционов Старого и Нового света...»

После конной репетиции на манеже Пашка заглянул в костюмерную, служившую еще и реквизиторской, чтобы подремонтировать уздечку, и обнаружил там борцов Кочерыгина и Лори, а также факира Бернардо. Все трое толклись между тюками и ящиками с костюмами и реквизитом, мешая — похоже, нарочно — друг другу. Вертлявый Лори, презрительно щуря черные, как угли, глаза, задирает статного красавца Кочерыгина, угрожая уложить его на лопатки максимум на пятой минуте поединка.

— Это мы еще посмотрим, кто кого уложит, — скрипя зубами и стискивая кулаки, огрызнулся Тихон.

— Не быть тебе, Тиша, чемпионом, — хихикал факир Бернардо, не прекращая при этом отрабатывать фокус: в его ловких руках то появлялись, то исчезали с полдесятка разноцветных шариков и платочков.

Яков Ильич, с усмешкой прислушиваясь к перепалке, чистил двустволку, которая использовалась в пантомиме «Медведь и часовой». Новая пантомима также очень нравилась зрителям. В конце ее в медведя, роль которого талантливо исполнял униформист Пантелеич, стреляли из заряженного холостыми патронами ружья, «сраженный» пулей медведь падал, и его подликованье публики утаскивали за кулисы...

В костюмерную вошла Евдокия Савишна, скользнула взглядом по Кочерыгину, порывшись в одном из ящиков, извлекла оттуда алую воздушную шаль и вышла. Зашел хозяин цирка Кротов, строго посмотрел на собравшихся, сообщил, что привез к захворавшей накануне кобыле Букашке ветеринара, и попросил господ артистов поспешить с приготовлениями к выступлению. В этот момент в комнату ворвалась раскрасневшаяся Тоня.

— Дядя, наш Пантелеич снова в стельку пьяный! На конюшне заснул, с трудом добудились! — выпалила она. — Ему на манеж, а он языком едва ворочает и на ногах не стоит!

По большому счету, униформиста Пантелеича из-за пьянства рассчитывать надо было давно, однако Кротов его жалел. В цирке все знали за Пантелеичем такой грех и всячески оберегали его от искушения. Когда-то он был блестящим вольтижером и сальтоморталистом, но те времена безоглядно миновали. Неизменной оставалась только его огромная взаимная симпатия с лошадьми.

— Безобразие! Гнать взашей этого мерзавца! — раздался в коридоре возглас Евдокии Савишны, которой, по-видимому, тоже доложили о происшествии. — Фима, надеюсь, в этот раз ты не станешь с ним миндальничать и проявишь, наконец, твердость!

На лицо Кротова набежала тень.

— Подкузьмил Пантелеич! Униформисты-то справятся, а вот кем его в «медведе» заменить?

В реквизиторской возникло легкое замешательство. Взгляд хозяина цирка упал на Кочерыгина.

— Тихон, голубчик, выручите нас! — обратился он к борцу. Голос дяди звучал, как показалось Пашке, излишне елейно. Или не показалось? — Сыграйте медведя! Пантомима во втором отделении, ваш с Лори поединок — в третьем, тем более там и делать-то особо ничего не надо: надеть медвежью шкуру, выйти, походить вокруг часового, услышав выстрел, упасть. Все! Помнится, вы нас как-то уже выручали, и вышло преуморительно! А я вам доплачу за выход.

Последний довод оказался, видимо, убедительным, и Кочерыгин согласился.

Незадолго до начала представления Пашка забежал за какой-то надобностью в грим-уборную Кротова и стал свидетелем странной сцены. Посередине гримерной стоял большой чемодан, его замки запирались на один из ключей, связку которых хозяин всегда носил с собой. Ефим Захарович, бледный, как полотно, застыл над раскрытым чемоданом, держа в руках обитую бархатом продолговатую коробочку — футляр для украшения. Коробочка была пуста. Кротов швырнул ее в угол и вынул еще один футляр, потряс его и торопливо раскрыл. Та же история.

— Дядя, что вы дела... — начал, было, Пашка и тут же осекся. Таким удрученным он Кротова никогда еще не видел.

— А? — поднял на него печальный взгляд Ефим Захарович. — Потом, Паш, все потом... Иди, гримируйся, скоро начинаем...

Битком набившиеся в цирк зрители щедро награждали всех без исключения артистов аплодисментами и цветами. Пьеро и Коломбину после их па-де-де буквально засыпали букетами. За кулисами Пашка и Тоня быстро переоделись, тихонько пробрались в зал и уселись на ближайшую к форгангу

скамью — очень уж им хотелось посмотреть, как факир Бернардо будет глотать шпаги и дышать огнем. Они наблюдали эти чудеса не единожды, но каждый раз удивлялись, будто видели впервые. На той же скамье сидели Кротовы, Кочерыгин, Яков Ильич и еще несколько артистов, уже отработавших свои номера.

Бернардо ожиданий не обманул. Он не только глотал шпаги и изрыгал огонь, но и ходил босиком по горящим углям, рассыпанным на железном противне, заглатывал золотых рыбок и выпускал их изо рта вместе со струей воды — этот трюк назывался «человек-аквариум». А также капал себе в рот кипящее олово и откусывал кусочки от раскаленной железной пластинки.

Под конец ассистентка Бернардо объявила, что сейчас он покажет несколько фокусов, но ему потребуется помощь многоуважаемой публики. Факир, держа в левой руке небольшой круглый поднос и шелковый платок, подошел к щеголеватому господину в первом ряду и жестами попросил дать ему бутоньерку, украшавшую лацкан сюртука. Щеголь повиновался. Бернардо положил бутоньерку на поднос и накрыл ее платком. Через секунду сдернул платок — бутоньерка исчезла! Факир встряхнул платок и развернул его, дабы продемонстрировать, что ничего в нем не прячет. Бутоньерка обнаружилась в ридикюле у барышни, сидевшей с другой стороны манежа, — к изумлению владелицы ридикюля и радости зрителей. Бернардо проделал подобные манипуляции еще с несколькими предметами, а затем приблизился к Евдокии Савишне и, поклонившись, указал на ее ожерелье, которое она с улыбкой тут же сняла с шеи. Каково же было удивление Пашки, когда Бернардо вытряхнул тетино ожерелье из башмака Тихона Кочерыгина! Публика засмеялась и захопала, госпожа директриса вспыхнула и украдкой глянула на мужа, но на лице Ефима Захаровича не дрогнул ни один мускул. А Бернардо не унимался, — из жилетного кармашка Тихона он извлек... изящные золотые дамские часики! Кочерыгин побагровел и процедил что-то сквозь зубы, но что именно, расслышал, наверное, только Бернардо. Вдоволь натешившись над Тихоном, факир, наконец, оставил его в покое и, выйдя на середину манежа, раскланялся, посылая воздушные поцелуи неистово аплодирующей галерке. Партер хлопал сдержаннее, но тоже охотно. Кочерыгин же поднялся и стал неуклюже пробираться к форгангу, ворча, что ему пора готовиться к выходу в пантомиме...

Дебют Тихона, разозленного факиром, в роли медведя оказался весьма успешным. Облаченный в медвежью шкуру, он, пошатываясь, вышел на манеж, махая лапами и рыча очень натурально. «Часовой», которого изображал клоун Бантик, прицелился, бабахнул оглушительный выстрел, и... «медведь» упал как подкошенный. Публика на мгновение замерла, а потом

разразилась овациями. Четверо униформистов взяли «убиенного» за лапы и уволокли за кулисы. Там они по привычке оттащили его под галерку и оставили, предоставив «медведю» самому освободиться от шкуры.

Второе отделение закончилось, антракт тоже. Третье отделение, по традиции, отводилось французской борьбе. Зрители ерзали на скамьях и гудели, с нетерпением ожидая поединка «лучших борцов мира». За форгангом энергично разминались борцы, включая Лори. Готовясь к выходу на манеж, прокашливался и счищал с сюртука невидимые пылинки известный антрепренер и арбитр Иван Логинов.

Оркестр заиграл бравурный марш, и атлеты выбежали на арену. Зал взорвался криками и аплодисментами. Арбитр торжественно представил каждого из борцов, среди которых оказалось немало именитых, и вызвал на ринг первую пару. Поединки следовали один за другим, но разгоряченные зрители ждали кульминации — состязания чемпионов. Наконец Логинов зычно объявил о начале главной схватки — Кочерыгина и Лори. Дирижер поднял палочку, чтобы взмахнуть ею, как только на арену выйдут герои вечера. И тут оказалось, что ярко освещенный манеж... пустой.

С галерки раздался свист.

Кочерыгин по неизвестной причине запаздывал. Лори за кулисами подпрыгивал от нетерпения. Логинов выразительно поглядывал на часы-луковицу с монограммой на крышке. Прошло пять минут, десять... Шпрыхталмейстер, обычно невозмутимый, занервничал. Появился Кротов, поинтересовался, почему не начинают, послал униформиста поторопить Тихона. Униформист вернулся с ошеломляющим известием: в гримуборной Кочерыгина нет, никто из опрошенных циркачей о его местонахождении ничего сказать не может.

— Ха-ха, я не сомневался в исходе схватки, но не предполагал, что соперник сбежит еще до ее начала! — позлорадствовал Лори.

— Ефим Захарыч, извини, больше ждать не могу, — развел руками Логинов. — Придется засчитать Кочерыгину поражение.

Они с Лори, который сиял, как золотой пятиалтынник, вышли на манеж, где Логинов, подняв руку Лори, объявил его победителем — вследствие отказа от борьбы другого соискателя чемпионского титула. Публика разочарованно загудела, галерка снова засвистела и затопала. Впрочем, торжествующему Лори момент триумфа это нисколько не испортило.

Пашку, обрадованного успехом па-де-де, не особо занимало, куда делся Тихон Кочерыгин, хоть поведение борца и показалось ему странным. Ну, да у чуди свои причуды. Пашка договорился с Тоней и Яковом Ильичом отпраздновать «крестины» па-де-де, но прежде Якову Ильичу нужно было собрать реквизит. Тоня и Пашка набились ему в помощники. Они уже почти

закончили, когда Яков Ильич хватился медвежьей шкуры. В грим-уборной Кочерыгина шкуры не было.

— Вещь дорогая, не отыщется, хозяйка ее стоимость из моего жалованья вычтет, — сокрушался реквизитор.

Тоне первой пришло в голову поискать шкуру там, где униформисты оставили «медведя» — под галеркой.

— Нашлась наша пропажа! — сообщил Яков Ильич, осветив темный закоулок керосиновой лампой. Он потянул за шкуру, но та не поддавалась. — Что ж она тяжелая-то такая... Павлуша, пособи-ка!

Они вдвоем вытащили шкуру и растянули ее. Пашка и Яков Ильич онемели, а у Тони вырвался короткий то ли крик, то ли всхлип.

Перед ними лежало окровавленное бездыханное тело Тихона Кочерыгина.

Полицейский врач определил, что Кочерыгин убит выстрелом картечью прямо в сердце. Смерть наступила мгновенно. По оставшимся в двустволке, из которой стреляли в «медведя», гильзам полиция без труда установила, что вместо холостых патронов санкт-петербургского завода, которыми обычно пользовался реквизитор Яков Горчинский, ружье было заряжено патронами с картечью рижской фабрики. Якова Ильича арестовали. Клоуну Бантику, который сделал злополучный выстрел, запретили в ближайшее время покидать город — нашлись свидетели, подтвердившие, что двустволку он получил из рук Горчинского и сразу же вышел с ней на манеж. Ружье полицейские забрали с собой.

Несмотря на неопровержимые, казалось бы, улики, Пашка упорно отказывался верить в виновность своего старшего друга. Чепуха какая-то! Не мог Яков Ильич зарядить ружье картечью вместо холостых патронов — ни по ошибке, ни, тем более, намеренно. Как он заряжал его, Пашка видел собственными глазами, причем это было еще до того, как стало известно, что Пантелеич напился, и ему требуется замена. Уж кому-кому, а своему приятелю Пантелеичу реквизитор точно смерти не желал. А Тихона Якову Ильичу зачем убивать, какая ему от этого польза? Да и не такой он человек, чтоб вот так, исподтишка, другого человека жизни лишиться...

Другое дело — Феликс Лори. Явись Кочерыгин на поединок, еще вопрос, кто вышел бы победителем. Вот кому смерть Тихона была на руку! Мог Лори подменить патроны? Этот ловкач мог что угодно, не зря ж он в реквизиторской отирался... Вот же, гад! Неужто думал, что выйдет сухим из воды?!

Нужно рассказать о своих выводах дяде, подумал Пашка. Он сунулся, было, к Кротову в грим-уборную, но увидел там рыдающую Евдокию Савишну и попятился. Да и дядя явно не был расположен к беседе.

— Не вовремя ты, Паша, ступай, позже поговорим, — сказал он и плотно притворил перед его носом дверь.

Пашка повернулся и побрел в сторону реквизиторской. Версия насчет Лори казалась ему то очень хорошей, то попросту дурацкой. Как бы ее проверить?

Как, как... Для начала попытаться расспросить Ракитина, импресарио Кочерыгина. Он-то должен знать, каковы были шансы Тихона на победу над Лори, и какой куш стоял на кону! «Ага, так он мне все и выложил, держи карман шире!» — одернул сам себя Пашка. Но попробовать-то надо!

Ракитин раздавленным горем не выглядел. Вопреки опасениям, он не заставил себя долго упрашивать и охотно отвечал на вопросы.

— Шансы Тихона на чемпионство? Брось, какие шансы? Все было договорено, Тихон знал, что должен лечь под Лори... и получить за это неплохую компенсацию.

— Что значит — договорено? Как это — лечь?! — Пашка даже рот разинул от удивления.

— Да то и значит! Ты что, ничего не слышал о договорных поединках?

— Но это же нечестно!

— Честно, не честно — это не деловой подход, — скривился Ракитин. — А у деловых людей принято договариваться, кто, под кого и за сколько. Понял?

— И что, все... ложатся? — недоверчиво спросил Пашка.

— Не все. К Поддубному, говорят, с подобными предложениями лучше не соваться. Но то Поддубный...

Разговор с Ракитиным оставил неприятный осадок. Теплилась еще, правда, надежда, что кроме деловых людей во французской борьбе есть и порядочные.

Стоп! Но, если Кочерыгин уже и так согласился лечь под соперника, выходит, Лори не было смысла его убивать? Значит, это не он подменил патроны? А кто? Должно быть, тот, кто видел, как Яков Ильич заряжал двустволку, а потом, улучив момент, проворно заменил холостые патроны картечью... А видели это, кроме Тихона, Лори и самого Пашки, Евдокия Савишна, Ефим Захарович и факир Бернардо. Что ж теперь, всех их подозревать?! Эх, сюда бы «короля сыщиков» Ната Пинкертона, книжицу о приключениях которого Пашка недавно нашел у Горчинского и проглотил за один вечер. Нат Пинкертон наверняка распутал бы это дело в два счета. Но что ж делать, придется обходиться своими силами. Нельзя же допустить, чтобы Якова Ильича осудили за убийство, которого он не совершал!

Пашка почувствовал, что у него начинает пухнуть голова, и решил поделиться соображениями с Тоней — авось посоветует что-нибудь дельное. Тоня — не только партнерша по номеру, она верный и надежный друг. А то и больше, чем друг... Родителей Тоня совсем не помнила, — до одиннадцати лет она скиталась с цыганами, потом сбежала от них и прибилась к цирку Кротова. Ефим Захарыч сразу разглядел в бойкой девчужке талант

цирковой наездницы. Самым ярким впечатлением Пашкиного первого дня в цирке стало представление, ему понравились все номера, но сильнее других восхитила маленькая девочка в черкеске с газырями, белой папахе, красном башлыке и с кинжалом за поясом. Лошадка у нее тоже была маленькая, — позже Пашка узнал, что они называются доплъ-пони. Лихая наездница на всем скаку спрыгивала на манеж и снова запрыгивала в седло, пролезала у лошадки под животом и выбиралась с другой стороны... Пашка так хлопал, что отбил все ладони. Той отважной девчонкой и была Тоня. Такой она и осталась, разве что подросла немного.

— Давеча Яков Ильич намекал, что Евдокия Савишна неровно дышала к Тихону, — морща лоб, сообщил Пашка Тоне. — И Бернардо во время представления вытащил тетины часики у Кочерыгина из кармашка... Как они попали к Тихону? Неужели меж ним и тетей и вправду что-то было?

— Истинно так! — с жаром заверила его Тоня. — Полюбовниками они были. Можешь мне поверить, мы, женщины, такое сразу чувствуем!

— Тоже мне, женщина, — критически окинул взглядом миниатюрную Тонину фигурку Пашка. — Ладно-ладно, не злись. Не пойму только, куда Ефим Захарыч глядел? Па-де-труа, значит? Что ж она так, он же к ней со всей душой... Эх вы, женщины!

Тоня состроила гримаску, показывая, что упрек она на свой счет не принимает.

— Но тогда, — начал вслух размышлять Пашка, — не стала бы Евдокия Савишна убивать Тихона, верно? Не она это. А вот Бернардо... Этот, мне кажется, на все способен.

— А ему зачем? — задала резонный вопрос Тоня.

А действительно, зачем? Пашка вдруг вспомнил, как Кротов открывал один за другим футляры для украшений, и все они оказывались пусты. А если это Бернардо стянул драгоценности Евдокии Савишны? И что, что из-под замка? Он же фокусник, ему любые замки нипочем. А Кочерыгин его каким-то путем изобличил, за то и поплатился жизнью. То, что Тихон и факир друг друга недолюбливали, ни для кого в цирке не было тайной. Получается, пропажа драгоценностей и убийство связаны. Или нет? Да и украдены ли украшения вообще? Спросить об этом у Евдокии Савишны? Пашка поежился — вряд ли она скажет, скорее, разгневется, еще и поколотить может. А если спросить у Ефима Захаровича, почему он не сказал полиции о пропаже драгоценностей? А он ведь не сказал...

— Паш, о чем задумался, рассказывай! — потребовала Тоня.

Пашка изложил ей свою новую версию, и у девушки загорелись глаза:

— Если это Бернардо украл тетины цацки, то вряд ли он таскает их все с собой. Наверняка где-то у себя в грим-уборной спрятал. А мы можем поискать!

— Да как же мы у него в грим-уборной станем искать?!

— Тебе, и впрямь, сложно будет, а мне очень даже легко! — Тоня рвалась действовать и нетерпеливо переступала с ноги на ногу, словно горячая лошадка. — Он давно меня к себе в ассистентки звал, если застанет, скажу, что пришла поговорить о деле! Бернардо сейчас на манеже репетирует, так что дорога свободна! Я заберусь к нему, а ты пока у дверей покараулишь, если что — свистнешь, свистеть-то умеешь? Чего стоишь столбом? Бежим!

— Свистеть умею, — пробурчал Пашка. Не очень-то ему нравилась эта затея, но остановить Тоню было сложнее, чем на всем скаку Звездочку — самую норовистую кобылу в цирке...

Грим-уборная Бернардо оказалась запертой, однако для Тони подобных преград не существовало. Поковырявшись в замке булавкой, она приоткрыла дверь и скользнула внутрь. Пашка, терзаемый сомнениями в правильности их действий, остался снаружи. Прошло всего немного времени, но ему показалось, что целая вечность. Что ж она так долго-то?!

В коридоре вдруг послышались голоса. Сейчас их, сыщиков доморощенных, и застукают! Он просунул голову в приоткрытую дверь и громко прошептал:

— Тоня, сюда идут! Выходи, быстро!

— Схоронись, за меня не бойся! — послышалось в ответ.

Пашка опрометью юркнул за угол, прижался к стене и, на всякий случай, затаил дыхание. По коридору шли Бернардо и Ракитин. У парня аж ладони взмокли. Поверит ли Бернардо, что Тоня пришла обсудить его предложение пойти к нему в ассистентки? А если не поверит, что он сделает?

— Странно, мне казалось, я запирал дверь, — донесся до него голос факира. — Должно быть, запамятовал. Проходи, Фадей, выпьем по рюмашке. Здесь нам никто не помешает.

Оба вошли в грим-уборную. Пашка напрягся, ожидая шума и возмущенных криков, а то и чего похуже. К его удивлению, ничего такого не последовало. Он подождал еще несколько минут. Тишина и спокойствие. Где же Тоня, куда она подевалась? Не испарилась же?

Минуты текли одна за другой, — когда их утекло пятнадцать или двадцать, Пашку, опершегоя спиной о стену, охватила какая-то странная дремота. «Во всем виноват Бернардо, — успел вяло подумать он, сползая по стене, — неправ был Яков Ильич, этот фокусник таки не совсем обычный человек...» Не в силах противиться наваждению, Пашка опустил голову на грудь и закрыл глаза. И тут ему на плечо легла чья-то рука.

— А-а-а! — вскинулся он. И тут же выдохнул с облегчением: — Тоня! Слава богу! Я уже места себе не находил!

— То-то я гляжу, ты так испереживался, что чуть не заснул, — насмешливо произнесла она.

— Это, наверное, Бернардо, будь он неладен, наслал на меня морок, — попытался оправдаться Пашка.

— А я думаю, что ты просто переволновался. Сначала наш дебют с паде-де, потом еще и убийство...

— Может, и так... Ну, рассказывай же скорее! Нашла что-нибудь? И как ты выбралась оттуда?

— Ничего не нашла, зато кое-что услышала. Там под окном, за ширмой, сундук стоит, тот самый, с которым Бернардо на манеже фокусы показывает. Ну, в котором предметы и люди исчезают, а потом снова появляются, помнишь? Когда ты меня предупредил, я в тот сундук и забралась. Сначала боязно было, думала, вдруг случайно сработает какое-то хитрое устройство, я провалюсь в люк и окажусь где-нибудь за тридевять земель от цирка? Однако ж притерпелась. Пока в сундуке сидела, Бернардо и Ракитин водку пили и о Тихоне говорили. Как я поняла, Кочерыгин проиграл фокуснику в карты кучу денег и обещал скоро расплатиться. Бернардо еще у Ракитина спросил: «Тихон что, наследство получил? Или золотую жилу нашел?» А Ракитин со смешком в ответ: «Может, и нашел, но со мной не поделился!» Потом факир печалился, какой, мол, с Кочерыгина теперь спрос, с мертвого-то? После этого начались пьяные бредни, мне уже неинтересные, я из сундука потихоньку выбралась и в окошко вылезла, они меня даже не заметили. Ну? Смекаешь?

— Что я должен смекать? — сильнее обычного наморщил лоб Пашка. — Что Бернардо своим сундуком дурит народ?

— Ой, горюшко, причем тут сундук! Что ему не было никакого проку от смерти Тихона! Какой же кредитор в здравом уме убивает должника, если можно тянуть из него долг, еще и с процентами?

Пашка с минуту смотрел на Тоню, хлопая глазами. Наконец туман в его голове развеялся окончательно.

— Похоже на то... Жалко, такая хорошая версия была, сам Нат Пинкертон позавидовал бы, — вздохнул он. — Но если это не Бернардо, то кто ж тогда? Из тех, кто мог, похоже, только Ефим Захарыч остался. Но это ведь не он, правда?

— Откуда ж мне знать, Паш? — дернула плечиком Тоня. — Дядя нас кормит, одевает, наукам разным обучает, профессии... Он добрый, не такой, как другие хозяева цирков, охочие до дармового детского труда. В других цирках с учениками куда хуже обращаются, уж можешь мне поверить. И я ужасно не хочу на него думать! Однако ж... Если мы ищем, кто мог смерти Тихона желать, то нужно и к дяде эту мерку приложить. Чтоб уж до конца честными быть. И выйдет, что он-то как раз и мог...

— Па-де-трау, будь оно неладно, — снова вздохнул Пашка. — Но это может быть только в том случае, если Ефим Захарыч знал о шашнях Евдокии

с Тихоном. Или подозревал. А если не знал и не подозревал? Тогда какая у него могла быть причина? Придумал, — вдруг встрепенулся Пашка. — Я пойду и напрямик спрошу у Ефима Захарыча, почему он полиции ничего о пропавших украшениях не сказал. Мне дядя ничего худого не сделает.

Кротова он нашел на конюшне, Ефим Захарович проводывал своего любимца, серого в яблоках рысака Ветра. На этот раз дядя не стал ни отнекиваться, ни запираяться — вероятно, ему самому хотелось перед кем-то облегчить душу. Сознался он и в том, что догадывался о романе Евдокии Савишны с Кочерыгиным.

— Сама она, правда, все отрицала. Плакала, уверяла, что верна мне... Но сердце-то не обманешь! — с тяжелым вздохом сказал Кротов. — А о пустых футлярах и пропаже драгоценностей полиции не сообщил, поскольку в тот момент решил, что Дуня их и забрала, что она собралась меня бросить. Я, Павел, сейчас и сам, будто пустой футляр. Кончилось счастье вмиг, как и не было его вовсе...

Все цирковые знали, что Кротов в супруге души не чаял. От жалости к дяде, который неподдельно горевал из-за измены жены, все другие вопросы вылетели у Пашки из головы. Впрочем, если б и не вылетели, вряд ли он решился бы их задать — прежде требовалось осмыслить имеющиеся факты.

А факты, признал раздираемый противоречивыми чувствами «сыщик», свидетельствовали не в дядину пользу. Причина желать зла Кочерыгину у Кротова была. Хоть и недолгий, но довольно богатый жизненный опыт подсказывал Пашке, что устранить счастливого соперника — не означает решить проблему, но ослепленный любовью и ревностью человек подчас забывает о здравомыслии, а то и вовсе лишается рассудка. Подменить холостые патроны картечью для Ефима Захарыча, заядлого охотника, — пара пустяков. Мало того, именно Кротов попросил Тихона выйти в пантомиме вместо запившего Пантелеича! Еще и упрашивал, денег посулил! Все, увы, сходится...

Тпр-ру! — осадил сам себя Пашка. Сходиться-то сходится, но откуда Кротов мог знать, что Пантелеич напьется, и ему потребуется замена? А кто сказал, что он знал? Он мог услышать об этом, как и другие, от Тони и решил воспользоваться подвернувшимся случаем. Однако вряд ли даже самый страстный любитель охоты с утра до вечера ходит с набитыми патронами карманами. Получается, убийца запасся картечью, будучи уверен в том, что случай ему подвернется. А почему он был в этом уверен? Потому что... сам и напоил Пантелеича! Господи, это же так просто!

Пашка даже вспотел оттого, какой неожиданный и вместе с тем логичный результат дали его мыслительные усилия. Возможно ли, что униформиста напоил Ефим Захарыч, презрев им же установленные правила? А когда он успел это сделать, если его с утра даже в цирке не было — ездил за ветеринаром для захворавшей Букашки?

Столь изощренный способ убить Кочерыгина — чужими руками — мог придумать человек расчетливый и хладнокровный. Мешал ему Тихон — он расправился с ним, помешал бы Пашка — не колеблясь, убрал бы с дороги и его. Бр-р-р! Ефим Захарыч под такой портрет решительно не подходил, еще вчера Пашка мог бы за него поручиться. Но то вчера...

Или же убийца, напротив, — человек, доведенный до отчаяния и не видевший из сложившейся ситуации иного выхода?

Медведь, охотник, двустволка, картечь... На одной из улиц Энска они проезжали мимо магазина с бросившейся в глаза красочной вывеской: «Все для охоты, спорта и путешествий. Крупнейший в России склад оружия...» Почему он об этом вспомнил? Не зря же? Перед глазами пробежали, словно на экране синематографа, куда Пашка ходил с Тоней, и другие картинки. Ефим Захарович дрожащими руками открывает чемодан и вынимает из него пустые футляры из-под украшений... Бернардо находит у Тихона Кочерыгина ожерелье Евдокии Савишны, а потом еще и ее золотые часики. Евдокия Савишна вспыхивает и бросает испуганный взгляд на мужа — как он себя поведет?.. Евдокия Савишна в реквизиторской с алой газовой шалью в руках. Она же — рыдающая в грим-уборной Ефима Захаровича. «Сама она, правда, все отрицала. Плакала, уверяла, что верна мне...» «О пустых футлярах и пропаже драгоценностей полиции не сообщил, поскольку в тот момент решил, что их забрала сама Дуня». «Тихон проиграл Бернардо в карты кучу денег и обещал вскорости расплатиться... Наследство получил? Или золотую жилу нашел?»

Интересно, а Евдокия Савишна знала, что Ефим Захарыч догадывается об ее романе с Тихоном? Ежели не знала, то...

«Что ж я сижу? — спохватился Пашка. — Надо же рысью мчаться к старику Пантелеичу! Если он скажет, что... все картинки сложатся в одну! Если, конечно, он уже способен что-либо сказать».

Оставалось надеяться, что Пантелеича по велению Евдокии Савишны еще не выгнали вон из цирка.

К счастью для Пашки, в суматохе, которая поднялась после убийства Кочерыгина, о проштрафившемся униформисте, по-видимому, забыли. Пантелеич успел не только очухаться, но и, оставшись без надзора, где-то опохмелиться, поэтому пребывал в лирическом настроении.

— И-и-эх, люди! Как вы несправедливы к нам, служителям искусства! — заявил он Пашке. — Не можете вы понять нашу тонкую, трепетную душу! Все говорят — сухая, дескать, злая! Сами вы бессердечные! А она одна сжалилась над старым артистом! Поднесла чекушечку! Не смотри, говорит, Петр Пантелеевич, что я порой ругаю тебя, на самом деле труд твой ценю и уважаю. Выпей, говорит, за мое здоровье... Или она сказала — за упокой души?

Пытаясь напрячь память, Пантелеич глубоко задумался. В наступившей тишине Пашка услышал стук собственного сердца.

— К-кто? — осторожно, чтобы не спугнуть разоткровенничавшегося униформиста, спросил он. — Кто — она?

— Не велела говорить! Если скажу, мне худо будет! Последнего куска хлеба лишусь! А не скажу — обещала не оставить меня своей милостью...

— Пантелеич, родненький, так ты ведь только мне! — Пашке важно было услышать подтверждение собственной догадки. — Не бойся, я никому не сболтну, а ежели что, замолвлю за тебя словечко везде, где потребуется!

— Не врешь? — недоверчиво покосился на него Пантелеич. — Верить людям нельзя, но ты парнишка вроде не подлый. Ладно, уговорил...

Пашка понимал, что должен безотлагательно поговорить с Кротовым, но все не мог придумать, с чего начать. Как о таком скажешь? Не найдя Ефима Захаровича в его грим-уборной, он даже испытал облегчение оттого, что неприятный разговор пусть ненадолго, да откладывается. И тут же устыдился собственной трусости. Раздумывая, не подождать ли ему дядю в примерной, он заметил, что нет на месте любимого дядиного кинжала для джигитовки, который тот всегда в первую очередь вешал на стену. Тревога, охватившая Пашку, нарастала. Он вышел в коридор, и ноги сами понесли его к грим-уборной Евдокии Савишны. Секунд пять Пашка топтался под дверью, не решаясь постучать. Внезапно из примерной донеслись душе-раздирающие вопли:

— Не-е-ет! Умоляю, пощади меня, не убивай! Помогите!..

Пашка рывком распахнул дверь и ворвался в комнату. Увиденное потрясло его до глубины души. Евдокия Савишна сидела на полу, одной рукой обнимая ноги мужа, а другой заслоняясь от занесенного над ней кинжала. Он бросился к Кротову, вцепился в него, будто клещ, пытаясь вырвать из руки кинжал, и отчаянно закричал:

— Дядя, не надо! Послушайте меня, не делайте этого, не становитесь тоже убийцей!

Кротов, переводя взгляд с Евдокии на Пашку, опустил руку с кинжалом и проговорил:

— Вы, что ли, с ума оба сошли? Не собирался я никого убивать! Хотел, чтобы эта лгунья хоть раз в жизни сказала правду, созналась, что изменяла мне с Тихоном... По-хорошему не удалось добиться от нее признания, вот и решил припугнуть маленько... Погодите-ка! Павел, а что ты тут такое кричал? Что значит «не становитесь тоже убийцей»? Почему «тоже»?

Пашка вдохнул побольше воздуха и рубанул:

— Потому что это Евдокия Савишна зарядила картечью ружье, из которого застрелили Кочерыгина.

В этот момент в распахнутую дверь грим-уборной ввалилась перепуганная толпа — на крики сбежалась едва ли не вся труппа. Из-за спин ввалившихся первыми выглядывала, становясь на цыпочки, Тоня, раздосадованная тем, что ей не удастся протиснуться вперед.

— Вам что здесь всем надо? — возмутился Кротов, выталкивая непрошенных визитеров из грим-уборной. — Сами разберемся! Ну-ка, пошли прочь! Делом лучше займитесь!

Заперев дверь, он повернулся к Пашке:

— Говори!

— Евдокия Савишна перед представлением «угостила» Пантелеича чешской водки, рассчитывая, что вы именно Тихона Кочерыгина попросите выйти вместо него в пантомиме. Если б вы так не поступили, она бы вас подтолкнула к такому решению, но этого не потребовалось. Когда никто не видел, подменила в двустволке патроны. Думаю, охотничьим премудростям Евдокию Савишну научил ее отец-егерь...

— Вздор! — выкрикнула Евдокия, которая по-прежнему сидела на полу. — Фима, не верь сопляку! Зачем мне было убивать Тихона?!

— Вы, тетя, не только не собирались бросать дядю, но и очень боялись, чтобы он вас не бросил. Ведь тогда наверняка кончилась бы и ваша сытая жизнь, и карьера артистки, Кочерыгин вам ничего этого дать не мог. Вы надеялись скрыть от дяди свой роман с ним. Но Тихону нужно было расплатиться с карточными долгами, и он стал требовать у вас денег, шантажируя тем, что откроет Ефиму Захарычу правду. Вы платили ему за молчание драгоценностями, в том числе и теми, которые дядя приберегал, как говорится, на «черный день». Об этом, вероятно, как-то проведал Бернардо и использовал во время представления... Но Тихон требовал еще и еще. Он стал угрозой вашему благополучию. И тогда вы решили покончить с ним раз и навсегда.

— Чушь! — делано расхохоталась Евдокия. — Фима, у него же нет никаких доказательств!

— Есть! — Пашка чувствовал, как у него внутри все дрожало. — Квитанция о покупке картечи из энского магазина «Все для охоты, спорта и путешествий», которую вы обронили на манеже во время репетиции.

— Квитанция?! Ха-ха-ха... Не было никакой квитанции! — торжествующе заявила Евдокия. — Не было никакой квитанции, Фима!.. — Но тут смех ее оборвался, и Кротов, глядя на нее, качнул головой:

— Вот теперь я тебе верю. Квитанции могло и не быть. Но запись в книге охотничьего магазина, где отмечается, какие товары, когда и кому проданы, наверняка есть. Думаю, полицейским чинам не составит труда вытребовать ее для просмотра и сверки.

Евдокия Савишна опустила голову и обессилено уронила руки на колени, окутанные лиловым шелком модного платья. «Она похожа на увядший цветок», — некстати подумалось Пашке.

— Дуня, почему ты просто не рассказала мне всей правды? — спросил Ефим Захарыч.

Ответа не последовало.

Подождав немного, Кротов вышел из грим-уборной, и Пашка выскочил следом.

— И что мне теперь делать? — спросил совета, казалось, у самого себя Ефим Захарыч, растерянно потирая виски.

— Яков Ильич арестован, — напомнил ему Пашка, — а он же ни в чем не виноват!

— Ты прав. Надо уведомить полицию. Сейчас и съезжу. — Кротов вынул из кармана связку ключей, запер одним из них дверь грим-уборной и постоял, прислушиваясь.

Из-за двери не доносилось ни звука.

— Дядя! — Пашке очень хотелось как-то утешить Ефима Захарыча, но он не знал, как. — Она же вас еще и обобрала едва не до нитки!

Кротов вздохнул и произнес:

— Беги на конюшню, — сказал он, — распорядись запрячь в бричку Ветра...

Вернувшись в цирк, дядя молча прошел к себе. Вскоре приехали из сыскного управления. Однако в запертой на ключ грим-уборной Евдокии Савишны полиция никого не застала, лишь легкий ветерок, проникая в комнату сквозь открытое окно, играл тонкой занавеской, да роза в хрустальной вазе роняла на стол хрупкие лепестки.

Не досчитались и запряженной Ветром брички. К вечеру того же дня в сыском управлении Кротову сообщили, что опрокинутую бричку с обрезанными постромками обнаружили на крутом берегу реки. Незадачливый седок, предположительно, упал с обрыва прямо в быстрые воды. Тело искали, но так и не нашли...

А еще днем, когда труп Кротова начала готовиться к отъезду из Энска, вернулся Яков Горчинский. Пашка дожидался его на улице и, едва завидев, бросился навстречу.

— Павлуша, мальчик мой! — блестя влажными глазами, приговаривал Горчинский, стискивая Пашку в объятьях.

Выбежала Тоня, хлюпнула носом и тоже полезла обниматься.

— Ну что вы, милые мои, что вы, — шептал Яков Ильич. — Ну, будет, будет... Пойдемте-ка лучше реквизит укладывать, поди, по всему цирку раскидан, а нам ведь скоро снова в дорогу... ▣

ОТ РЕДАКЦИИ: В декабре исполняется 165 лет со дня рождения Георгия Валентиновича Плеханова — одного из лидеров меньшевистской фракции РСДРП, философа, теоретика марксизма, автора работ по истории общественной мысли в России. Об этой исторической личности известно многим, до сих пор о нем говорят, его цитируют, на него ссылаются в научных работах. А вот его жена Розалия Марковна как-то остается в тени, хотя она немало сделала для него и для памяти о нем. Мы решили немного восполнить этот пробел.

Жена и верный друг

*Розалия
Марковна
Плеханова*

Жизненный путь Георгия Валентиновича Плеханова, по словам его жены Розалии Марковны, это «путь, вначале полный опасностей, бессонных ночей и всякого рода лишений, потом неустанной, неусыпной работы в библиотеках, за письменным столом, в устной пропаганде своих идей и агитации за их осуществление на собраниях и в печати. Сорок лет этой жизни почти без отдыха, нередко при материальных лишениях». Этот путь она прошла вместе с ним. Во многом благодаря ей Плеханов прожил хотя и недолгую, но глубоко содержательную, насыщенную яркими событиями жизнь политического борца, публициста и ученого. А после его смерти Розалия Марковна посвятила себя популяризации его литературного наследия, всячески защищая его от фальсификаций.

Если придерживаться официальных документов, Розалия Марковна Плеханова, урожденная Боград, роди-

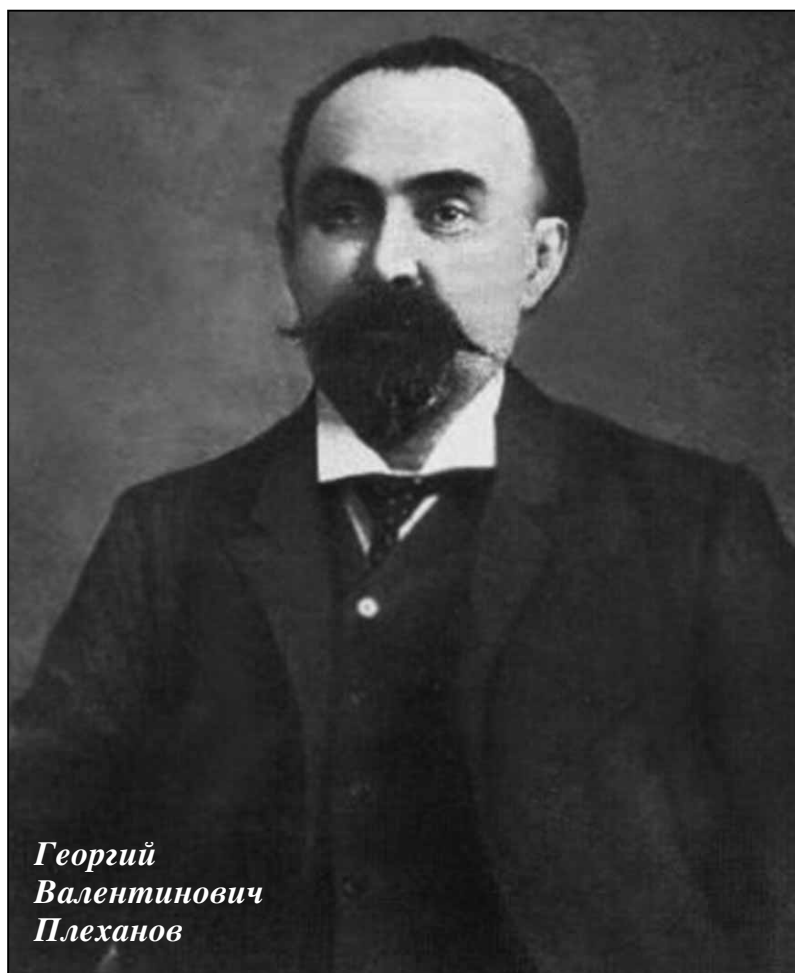
лась 3 мая 1856 года в Херсоне. Но имеются и более точные сведения о месте ее рождения: село Добрень-

кое Херсонского уезда той же губернии. Она происходила из семьи землевладельцев-колонистов. Семья жила в достатке, что позволило Розалии Марковне окончить частную женскую гимназию в Херсоне. Затем она вместе с тремя подругами приехала в Петербург и поступила на Высшие женские врачебные курсы при Медико-хирургической академии. Еще будучи гимназисткой, она уже была знакома с основами социалистических идей и по своим взглядам относилась к лавристам — сторонникам пропагандистской деятельности в народе, считавшим, что народ, прежде всего, крестьянство, надо просвещать. Известный химик, композитор А.П. Бородин организовал из курсисток хор, где пела и Розалия. У нее был приятный грудной голос, а ее любимыми музыкальными произведениями были романсы А.Г. Рубинштейна.

Под влиянием разраставшегося револю-

ционного движения Розалия Марковна летом 1877 года отправилась пароходом по Волге в село Широкое Самарской губернии, чтобы работать там фельдшером. Но жители села в основном оказались сектантами — молоканами и духоборами, поэтому из своего общения с ними она вынесла убеждение в невозможности успешной революционной пропаганды и, вернувшись в Петербург, продолжила занятия на курсах.

Как вспоминала Розалия Марковна, впервые Плеханова она увидела задолго до того, как он выступил 6 декабря 1876 года на демонстрации

*Георгий
Валентинович
Плеханов*

со своей первой революционной речью. Однажды, зайдя в какую-то петербургскую читальню, Розалия обратила внимание на молодого

человека, который поразил ее воображение. *«Я увидела молодого человека, среднего роста, стройного, с интеллигентным видом, правильным профилем, с красивой "шапкой" зачесанных назад каштановых волос. Он быстро прошел, точно видение, но до этих пор передо мной стоит этот образ. Я далека была от мысли, что этот юноша будет мне когда-нибудь дороже жизни, и что мы с ним пройдем жизненный путь».* Второй раз она увидела его в ноябре 1877 года на встрече с выпущенными по процессу 193-х. Когда представился случай познакомиться с Плехановым лично, она от охватившего ее волнения не решилась на это: *«Нет, не теперь, в другой раз»*, — сказала она подруге.

И вот в декабре того же года в квартиру, где жила Розалия, пришел Плеханов с молодым рабочим и попросил предоставить рабочему временное пристанище. *«В этот первый вечер, — вспоминала она позже, — Георгий Валентинович засиделся за полночь, и мы вели беседу о работе в народе, я передала свои впечатления, вынесенные из недавнего пребывания в деревне, о работе среди молокан... Георгий Валентинович произвел на меня сильное впечатление блеском своего ума, остроумием и убежденностью».*

В начале лета 1878 года, поддавшись патриотическому чувству, охватившему некоторые слои молодежи, Розалия поехала в Румынию, чтобы помочь в лечении раненых и

больных. Там она проработала до конца сентября и затем через Одессу вернулась в Петербург. На снимаемую ею квартиру дважды приходил Плеханов, и вскоре эта квартира оказалась под наблюдением полиции. Ей удалось предупредить Георгия Валентиновича об опасности, и они договорились о способе переписки. По ее словам, *«в этот вечер я почувствовала, что Георгий Валентинович питает ко мне дружеские, если не больше, чувства. Был момент, когда он поднялся со стула, присел ко мне на диван и заговорил таким задушевым голосом, как говорят с очень дорогим человеком. Позже, когда мы сблизились на всю жизнь, он в разговоре со мной, шутя, припомнил этот вечер и упрекал меня в том, что я от него отодвинулась. Он был прав, я еще в то время не чувствовала того, что испытала позже, когда была готова отдать ему жизнь и отдать эту жизнь за него».*

С конца 1878 года они стали мужем и женой, хотя их брак не был официально оформлен до 1908 года. Причин этому было немало: фактически они были атеистами и не хотели венчаться, к тому же Розалии Марковне предварительно нужно было креститься, а этому даже при ее желании решительно воспротивились бы родители. Да и сам Плеханов нелегально жил по подложным паспортам, к тому же оставался в официальном браке с Н.А. Смирновой, а бракоразводный процесс был в то время делом непро-

стым. Они жили в Киеве, и это время до отъезда за границу Розалия Марковна называла счастливейшим временем в их совместной жизни. Под новый 1880 год, в конце декабря, у них родилась дочь Вера.

Через какое-то время Плеханов покинул Россию, а Розалия Марковна легально поселилась у Т.В. Поллак, которая ухаживала за ее дочерью. А вскоре и она с паспортом на имя своей родственницы отправилась в Швейцарию, где ее ожидал Георгий Валентинович. Осенью 1880 года они переехали в Париж. Жили на деньги Розалии Марковны, кото-

дать второе имя — Софья. Но через некоторое время ребенок заболел. Девочке было необходимо материнское молоко, а у Розалии Марковны его не хватало, нанять же кормилицу было не по карману, поэтому семья переехала в Швейцарию, где жизнь была намного дешевле. Розалия Марковна поступила на медицинский факультет Женевского университета. Правда, родители узнав, что она вышла замуж за русского, не только порвали с ней все отношения, но и отказали в материальной помощи. К счастью, в это время Георгий Валентинович получил причи-

Начало 1900-х годов было самым благополучным в жизни семьи. Плеханов много работал, Розалия Марковна занималась частной практикой, на ней лежали основные заботы о семье. Единственное, что ее очень беспокоило — здоровье любимого мужа — у Георгия Валентиновича обнаружили туберкулез горла

рые ей высылали родители, думая, что дочь продолжает учебу за границей. Они не сразу узнали, что летом 1880 года в Киеве на руках Поллак, которая болела туберкулезом, умерла полугодовалая Верочка.

Материальное положение семьи было тяжелое, и Плеханов вынужден был заниматься переводами, за мизерную плату подписывал конверты на почте. В конце мая Розалия Марковна родила девочку, которую называли Лидией, а в честь казненной Софьи Перовской девочке решили

тавшуюся ему долю наследства от проданного дома в Липецке, к тому же и за статьи в «Отечественных записках» ему платили неплохие гонорары. Нашел он и оплачиваемую работу учителя русской литературы в одной богатой русской семье, жившей неподалеку.

Увы, это был лишь небольшой перерыв в семейных проблемах. В 1887 году Георгий Валентинович простудился и тяжело заболел. Врачи поставили диагноз: скоротечная чахотка. Но благодаря усилиям жены

и помощи друзей удалось не только спасти его жизнь, но и сохранить высокую работоспособность. Плеханов лечился на курортах Анмаса и Давоса.

В марте 1889 года Плехановым пришлось расстаться. По требованию русского правительства Георгия Валентиновича по подозрению в терроре должны были выслать из страны. Розалия Марковна осталась в Женеве, заручившись поддержкой знавших ее профессоров. Плеханов же поселился в пограничной со Швейцарией французской деревушке Морне. В это тяжелое время, в мае 1889 года, Розалия Марковна родила третью (если считать вместе с умершей Верой, то

застал дочь умирающей. Очевидица событий вспоминала: «Розалия Марковна страдала ужасно, плакала, и эти слезы, может быть, облегчали ее, а он (Плеханов — **авт.**) был молчалив, спокоен, тверд, но это спокойствие, это отсутствие внешнего выражения глубочайшего душевного страдания было еще ужасней, еще трагичнее. За эти дни он постарел на 10 лет, осунулся, сгорбился. Огромные орлиные глаза ввалились в глубокие орбиты и светились такой страдальческой жалостью, что трудно себе представить то титаническое напряжение воли, которое он должен был проявить, чтобы не плакать, не рыдать, не отчаиваться. Он был как-то по-особому

В Россию супруги вернулись весной 1917 года. Многие хотели видеть Плеханова, узнать его мнение о происходящих событиях, получить совет. А события разворачивались грандиозные. Грянула Октябрьская революция, и в дом, где жили Плехановы, дважды приходили с обыском матросы. Это был настоящий моральный удар для Плеханова, отдавшего всего себя делу освобождения пролетариата

четвертую) дочку. В честь матери Георгия Валентиновича ее назвали Марией. К великому сожалению, свою любимицу отец видел только в редкие часы приезда из Морне в Женеву. Но вскоре беда снова пришла в их семью. В канун 1894 года умерла от менингита Машенька, которой было всего четыре с половиной месяца. Георгий Валентинович

трагически нежен с Розалией Марковной и утешал ее глубокими душевными словами...»

Георгий Валентинович долго не мог прийти в себя после смерти дочери. Только в марте 1894 года он заставил себя сесть за письменный стол. И снова ему пришлось уехать из-за запрета жить в Швейцарии, на этот раз — в Англию. Зато новый

Семья Плехановых

1895 год семья встретила вместе в Женеве.

Вторая половина 1890-х и начало 1900-х годов были самыми благополучными в жизни семьи. Плеханов много работал, Розалия Марковна занималась частной практикой, на ней лежали основные заботы о семье. После окончания гимназии дочери Лидия и Евгения учи-

лись в Женевском университете. Старшая — на медицинском факультете, младшая — на филологическом.

Единственное, что беспокоило Розалию Марковну — это здоровье Георгия Валентиновича. Весной 1904 года знакомый врач-эмигрант Б.А. Членов осмотрел Плеханова и вынес вердикт, что тому вновь

требуется лечение, которое Георгий Валентинович смог осуществить только в июле. К сожалению, лечение было непродолжительным и не принесло должного эффекта.

А вскоре в России началась революция 1905–1907 годов. Плеханов рвался на родину вместе с семьей. Но во время сборов он снова серьезно заболел, врачи обнаружили у него туберкулез горла. Он лечился в клинике, потом проходил процедуры на одном из курортов в Италии. Розалия Марковна не могла его со-

дочь Лидия Георгиевна, которая к тому времени была уже дипломированным врачом-невропатологом. Розалия Марковна добилась главного — теперь почти вся семья жила вместе, а муж круглый год был под ее наблюдением.

Весной 1913 года вследствие серьезного переутомления Плеханов заболел крапивной лихорадкой, и они отправились к Горькому на Капри. Затем она сопровождала мужа в его поездках в Париж и Лондон, пока не началась Первая мировая война.

*Дом-музей
Плеханова
в Липецке*

провождать, так как не могла оставить дочерей и бросить врачебную практику, которая являлась стабильным источником существования семьи. Чтобы быть рядом с мужем, она осенью 1909 года в небольшом, утопающем в зелени итальянском городке Сан-Ремо за невысокую арендную плату открыла сезонный санаторий, получивший название «Вилла «Виктория», и врачами санатория стала сама она и старшая

В Россию Георгий Валентинович и Розалия Марковна вернулись 31 марта 1917 года. Многие хотели видеть его, узнать его мнение о происходящих событиях, получить совет. Его посещали адмирал Колчак, генерал Алексеев, бывший председатель 4-й Государственной думы Родзянко, депутация от Финляндского сейма и многие другие. Все искали у Плеханова поддержки и совета. Между тем самочувствие

его снова резко ухудшилось, и Розалия Марковна перевезла мужа в Царское Село, где обстановка больше благоприятствовала легочному больному.

Наиболее значимым событием в их жизни во второй половине 1917 года был их выезд в Москву на Государственное совещание, где 15 августа Плеханов произнес речь. В Петроград он вернулся усталый и больной. Большую часть времени лежал в постели под наблюдением Розалии Марковны.

2 ноября Розалия Марковна перевезла Георгия Валентиновича в французскую больницу в Петрограде. Но, боясь участи убитых пьяными матросами Шингарева и Кошкина, уговорила мужа покинуть больницу и переехать в санаторий на территории Финляндии в 50–60 верстах от Петрограда.

Прикованный к постели, не имея возможности ни говорить, ни писать, ни диктовать, Валентин Георгиевич отдавался чтению. Последний период его болезни начался с 18 марта

Летом 1924 года Розалия Марковна предприняла первую поездку в СССР по поводу издания Институтом Маркса и Энгельса собрания сочинений Плеханова. После долгих раздумий она все-таки решила передать на определенных условиях архив и библиотеку покойного мужа Советской стране. Но вторая поездка, о которой она мечтала, так и не состоялась: Вторая мировая война отрезала ей путь на родину. А когда пришло освобождение и появилась возможность снова приехать в СССР, ей было уже 90 лет, и она осталась в Париже, где и скончалась в 1949 году

А события разворачивались грандиозные. Произошла Октябрьская революция, которую Плехановы застали в Царском Селе, где в конце октября было остановлено наступление Керенского-Краснова на Петроград. Дважды в дом, где жили Плехановы, приходили с обыском матросы. Это был настоящий моральный удар для Плеханова, отдавшего всего себя делу освобождения пролетариата.

1918 года после сильного легочного кровотечения. Муж медленно угасал на глазах Розалии Марковны. Развязка наступила 30 мая. Похоронили его на Волковском кладбище рядом с могилой Белинского, как он просил.

После похорон мужа Розалия Марковна некоторое время пробыла в Петрограде. Она собрала все бумаги с записями мужа, книги и начала работать над воспоминаниями,

которые закончит в декабре 1918 года в Стокгольме. Отсюда она отправилась во Францию, где жили ее дочери, и вместе с ними принялась за сбор архива и библиотеки покойного мужа, которые были рассредоточены в нескольких местах.

В 1921 году она оказывала посильную помощь голодающим, о чем свидетельствуют благодарственные письма на ее имя. В мае 1923 года на предложение Политбюро ЦК РКП(б) о покупке за 5 тысяч золотых рублей архива Плеханова она ответила отказом, ибо ее мужа обвиняли в «меньшевизме», «оборончестве», в отказе признать большевистскую власть, но, тем не менее, летом 1924 года предприняла первую поездку в СССР по поводу издания Институтом Маркса и Энгельса собрания сочинений Плеханова. Розалия Марковна посетила Ленинград, Царское Село, Москву (позднее она напишет воспоминания об этой поездке). Посещение СССР вселило в нее кое-какие надежды. В стране победившего социализма издавались без всяких купюр работы ее мужа, выходили сборники «Группа «Освобождение труда». После долгих раздумий и колебаний, посоветовавшись с дочерьми, она решила все-таки передать на определенных условиях архив и библиотеку Плеханова в дар Советской стране. Произошло это в 1927 году. 11 июня 1928 года она присутствовала на торжественном открытии «Дома Плеханова» и продолжала

жить в городе на Неве. А еще побывала и на родине мужа. Посетила тогдашний уездный город Липецк и село Гудаловку (ныне село Плеханово Грязинского района Липецкой области — авт.), где родился Плеханов. Благодаря ей 1 июня 1928 года в Липецке был открыт музей имени Г.В. Плеханова.

В летнее время Розалия Марковна брала отпуск и отправлялась во Францию, чтобы провести его в кругу своих близких и родных. Вторая мировая война отрезала ей путь на родину. Она пережила бомбежки, взятие немцами Парижа, оккупацию Франции гитлеровцами. А потом пришло освобождение, и появилась возможность снова приехать на родину. Но ей в 1946 году исполнилось уже 90 лет, и она осталась в Париже, где и скончалась 30 августа 1949 года.

Дочь Евгения Георгиевна писала сотрудникам «Дома Плеханова» в ответ на их телеграммы с выражением соболезнования: *«Мама умерла спокойно, во вторник 30 августа в 5.30 вечера... Ее мечтой было вернуться к вам и снова взяться за работу с сотрудниками...»* Перед смертью она завещала, чтобы *«ее сожгли и перевезли в Ленинград прах в урне, которая была бы помещена в могилу Георгия Валентиновича».*

Воля ее была исполнена. Урна с прахом была привезена в Ленинград и захоронена 13 мая 1951 года в могиле Г.В. Плеханова. □

Приключения хрустальной кровати

На исходе зимы 1826 года из Санкт-Петербурга в Персию с особо важным поручением отправился поручик Носков. Главной целью его необычной дипломатической миссии было доставить ко двору иранского правителя Фетх Али-шаха...хрустальную кровать с фонтанами. В помощь ему были прикомандированы двое расторопных мастеровых. Это был подарок от только что взошедшего на престол нового российского самодержца, императора Николая I.

Накануне с дипломатической миссией и письмом от Николая I к Фетх Али-шаху был отправлен князь Александр Сергеевич Меншиков, дальний потомок знаменитого «полудержавного властелина» петровской эпохи. Резонно полагая, что позиции его необъятной империи весьма прочны, новый русский царь решил в самых дружественных выражениях засвидетельствовать восточному владыке свое уважение и сохранить статус-кво, основанный на Гюлистанском трактате 1813 года.

Перед долгим и трудным путешествием хрустальную кровать разобрали, бережно упаковав хрупкий груз в деревянные ящики. Многочисленные сложности преследовали путешественников практически всю дорогу. В Рязани из-за начавшейся распутицы хрустальные части кровати пришлось перегрузить с саней на телеги, на которых еле-еле по кочкам и ухабам добрались до Астрахани. Там ящики перегрузили на военный транспорт, доставивший 10 мая Каспийским морем особо ценный груз в Гюлистан.

Однако персидская сторона вообще не встретила Носкова с его кроватью: поручик мало того, что 3 (!) дня ждал разрешения сойти на иранский берег, так потом ему не было предоставлено необходимого количества арб для дальнейшей перевозки хрустального чуда. Лишь вмешательство князя Меншикова сдвинуло дело с мертвой точки, и персы, наконец, зашевелились. Но и на иранской территории путь путешественников был полон трудностей и опасных приключений. Чтобы добраться до столицы Персии Тегерана, а главное, довести хрустальный подарок в целости и сохранности, им пришлось многократно перегружать ящики с лодок на арбы, а часть пути под безжалостно палящим

солнцем даже нести из-за пришедших в полную негодность повозок тяжеленные ящики на руках! Мелкие и средней руки чиновники, от которых зависела скорость продвижения в персидскую столицу русской миссии, под любыми предлогами всячески тормозили ее ход, желая получить с гяуров свой заветный бакшиш. Из-за нездорового климата члены русской миссии страдали от лихорадки. Справиться с последствиями болезни смог только Носков (последний отрезок пути его вообще несли на носилках), и в Тегеране для сбора хрустальной кровати взамен отошедших в мир иной русских мастеровых ему выдали в помощь местных умельцев. Руководствуясь чертежами и рисунками, сделанными еще в Петербурге, Носков собрал изысканное ложе для правителя Персии. Однако после этого его не захотели отпускать на родину, и поручик оказался... в «золотой клетке».

Несмотря на удивительный подарок, персидская армия уже летом 1826 года без объявления вторглась в Закавказье, что спровоцировало очередную русско-персидскую войну 1826–1828 годов.

Лишь блистательные победы русского оружия при Шахморе и Елизаветполе, переломившие ход войны в пользу России, внесли коррективы в, казалось бы, уже безнадежно решенную и незавидную судьбу Носкова. Поручик удостоился аудиенции самого шаха, который пришел в восторг от уникальной кровати. Персидский правитель с восточной щедростью одарил Носкова немалыми деньгами, кашемировыми шальями, орденом Льва и Солнца II степени и отпустил его на родину. К огромному изумлению шаха Ирана, Носков отказался от кашемировых шалей и немалых денег, сославшись на то, что должен получить одобрение русского царя.

Обратный путь домой на Родину был не в пример короче и быстрее — Фетх Али-шах лично распорядился, чтобы русскую миссию нигде не смели задерживать: 12 февраля 1827 года поручик Носков вступил в российские пределы.

Николай I лично заслушал доклад отважного поручика, наградив его за успешное выполнение миссии в Персию переводом в Гвардейский генеральный штаб, орденом Святого Владимира IV степени и 500 червонцами. А на следующий год, после окончания русско-персидской войны и заключения Туркманчайского мира, наследный принц Хозрев-мирза привез в Петербург Носкову и все шахские подарки, которые император Николай I разрешил ему принять.

На автобусе за экологией

В нынешнем году в российской столице заработал первый завод по производству электробусов. Стоит ли говорить, что по сравнению с привычными нам видами наземного общественного транспорта электробусы гораздо тише, а главное — экологичнее традиционных автобусов, что в условиях такого огромного мегаполиса как Москва более чем актуально. В ближайшие годы московское правительство планирует запустить в городе первый водородный автобус. А вообще в амбициозных планах столичной мэрии поставлена задача: всего через десять лет в Москве не должно остаться традиционных дизельных автобусов, что поможет значительно улучшить в городе экологическую обстановку.

Художник-меценат

Многие ли знают, что живописец Архип Куинджи был еще хозяином большого доходного дома и меценатом?

Магия картин Архипа Куинджи (1842–1910) до сих пор не дает покоя многим любителям живописи. Столь загадочная игра света и тени не удалась в истории отечественного искусства, пожалуй, больше никому.

Еще при жизни многие считали его если не колдуном, то уж точно волшебником, придумавшим особый состав красок, благодаря чему якобы и достигался этот необыкновенный световой эффект на его полотнах.

Вероятно, какая-то доля истины в том была: ведь Куинджи, водивший дружбу с Менделеевым (оба питали страсть к шахматам и нередко засиживались за черно-белой доской), частенько сам проводил опыты с красками, добиваясь нужного тона.

В Санкт-Петербурге, тогдашней столице Российской империи, Куинджи последние 13 лет своей жизни провел в квартире на Васильевском острове. Из окон его мастерской открывался

роскошный вид на Стрелку, с ее Биржей и Ростральными колоннами, и на Петроградскую сторону.

Доходный дом купцов Елисеевых, где Архип Иванович прожил последние годы, в обиходе называют «домом художников», ибо в разное время тут жили Иван Шишкин, Алексей Корзухин, братья Григорий и Никанор Чернецовы, Александр Беггров, Григорий Мясоедов, Иван Крамской.

Вскоре после кончины Куинджи его ученик Николай Рерих подал идею создания в исторической мастерской художника мемориального музея.

Она воплотилась в жизнь, правда, спустя несколько десятков лет: музей-квартира Архипа Куинджи (ныне — филиал Российской академии художеств) открылась на исходе прошлого столетия — к 150-летию со дня рождения художника.

А мы обратимся к небольшому, но показательному эпизоду его биографии.

Ровно 130 лет назад, в 1891 году, Архип Иванович, уже заслуженный художник, картины которого стоили очень и очень немало, купил на Васильевском острове дом. Огромный, пятиэтажный, доходный дом купца Н.С. Львова!

Он сохранился, и любой желающий, оказавшийся в Санкт-Петербурге, может на него посмотреть: возведенный в 1876–1877 годах в стиле эклектики архитектором Эдуардом Крюгером, дом № 39 расположен на 10-й линии Васильевского острова.

Кстати, в 1889–1892 годах его верхний этаж арендовали под общежитие Высшие женские (Бестужевские) курсы, слушательницами которых были Ольга Ульянова и Надежда Крупская.

Но вернемся к Куинджи. Став домовладельцем, он получал колоссальные барыши благодаря доходному дому в центре столичного города. Тем не менее, сам продолжал очень скромную, если не сказать — аскетичную жизнь: большую часть дохода от сдачи внаем, а также гонораров за свои картины он отдавал на благотворительные цели, материально поддерживая многочисленных любимых учеников. Вот такой это был уникальный человек.

Дороги, которые мы выбираем

«Глубоко убежден, что железные дороги необходимы для России, что они, можно сказать, выдуманы для нее более, нежели для какой-либо другой страны Европы, что климат России и ее пространство соделывают их особенно драгоценными для нашего Отечества».

(П. Мельников)

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Жаждающие романтики журналисты почему-то в упор ее не видят, когда речь заходит о железных дорогах. То ли классики советской сатиры Ильф и Петров прочно закрепили некое полунасмешливое отношение к ним, то ли слишком уж повседневное и привычное это явление. Действительно, найти в России оригинала, никогда не пользовавшегося услугами железнодорожного транспорта, мягко говоря, проблематично. А если какие-то

статьи и появляются, то железную дорогу почему-то описывают только с одной точки зрения — пассажира, и красят только в один цвет — черный. Ну, иногда вспоминают про существование проводника, еще реже — стрелочника, и совсем уж редко, находят какие-то интересные темы, например, когда шло строительство сверхскоростной линии Москва — Санкт-Петербург. Вот, пожалуй, и все. На самом же деле, это очень небольшая часть колоссальной и хорошо отлаженной системы, имя

которой — железные дороги. И которая представляет из себя фактически государство в государстве.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Возникновение железнодорожного транспорта было таким прорывом в развитии общества, с которым, пожалуй, вряд ли что может сравниться. К концу XVIII века человечество нако-

питель Тревитик, построив в 1803 году первый в мире паровоз, передвигавшийся по рельсовому пути. Впрочем, есть мнение и о том, что первым был российский гений-самоучка Кулибин, и только косность самодержавия и наша традиционная лень не позволили опередить Европу в деле технического прогресса. Возможно. Но будем рассматривать то, что было, а не то, что могло бы быть.

пило тот объем знаний и опыта, который позволил создать качественно новый вид транспорта. В то время были уже известны чугунные рельсовые дороги, колесные экипажи и универсальная паровая машина двойного действия. Требовалось только объединить все это в одно целое, что и сделал талантливый английский изобре-

Русское общество живо интересовалось новыми путями сообщения, которые для такой большой страны с ее несметными богатствами были чрезвычайно необходимы. Одним из сторонников железных дорог был экономист и государственный деятель Н.С. Мордвинов, который прозорливо заметил, что из всех путей сообщения

железные дороги могут быть для торговли самыми полезными, несравненно выгоднее перед сообщениями, производимыми по воде.

Стремясь проникнуть мыслью в будущее, А.С. Пушкин в 1827 году в седьмой главе «Евгения Онегина» писал:

*... дороги, верно,
У нас изменятся безмерно;
Шоссе Россию здесь и тут,*

вым видом транспорта, предвидя его великое будущее. Вечером накануне роковой дуэли просил П.А. Вяземского написать их общему знакомому, талантливому популяризатору науки, и поторопить его с присылкой статьи для «Современника». Называлась статья так: «Краткое начертание теории паровых машин». Настрадавшийся от российских дорог, точнее, от российского бездорожья,

*Соединив, пересекут.
Мосты чугунные чрез воды
Шагнут широкою дугой.
Раздвинем горы, под водой
Пророем дерзостные своды...*

Вот ведь действительно Пушкин — это наше все. До последних дней жизни он продолжал интересоваться но-

поэт, конечно же, мечтал о чем-то более совершенном. Он — мечтал, менее поэтически природы — пытались воплотить эти мечты в жизнь.

Проблемы новых путей сообщения волновали в то время умы очень многих людей в России. В самом начале 1830 года молодой профессор Петербургского университета

Н.П. Щеглов опубликовал в газете «Северный муравей» большую статью «О железных дорогах и преимуществах их над обыкновенными дорогами и каналами», в которой ясно и убедительно доказывал целесообразность развития нового вида путей сообщения и его неоспоримые достоинства по сравнению с уже известными — шоссейными дорогами, почтовыми трактами и водными каналами.

В своей статье Щеглов выдвигал предложение о постройке железной дороги между Петербургом и Новгородом через Тверь (из Твери грузы перевозились бы дальше на судах по Волге, а из Новгорода — по Волхову). Правда, он имел в виду рельсовую дорогу с конной тягой, но важ-

ность основной идеи это ни в коей мере не умаляло.

Проект предложенной Щегловым железной дороги обсуждался в Главном управлении путей сообщения, однако не нашел там одобрения. Высокопоставленные чиновники вынесли вердикт «О неприменимости железных дорог к средствам и потребностям в России», в котором старались доказать, что основным препятствием против нового способа путей сообщения станет суровый северный климат с сильными морозами и обильными снегопадами.

Поскольку климат изменить было невозможно, то пришлось менять точку зрения. Идея создания железных дорог медленно, но верно «овладевала массами» государственных

мужей. В 1834 году в России была открыта первая паровая железная дорога, пока еще заводская. Она была построена на Урале, на Нижнетагильском металлургическом заводе, мастерами-самородками отцом и сыном Ефимом и Мироном Черепановыми. Ими же был сооружен и первый отечественный паровоз или, как называли его сами изобретатели, «паровая телега», «паровой дилижанс» или «сухопутный пароход».

Протяженность первой в России железной дороги составляла 854 метра. «Паровой дилижанс» двигался по ней со скоростью 13–16 километров в час и вез состав весом 3,3 тонны. Затем Черепановы начали работать над новым, более мощным паровозом, который был готов к марту 1835 года. Он мог перевозить составы весом до 16 тонн.

6 января 1834 года чешский инженер, профессор Венского политехнического института Франц Антон Герстнер, написал обстоятельную записку, в которой из-

Первая ветка железной дороги

ложил свой взгляд на необходимость для России новых путей сообщения. Первой он предлагал построить дорогу между Петербургом и Москвой, потом соединить Москву с основным водным путем страны — Волгой — линиями Москва-Казань или Москва-Нижний Новгород. Что же касается дальнейшего развития сети, то оно представлялось ему недостаточно ясным. Понимая, что новое строительство потребует много времени и проверки сомнений в отношении возможности эксплуатации дороги зимой, он писал: «...ввиду этого, было бы целесообразно начать с постройки какой-либо небольшой дороги, и уже после того, как она окажется вполне удачною, приступить к постройке дороги от Петербурга до Москвы».

14 января 1835 года при Главном управлении путей сообщения и публичных зданий была создана комиссия по рассмотрению предложения Герстнера. Благодаря настойчивости самого младшего по чину ее участника, майора корпуса

инженеров путей сообщения, профессора института этого же корпуса П.П. Мельникова (будущего первого министра путей сообщения России), было принято решение: «Климатические условия России не могут служить препятствием к устройству железных дорог, ровная же по большей части поверхность страны даже благоприятствует этому».

В виде опыта было решено ограничиться пока постройкой железно-

берега Фонтанки в юго-восточном направлении и заканчивалась у прудов в Павловском парке. Длина всей линии составляла 27,5 километров, и на ней предполагалось устроить четыре станции: Петербург, Московское шоссе, Царское Село и Павловск.

Официальное открытие железной дороги на участке Петербург — Царское Село состоялось 30 октября (11 ноября по новому стилю)

дорожной линии Петербург — Царское Село — Павловск. 15 апреля 1836 года был подписан указ о строительстве, в мае начались земляные работы, а осенью уже проводились первые опыты движения по рельсам. Почти совершенно прямая трасса Царскосельской железной дороги, имевшей лишь одно закругление за Обводным каналом, проходила от

1837 года. Вот как описывает поездку по железной дороге в 1838 году в письме к знакомому писателю И.Т. Калашников: «Удивительное изобретение! Представьте 12 экипажей, из которых каждый соединен из трех карет — больших восьмиместных. Таким образом, в каждом экипаже сидит 24 человека, и во всех — 288 человек. Вся эта страшная мас-

са — этот сухопутный корабль летит до Царского Села (20 верст) едва полчаса. Но вы не заметите скорости — тут не трясет, и при этой летящей езде можно читать преспокойно книгу. Вы едва успеете сесть — уже на месте! Между тем огненный конь пускает клубами дым, который расстилается величественным бесконечным флюгером. В ночное время этот дым освещается пламенем машины, и часто сыплются искры.

но: к хорошему быстро привыкаешь. Наверное, в будущем веке с такой же иронической усмешкой будут восприниматься и дифирамбы скорости и комфорту авиалайнеров.

Тем временем вопрос о строительстве стальной магистрали между двумя столицами России назрел. 8 марта 1841 года инженер-полковникам Мельникову и Крафту было поручено представить проект железной дороги между Петербургом и Москвой.

Удивительная картина! Никак не можешь к ней привыкнуть — совершенное волшебство!»

Похоже, мы все-таки привыкли. И теперь уже никто не восторгается скоростью — наоборот, ругают поезда за медлительность и опоздания, не восхищаются дымом и пламенем — клянут, на чем свет стоит, грязь и пыль. Что ж, давно подмече-

15 сентября 1841 года императору Николаю I были представлены «соображения», произведенные Мельниковым и Крафтом. Дорога, спроектированная ими, не имела аналогов за рубежом. По протяженности она значительно превосходила все существовавшие за рубежом магистрали. Помимо этого, впервые железная дорога должна была строиться в та-

ких северных широтах. Условия климата и грунта местности, по которым должна была пройти магистраль, встречались в практике железнодорожного строительства впервые. Петербурго-Московская дорога с самого начала была задумана как двухколейная, с паровой тягой, причем скорость движения пассажирских поездов намечалась 37,4 километра в час, а грузовых — 16 километров в час. Через каждые 8 километров были предусмотрены разъезды.

Гладко было на бумаге... Николай I отослал «Соображение об устройстве железной дороги между Санкт-Петербургом и Москвою» на рассмотрение в министерство внутренних дел и Главное управление путей сообщения и публичных зданий. Отзыв министра внутренних дел был отрицательным: «Без привычки к железным дорогам не следует браться в предприятие огромное и опасное, для которого мы еще не довольно созрели и которое по этой самой причине в настоящем порядке вещей должно почитаться в исполнении невозможным».

Аналогичного мнения придерживался и другой министр в правительстве Николая I, полагавший, что железная дорога между столицами «не принесет никакого дохода, испортит нравственность и истребит капиталы, которые могли бы найти лучшее применение». И вот 13 января 1842 года под председательством императора собралось ответственное совещание, которое должно было окончательно решить: быть или не быть стальной

магистрали, соединяющей две столицы России. При обсуждении главного вопроса мнения участников совещания разделились. Конец вспыхнувшей дискуссии положил Николай I, безоговорочно решивший строить Петербурго-Московскую железную дорогу по кратчайшему направлению.

В начале августа 1851 года строительство первой большой железной дороги было завершено. 16 августа из Петербурга в Москву прошли поезда, перевозившие по два батальона лейб-гвардии Преображенского и Семеновского полков. Спустя три дня успешно проследовал императорский поезд, с которым в Москву прибыли Николай I и члены его семьи. А с ноября на Петербурго-Московской железной дороге было открыто регулярное движение.

В пределах магистрали было построено 272 искусственных сооружения, в том числе 184 моста, 69 труб и 19 путепроводов. Ширина колеи дороги 1524 мм стала обязательной для всех магистральных железных дорог России. На всех крупных промежуточных станциях, а также в Москве и Петербурге были построены вокзалы для пассажиров. (По проектам архитекторов Р. Желязевича и К. Тона). Московский вокзал в Петербурге К. Тон запроектировал в центре, где сходились семь лучевых направлений, в том числе Невский проспект, дорога, ведущая к Александро-Невской лавре и старая Новгородская дорога. Здесь же открылись ворота в Москву. Петербургский вокзал

в Москве, также запроектированный К. Тоном, положил начало Каланчевской площади, где позже появились еще три вокзала.

Строительство первой двухпутной магистрали потребовало производства отечественных паровозов и вагонов. В 1844 году Ведомству путей сообщения был передан Александровский механический завод в Петербурге, работа которого определялась особым Комитетом, разработавшим технические условия на проектирование подвижного состава и осуществлявшим контроль за качеством паровозов и вагонов. На территории завода (ныне это — Электровагоноремонтный завод) установлена на пьедестале модель первого магистрального паровоза России образца 1845 года. К моменту открытия дороги завод построил 121 грузовых, 43 пассажирских паровоза и более 2500 вагонов и платформ.

В 1890-х годах темпы и масштабы строительства железных дорог в России резко возросли. Начались грандиозные работы по сооружению Транссибирской магистрали. Перед мостостроителями встали задачи покорения крупнейших рек России — Оби, Енисея, Амура, Иртыша, Томи, отличавшихся большой шириной и глубиной, значительным подъемом воды в паводки и ледоходом при толщине льда до 1,5 м. Крупнейшими мостами Транссиба были мосты через Обь, Иртыш, Амур. По величине перекрываемых пролетов Енисейский мост на момент откры-

тия движения был крупнейшим не только в России, но и в Европе. По смелости замысла, по точности инженерных расчетов, по грандиозности сооружения и по впечатлению, производимому на зрителя, современники сравнивали Енисейский мост, эксплуатирующийся по настоящее время, с Эйфелевой башней. А в 1916 году был введен обеспечивший сквозной проезд от Петербурга до Владивостока мостовой переход через Амур длиной 2590 метров, что было рекордным для европейского мостостроения. На сооружение Амурского моста было израсходовано 18 тысяч тонн металла.

История строительства Великого сибирского пути отразила в себе все своеобразие экономического становления Российской империи, со всеми его скачками и провалами, которые немедленно сказывались на темпах прокладки путей. Впрочем, даже в трудные годы они никогда не опускались ниже определенного (весьма высокого) уровня строительства. За первые пятнадцать лет (1861–1875 гг. — период, в основном, частного строительства) было проложено 15,5 тысяч километров, за вторые (1876–1891 гг.) — 10,3 тысяч.

Еще в 1837 году русский инженер М.И. Богданов предложил проложить экспериментальную ветку от Иркутска до Кяхты, чтобы обрести какой-то опыт строительства магистрального пути. Через 20 лет таким же проектом увлекся генерал-губернатор

Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский, распорядившийся провести изыскания от Амура до залива Де-Кастри в Охотском море. За всеми этими усилиями стояли повелительные нужды делового сословия Сибири: купцов и промышленников, буквально засыпавших своими прошениями и собственными проектами правительство и царя.

Но образованная Россия уже не соглашалась на что-то менее впечатляющее, чем строительство железной дороги «сплошь через всю Сибирь». Предложения об узкой колее отменялись сразу же. Общий вывод сводился к тому, что Сибирская дорога будет иметь важное торговое и государственное значение, и, как дорога транзитная, непременно

Наконец о необходимости строительства дороги заговорили в департаментах МПС, министерствах финансов, военном, морском, внутренних дел, земледелия... Масла в огонь подлили публикации генштабиста полковника Н.А. Волошина о внешних угрозах Владивостоку.

Вначале речь могла идти лишь о соединении через железную дорогу главных водных систем Рос-

но должна быть ширококолейной. Срок циклопического строительства — от изысканий до ввода магистрали в постоянную эксплуатацию — впечатляет и сегодняшнее воображение — 10 лет!

Профессионализм сочетался с находчивостью, поскольку трудностей было хоть отбавляй. Картографическая изученность Сибири оставляла желать много лучшего — благо, вы-

ручило военное ведомство, располагавшее лучшими в России топографами.

Прокладка трассы сопровождалась обширными научными исследованиями огромных территорий. Именно к этому времени, в связи с изучением разных маршрутов доставки строительных материалов, впервые заговорили об освоении

ительству Великого Сибирского пути приступили во Владивостоке. Через год изыскательские и строительные работы уже велись одновременно на всех семи участках Транссиба, где, в общей сложности, трудилось около 100 тысяч человек.

В 1893 году, с двухлетним опережением, правительство открыло мост через Обь. Поселок, возникший по-

Северного морского пути. «Попутно» было открыто много месторождений угля и металлов. На всем пути трассы проводилось улучшение русел рек, создавались посты гидрометеослужбы.

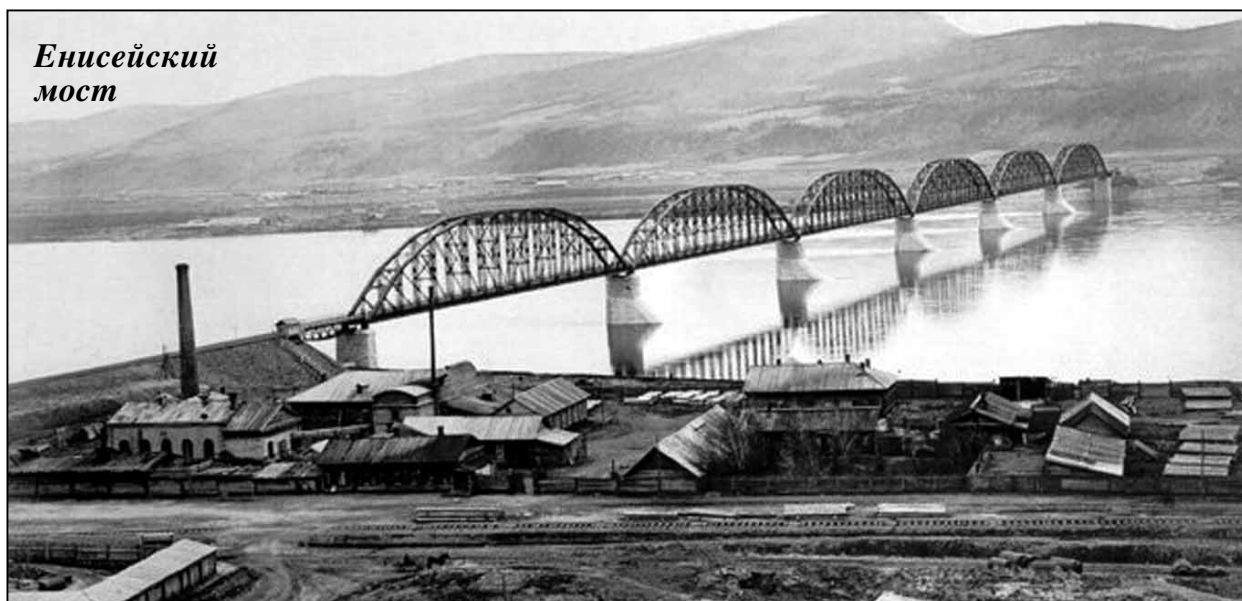
«Великое народное дело» — именно так было названо строительство в Указе Николая II о прокладке «сплошной через всю Сибирь железной дороги». 19 мая 1891 года к стро-

близости, превратился впоследствии в город Новосибирск. Средне-Сибирская дорога начиналась от восточного устоя моста и завершалась в Иркутске. Удаленная от транспортных коммуникаций, она постоянно испытывала нехватку рабочих рук. Пришлось использовать труд каторжников. Сложность рельефа заставляла прибегать к неординарным решениям. Так при выборе мо-

стового перехода через Обь изыскатели во главе с И.Г. Гариным-Михайловским отклонились от направления, предусмотренного техническим заданием, и выбрали вариант, сокративший протяженность магистрали без малого на 140 километров. Томское купечество энергично протестовало против этого решения, поскольку их город трасса обходила стороной, «Они не по-

объектами становились широчайшие сибирские реки. И здесь блистательно проявили себя русские мостостроители, спроектировавшие и построившие крупнейшие мосты того времени: через реку Томь (115 метров) и через реку Енисей (950 метров).

На участке Забайкальской дороги строители встретились с настоящим вызовом природы: здесь приходи-

нимали, — писал позже Н.Г. Гарин-Михайловский, — что ветка выходила короче... Основные правила идеальной дороги — кратчайшее расстояние». Комитет Сибирских дорог вышел из положения, соединив трассу с Томском и построив ветку протяженностью 87 километров.

Рельеф местности и лесные дебри сильно затрудняли прокладку пути. Но настоящими барьерными

лось бороться с наводнениями от ливневых вод, вечной мерзлотой, гористой местностью. Все это заставляло оперативно менять положение трассы, отметки насыпей, количество и расположение отверстий водопропускных сооружений.

За Забайкальской дорогой наступил черед Амурской. Но обстоятельства, в числе которых, помимо исключительно сложных условий ре-

льефа и суровости климата, на первое место выдвигались соображения военно-стратегического свойства, побуждали резко ускорить строительство линии, обеспечивавшей выход не только к Владивостоку, но и к арендованным Россией портам Порт-Артур и Дальний. Министр С.Ю. Витте обосновал выгоду строительства более короткой Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), пересекавшей территорию союзного Китая по менее пересеченной местности.

Строительство трассы упорно продвигалось вперед. И здесь российские инженеры проявляли чудеса технической изобретательности. Настоящим памятником в их честь стала прокладка знаменитого тоннеля Большой Хинган. КВЖД была пущена в эксплуатацию в 1903 году. Шестью годами ранее заработала Уссурийская дорога — самая восточная часть Транссиба.

Таким образом, за десять с небольшим лет строители Транссиба проложили 8144 километров железнодорожного пути, подобная скорость строительства не имела себе равных в мире. Иностранная пресса отмечала, что после открытия Америки и сооружения Суэцкого канала история не отмечала события, более богатого последствиями, чем постройка Великого Сибирского пути.

После отторжения большей части КВЖД по окончании русско-японской войны возникла необходимость вернуться к идее сооружения Амур-

Знак «Почетный железнодорожник»

ской линии. В 1908 году развернулось строительство самого последнего звена Транссиба — от Сретенска до Хабаровска. В 1915 году строители завершили прокладку восточной части амурской дороги, что позволило открыть сквозное движение от Петербурга до Владивостока. С окончанием строительства моста через Амур рельсовый путь на Великом Сибирском пути стал непрерывным.

Обозревая свершенное российскими строителями за эти годы, С.Ю. Витте заметил: «Устройство такой магистрали делает честь русскому железнодорожному строительству».

СЕГОДНЯШНИЙ ДЕНЬ

Любые пассажирские перевозки в любой стране мира — убыточны. Первоначально этот тезис вызывает шок. Очень слабым утешением может служить то, что пассажирские перевозки убыточны не в одной отдельно взятой России, а и во всем мире. Но если ставить во главу угла только экономику, то никто далеко не уедет, как в прямом, так и в переносном смысле слова. Во всем мире пассажирские перевозки дотируются государством, поскольку они — социальная необходимость, их уровень во многом отражает уровень развития общества. В России же пока за все отвечает ОРЖД и регулярно платит налог государству из прибыли железных дорог. В связи с этим стоит заметить, что в странах Европейского Союза грузовые перевозки составляют около 9% от общих перевозок, а в России тот же показатель зашкаливает за 70%. И если Европа теоретически может обойтись без железных дорог в силу своих территориальных особенностей, то в России такие номера не пройдут, будет коллапс, общий паралич.

Увеличение тарифов на грузоперевозки, в принципе, мало кого затрагивает из «широкой публики», а вот удорожание билетов сразу вызывает дикий общественный резонанс. Хотя, с точки зрения профессионалов, ситуацию нужно оценивать ровно наоборот, тем

более что 20% от тарифов на грузоперевозки закладывается в заведомо убыточные перевозки пассажиров.

После развала СССР и образования на его руинах полутора десятков независимых государств начался раздел всего и вся. Сгоряча пытались поделить и железную дорогу, причем на бумаге все это произошло, как говорится, без сучка без задоринки. Но рельсы-то проложены не на бумаге, и составы по ним ходят не «бумажные», а настоящие. Их нужно чинить и обновлять, за состоянием железнодорожных путей нужно следить, расписания — согласовывать. И, можно сказать, сама жизнь заставила вновь объединяться. Уже в 1991 году был создан Совет по железнодорожному транспорту государств-участников Содружества, где уже объединены четырнадцать профсоюзов. Более того, уже существует единый льготный проездной билет по всей территории, совсем недавно принято решение о сохранении единого трудового стажа для всех железнодорожников, даже при внутренней миграции, точнее, и при ней особенно! Кстати, железнодорожники гордятся тем, что им удалось сохранить единый высший отраслевой знак трудового отличия «Почетный железнодорожник» и соответствующие льготы к нему. Аналогов последнего не существует более ни в одной из отраслей народного хозяйства ни в одной из бывших союзных республик.

Система железных дорог в России всегда была явлением уникальным и самобытным. Случайные люди в этой отрасли не появляются и уж тем более не занимают руководящих постов. Такая традиция зародилась практически одновременно с появлением самой системы. Мало кому известно, например, что Сергей Юльевич Витте, прежде чем

контрощика грузовой службы и помощника машиниста.

Вообще-то железнодорожный транспорт можно рассматривать как инструмент глобализации мира. А в глобализации можно либо участвовать, либо ее обслуживать, третьего пути не дано. То есть либо стать ее субъектом, либо — ее объектом. Между прочим, все это касается и

стать министром путей сообщения, провел несколько лет в изучении дела изнутри и лишь после этого счел себя вправе начать руководить. Стремясь досконально изучить практическую сторону предприятия, он сидел в станционных кассах, исполнял обязанности помощника и начальника станции, контролера, ревизора движения, побывал даже в роли

железной дороги. Сейчас еще мало кто понимает, что обеспечение транспортной связи между двумя мирами, двумя цивилизациями, если угодно, — Западом и Востоком — в обозримом будущем не может обойтись без железнодорожного сообщения.

На нашей железной дороге 80 процентов — русскоговорящих. Учили-

то в основном в институтах России, самые квалифицированные, с опытом работы кадры перешли в новые независимые государства «по наследству» от СССР. А человеческий фактор пока еще никто не отменял. И надо особо отметить, что отношения железнодорожных администраций и профсоюзов строятся на основах конструктивного взаимодействия, чему мы во многом обязаны традициям, заложенным поколениями наших предшественников.

В общем, объединение — это еще и использование опыта друг друга. Следует подчеркнуть, что, вне зависимости от уровня развития страны, вне зависимости от актуальности принимаемых «наверху» решений, проблемы железнодорожников везде одинаковы. Они интернациональны. Интернациональны не только проблемы, но и отношение к железным дорогам со стороны общественности. Двадцать пять — тридцать лет назад на железнодорожном транспорте постепенно практически начали ставить крест. Автомобили и самолеты стали вытеснять железные дороги — по американской системе. Так что многие возможности были упущены, хорошо, что хоть теперь спохватились. Да и зачем, если вдуматься, самолеты в Европе? А вот появившиеся в Японии и Франции скоростные поезда — это просто революция в развитии железных дорог. Конечно, автомобили в Европе более чем популярны, а дороги справедливо считаются лучшими в мире,

но при такой плотности населения даже с ними возникает слишком много проблем. Швейцария, например, запретила транзитный проезд через свою территорию тяжелых грузовиков. Ставьте на железнодорожные платформы — и милости просим. Так что перспективы у железной дороги достаточно обширные. Она занимает и сохранит в перспективе ведущее место в обеспечении перевозок грузов и пассажиров во внутреннем и межгосударственном сообщениях. Это связано с преимуществом железнодорожного транспорта, прежде всего, как перевозчика массовых грузов с меньшей себестоимостью перевозок по сравнению с другими видами транспорта, к тому же обеспечивающего регулярность сообщений, достаточный уровень безопасности и минимальное отрицательное воздействие на окружающую среду. Так что железная дорога будет существовать всегда, пока будет существовать само государство.

А помните, с чего в России начиналась первая железная дорога? «Здравомыслящие» люди в те времена твердо убеждали, что железные дороги в России — дикий бред, абсолютно бесперспективная затея, которая кроме массового обнищания населения и резкого падения нравов, ни к чему более не приведет.

К счастью, время доказало обратное. Пока будет существовать государство, будут функционировать и железные дороги. □

Заслуженная артистка РФ Анна Терехова продолжает династию знаменитых артистов Маргариты Тереховой и Саввы Хашимова. Зрители знают и любят Анну по ее прекрасным ролям в театре, по фильмам и сериалам: в ее арсенале 24 работы, среди них: «Тайны дворцовых переворотов», «Удар Лотоса», «Надежда уходит последней», «На углу у Патриарших», и особенная работа — ее роль Нины Заречной в фильме 2005 года, это, кстати, был режиссерский дебют в кино Маргариты Тереховой — экранизация чеховской «Чайки». Сама Маргарита Терехова сыграла главную роль — Аркадину.

На счету Анны Тереховой много ярких театральных работ: в театре Луны она блестяще играла Таис — «Таис сияющая», Николь — «Ночь нежна», в постановке «Мата Хари» — роль Клод Франс, «Ноты Нино Роты» — Актриса. Сегодня в Театре Романа Виктюка она с грандиозным успехом играет Айседору Дункан в постановке «Сергей и Айседора».

Анна Терехова

«Мы должны удержатъ культуру, на которой воспитаны»

Фото
из личного
архива

— Анна, вы родились в семье народной артистки РФ Маргариты Тереховой и народного артиста Болгарии Саввы Хашимова, наверное, ваш творческий путь начался с детства?

— Моя первая роль была сыграна в телефильме «Девочка, где ты живешь?», по пьесе Михаила Рождина, в постановке Романа Григорьевича Виктюка, и, поскольку мама снималась в этом фильме, Роман Григо-

«Девочка, где ты живешь?»

рьевич предложил снимать меня. По большому счету, мама была против, чтобы ее ребенок принимал участие в съемках, она хотела, чтобы у меня была нормальная детская жизнь. Но все же доверила меня Роману Григорьевичу. Я помню, как с моим партнером по фильму — юным актером, мы приезжали в Сокольники, в маленькую квартирку мастера, где все было завалено книгами в огромном количестве, садились на краешек диванчика и читали пьесу. Это пьеса о девочке, которая разговаривает с деревьями, с животными, и ей кажется, что они отвечают, живет она в своем прекрасном детском мире. Недавно я нашла вариант этой пьесы с моими пометками и нахлынули воспоминания.

Снимали в Сокольниках, было очень холодно. Мама на тот момент ждала моего братика, она играла Лошадь в каком-то большом тупе, пела на французском языке... В фильме снимались: Сергей Проханов, Людмила Максимова, Александр Ленков... Мама рассказывала, что тогда спросила Романа Григорьевича, мол, нужно ли моей дочери это все? И он ответил, что нужно, пусть Аня старается, у нее есть свое дарование. Когда я поступала в институт, то занималась с разными педагогами и всем очень благодарна, но особенно хочу сказать про Виктюка. В то время я ездила к Роману Григорьевичу на репетиции, он ставил «Уроки музыки» по Л. Петрушевской, и он мне подсказал, какие произведения нужно выбрать для поступления — незабываемое стихотворение польского автора Константы Колчински — «Скажи, как меня ты любишь» — его я и читала на экзамене. Необыкновенное стихотворение... Можно

сказать, что встреча с Романом Григорьевичем в детстве как бы озарила и осветила весь мой творческий путь.

Прошло время, и я стала играть в его прекрасном спектакле «Сергей и Айседора», бывала на сборах труппы и всегда чувствовала себя частью театра, а потом вошла и в труппу Театра Романа Виктюка.

— Был в репертуаре театра великолепный спектакль — детектив «Восемь любящих женщин» по адаптированному сценарию Франсуа Озона, и вы играли в этой постановке...

— Спектакль, увы, недолго просуществовал из-за технических особенностей — его было трудно возить на гастроли, мощнейшие декорации и так далее, но воспоминания остались самые наилучшие. Олег Исаев изумительно играл бабушку, все молодые актрисы играли великолепно, прекрасные декорации Владимира Боера...

Репетировали с Романом Григорьевичем по несколько часов, он никуда нас, артистов, не выпускал, очень было напряженно, но мы заряжались его магнетизмом — у него было море энергии! Спектакль получился замечательный, с особым отношением мастера к автору, к теме.

— В каком спектакле вас можно увидеть в Театре Виктюка сегодня?

— В «Сергее и Айседоре» — в роли танцовщицы Айседоры Дункан,

в роли Есенина занят замечательный артист Игорь Неведров. Игорь, с благословения Романа Григорьевича, поставил в театре несколько спектаклей. Скоро состоится премьера спектакля «Скок в постель» — французского автора, драматурга Марселя Митюа, — и Игорь завершает работу над ней. Эту пьесу начал ставить сам Роман Григорьевич, но не успел...

В постановке «Сергей и Айседора» играю уже давно, спектакль имел огромный успех на гастролях: в Европе, России, в Америке.

Вячеслав Стародубцев — главный режиссер НОВАТ специально приезжает из Новосибирска, чтобы исполнить свою роль Первого поэта, и в спектакле звучит его изумительный оперный голос... Вячеслав — ученик Романа Григорьевича, они были очень дружны. Как говорит сам Слава, этот спектакль дает ему мощный заряд и энергию для дальнейшей жизни.

— Анна, а вы помните свою первую встречу с Виктюком?

— Когда мама играла в его спектакле «Царская охота» по пьесе Леонида Зорина, я была маленькой девочкой, и в памяти остались все ощущения: как мама репетировала, выход ее на сцену из зрительного зала — так придумал Роман Григорьевич, помню даже аромат ее духов, все было необычно и трепетно... кое-что уже тогда понимала. Мама играла роль княжны Елизаветы Таракановой и была прекрасна в этой

«Сергей и Айседора»

роли, такая красивая... А роль графа Алексея Орлова исполнял Леонид Марков.

Сейчас понимаю, как благодаря художественному руководителю Юрию Александровичу Завадскому Роман Григорьевич появился в театре имени Моссовета, как он доверил поставить ему этот спектакль, и как он его тогда стоически отстаивал.

Два года Завадский добивался у советских чиновников разрешения на постановку «Царской охоты». Премьера прошла с триумфом, и билеты на этот спектакль тогда было невозможно достать. Эта постановка была счастьем и для артистов, и для зрителей.

В 70-е и 80-е годы были популярны телеспектакли, и мама играла в постановках Романа Григорьевича «Игроки», «Манон», «Мне от любви покоя не найти», сегодня их можно увидеть на ютубе, в Интернете.

— Да, гениальные телеспектакли, в каждом из них блестящий, высочайшего уровня актерский состав, не говоря уже о режиссуре!

— Вообще все спектакли Романа Григорьевича всегда идут с успехом, он до последних дней работал, театр был смыслом всей его жизни, конечно, очень его не хватает, но мастер оставил свой мощнейший свет, его дело живет в артистах, в учениках. Нам было очень трудно пережить уход Романа Григорьевича...

До каждого спектакля, как и прежде, в записи, звучит голос Виктюка, его обращение к зрителям, звучит как послание с небес.

В труппе театра много молодых актеров, готовых работать, про-

Фото
Полины
Королевой

*Юбилейный
вечер
Р.Г. Виктюка*

должать его дело, у театра есть свой преданный зритель, который ходит по несколько раз на одни и те же спектакли.

— Анна, что посоветуете посмотреть сегодня в театре?

— Спектакль «Пир» в постановке нашего художественного руководителя Дениса Николаевича Азарова по стихам и прозе поэтов — обэриутов. Посмотрите спектакль «Орфей» — по пьесе Теннесси Уильямса в постановке Сергея Захарина. Сергей — актер нашего театра, и это его режиссерский дебют. Над спектаклем он начинал работать еще при жизни Романа Григорьевича,

и тогда мастер сам утвердил актерский состав. Сергей ставит «Орфея» как режиссер и как хореограф в разных театрах страны.

— А как вы относитесь к современному кино?

— Положительно отношусь. Очень понравился фильм «Пальма» режиссера Александра Домогарова-младшего — история о том, как хозяин, в силу обстоятельств, вынужден в аэропорту расстаться со своей овчаркой, так как собаку не брали на рейс. Меня тронула эта картина.

Не так давно пересмотрела «Чайку», которую сняла мамочка, фильм отцифровали, есть новый вариант.

Побывала на премьерном показе документального фильма «Перевод» Альгиса Арлаускаса, об испанистах, переводчиках испанской литературы, о традициях русской переводческой школы. Герои фильма — филолог, преподаватель, переводчик — испанист Наталья Родионовна Малиновская, режиссер и театральный педагог Анхель Гутьеррес, драматург Хуан Майорга...

Анхель Гутьеррес, когда началась гражданская война в Испании, волей судьбы, в 1937 году оказался в СССР. Он получил образование в ГИТИСе, дружил с Любимовым, Высоцким, Тарковским, Урбанским, Чухраем, ставил спектакли и снимался в кино. В 1974 году Анхель уехал на родину, в Испанию и основал Камерный театр имени Чехова в Мадриде. В 1982 году создал в Мадриде школу театрального искусства, куда приглашал для мастер-классов специалистов из нашей страны.

Гутьеррес снимался у Тарковского в «Зеркале», мама его знала. Сын Арсения Тарковского Андрей предоставил уникальные фотографии моей мамы и Анхеля. Благодарна Андрею за этот сюрприз.

В фильме «Перевод» используются отрывки из маминого спектакля по пьесе Фредерико Гарсиа Лорки «Когда пройдет пять лет», в 1994 году мама его ставила в театре имени Моссовета на камерной сцене «Под крышей». Тогда в России эта пьеса была поставлена впервые.

Мама очень часто общалась в тот момент с Малиновской, бывала у нее

в гостях, когда создавала этот спектакль, и Наталья Родионовна вместе со своим мужем, переводчиком Анатолием Гелескулом, ей помогали.

— Вы любите книги, остается время для чтения, и если да, что запомнилось из последнего прочитанного?

— В сентябре был юбилей писателя Сергея Довлатова, и я посоветую читать его книги, например, «Чемодан», «Заповедник», «Иностранка». Можно и послушать литературные произведения в записи как аудио книгу, это сейчас доступно.

Читайте Чехова! И, кстати, есть замечательная книга британского литературоведа, профессора Лондонского университета Доналда Рейффилда «Жизнь Антона Чехова», это уникальное исследование творческой личности писателя. Книга написана увлекательно и легко.

Удивительно, но я каким-то неведомым образом возвращаюсь все время к Чехову. Осенью, в Царицыно, был фестиваль ландшафтных дизайнеров, он проходит там ежегодно. Ландшафтный дизайнер Ольга Тихомирова сделала сад, посвященный чеховской усадьбе Мелихово, там можно было увидеть цветник и огородик Чехова — великий писатель был еще и потрясающим садовником, Аллею любви, ступеньки дома, на которых стояли Чехов и Левитан...

— Вы объездили немало стран, есть ли места, куда еще хотелось бы вернуться снова?

— Обожаю путешествовать по Европе, люблю Италию, Испанию...

Хотелось бы съездить в Крым, где мы с мамочкой бывали множество раз — когда у мамы были съемки, она меня всегда брала с собой, или же мы просто вместе отдыхали в Крыму. Это были дни прекрасного общения, какого-то блаженства... В памяти величественные дворцы: Воронцовский в Алушке, Ливадийский, потрясающая природа, мягкий климат, море, которым хочется дышать... Море, в котором ты возрождаешься...

Мне нравится возвращаться в Болгарию, на родину папы, раньше я там бывала часто, мы дружны с сестрой — его дочерью. Очень скучаю. Сейчас туда сложно попасть, а как хотелось бы почтить память папы.

— Что пожелаете читателям в это непростое сегодня время?

— Хотелось бы, чтобы люди не падали духом, не отчаивались, не унывали. Мир становится другим, но мы долж-

«Чайка»

ны удержать те традиции, на которых выросли, удержать культуру, на которой воспитаны с детских лет.

Я вижу свою племянницу, которая много читает, не сидит в гаджетах и знает много сказок. Любите своих детей, давайте им читать книги, радуйте стихами! Занимайтесь с детьми.

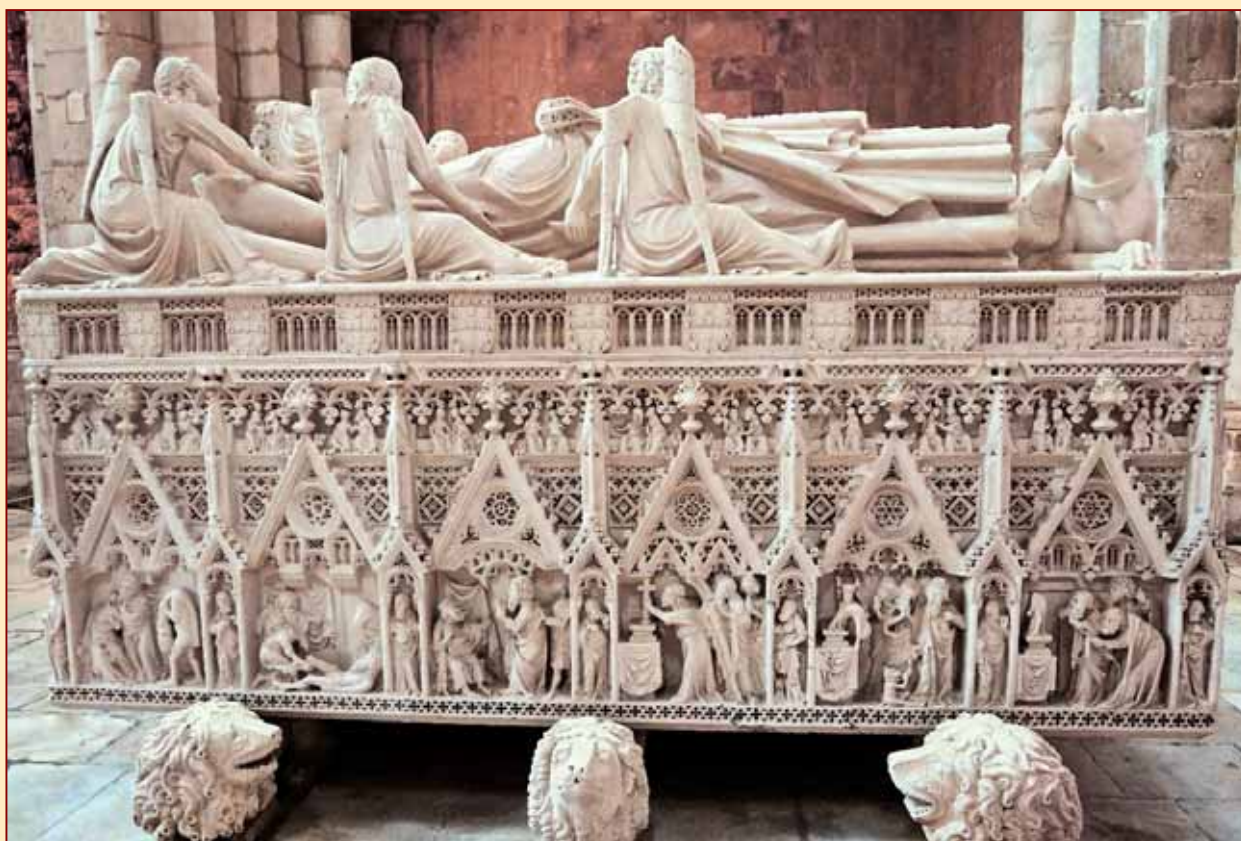
Очень важно, чтобы у людей осталось живое общение, чтобы они ходили в театр. Актерам очень непросто играть в зале, заполненном только на пятьдесят процентов, хочется видеть зал, заполненный до отказа.

Мы все преодолеем! □

Беседовала **Елена Воробьева**

МРАМОРНОЕ ЧУДО Алкобасы

В Португалии много красивых мест — замков, монастырей, крепостей, парков, но этот маленький городок Алкобаса со старинным цистерианским монастырем — особенный. Сюда обязательно наведываются все туристы, приезжающие в Португалию, — ведь здесь можно увидеть образцы средневековой скульптуры, поражающие выразительностью и фантастическим мастерством

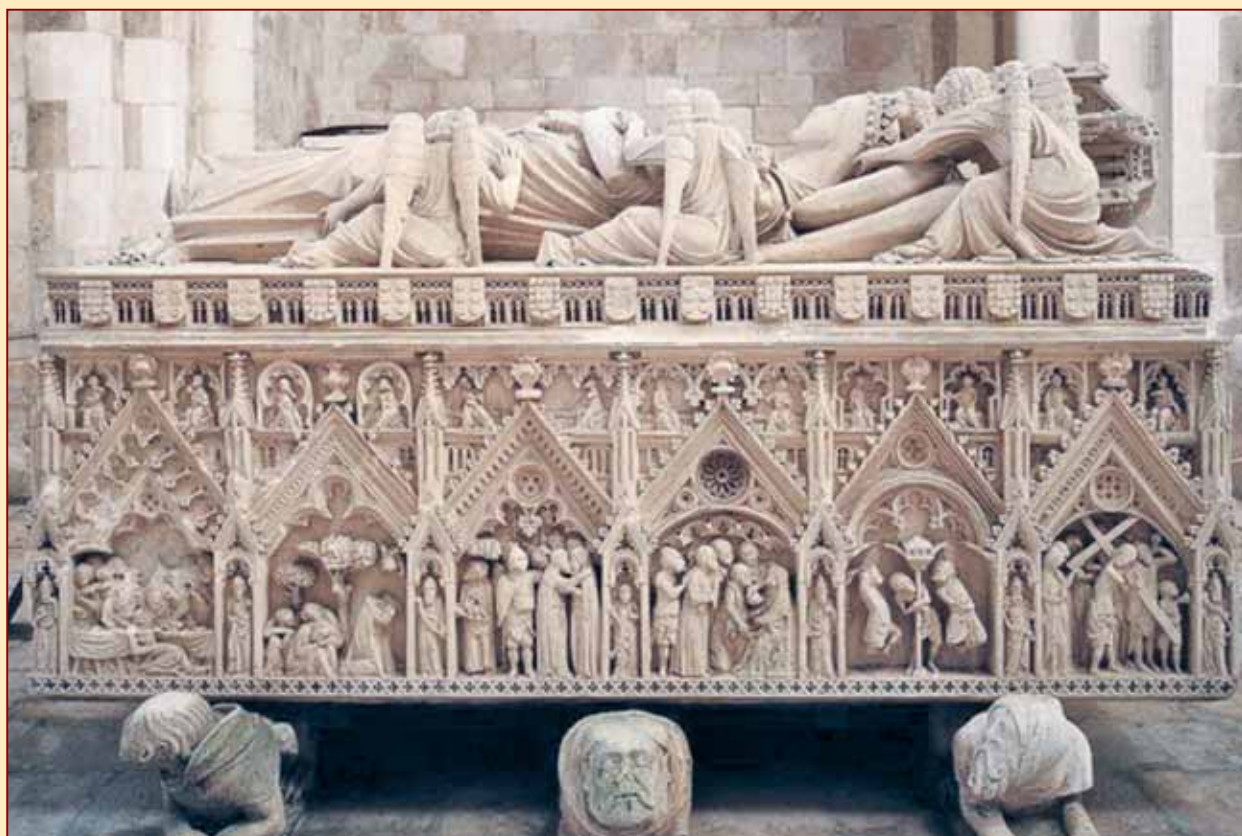
исполнения. Безвестные скульпторы, авторы этого шедевра, были вдохновлены удивительной историей, в которой соединились любовь и страсть, мужество и коварство, смерть и вечная жизнь — в легендах и в искусстве.

Монастырь Санта-Мария де Алкобаса (первый готический комплекс в Португалии) начали строить в 1152 году. Эти земли монахи цистерцианцы (их называли белыми монахами, потому что они носили белые рясы, символизировавшие чистоту их деяний и помыслов) получили от первого короля Португалии Афонсу Энрикеша I. Перед битвой с маврами за Сантарен король поклялся, что, если победит, обяза-

тельно построит монастырь и посвятит его Святой Деве. Он победил (битва, вошедшая в мировую историю, состоялась в 1147 году). Так в Португалии появился новый монастырь — в Алкобасе.

Белые монахи отличались трудолюбием — занимались ремеслами, продавали то, что делали в своих мастерских, и не забывали о благотворительности. Они создавали свой мир — мир, в котором все

Инес де Кастро

было строго, скромно, без излишеств, и суровые монастырские интерьеры украшали лишь немногие скульптуры, изваянные самими монахами.

Монастырь со временем богател и приобретал все большее влияние в стране, а в 13 и 14 веках он стал королевской усыпальницей. Здесь были похоронены короли Альфонсо II, Альфонсо III, а также их венценосные супруги, королевы Уррака Кастильская и Беатриса Кастильская. Но туристы со всего мира приезжают в монастырь не для того, чтобы увидеть надгробия этих славных персонажей португальской истории. Цель любителей старины — мраморные гробницы короля Педру I и его фаворитки Инес де Кастро (или по-португальски Инеш де Каштру)...

В 1325 году королем Португалии стал Афонсу IV. В народе его прозвали Храбрым — за то, что он отважно сражался с маврами и безжалостно усмирял непокорных вассалов.

Но проблемы у него были не только в политической жизни, но и в его собственном доме. Особенно его беспокоил сын Педру. В 1339 году Педру женился по настоянию отца на Констанс Кастильской. Это был чисто политический акт — так нужно было, дабы помирить Португалию и Кастилию, непрерывно страдавших от военных конфликтов.

Педру не испытывал никаких чувств к своей законной супруге, однако он страстно влюбился в ее фрейлину Инес де Кастро — самую красивую даму при португальском дворе. Двадцатилетняя красавица, гордая и независимая испанка, с прямой спиной, лебединой шеей, тонким станом и выразительными глазами, не оставляла равнодушным ни одного мужчину, встречавшего ее при дворе.

На ухаживания Педру она не отвечала, что еще более распалило темпераментного инфанта. В конце концов, его страсть пробудила в ее душе ответное чувство. И вот как-то Педру отправился на очередную войну (с полчищами берберов, отчаянно дравшихся с испанцами за свои земли) и был якобы убит — скорбную весть в столицу Португалии принесли паломники со Святой земли. Инес, узнав об этом, упала в обморок, в то время как законная супруга Педру Констанс, явно не

«Дворец слез» Инес де Кастро

испытывая горячих чувств к супругу, сохраняла спокойствие. К счастью, Педру, действительно получивший тогда серьезные ранения, попал в руки умелых врачей, и они вывели принца. Он вернулся домой живым и невредимым, и тогда Инес сдалась — призналась Педру, что уже давно любит его.

Вскоре принц уже практически не скрывал свои отношения с Инес. Он любил и был любим самой прекрасной женщиной в Португалии!

На эту связь можно было и закрыть глаза, думал Афонсу, но у пары влюбленных появились дети! Четверо! А это уже могло угрожать трону! В прошлом уже не раз случилось, что бастарды пытались сесть на трон и захватить власть в стране.

Что мог сделать в такой ситуации король? Он решил отправить Инес с детьми подальше от столицы, от Педру. К тому же жизнь ее при дворе становилась невыносимой, она чувствовала, что ее ненавидит и король, и его придворные. Инес была вынуждена уехать в Коимбру, где Педру выстроил для нее прекрасный замок, где она проводила дни и месяцы в изгнании, тоскуя по любимому Педру и частенько плача от отчаяния. Но что она могла сделать? Только проливать слезы. Поэтому замок в Коимбре прозвали в народе «Дворцом слез».

А тут скончалась Констанс (это случилось в 1345 году), и дело еще более осложнилось. Король попытался вновь сосватать сына за другую кастильскую принцессу, но Педру меч-

*Карл Брюллов.
«Смерть Инессы де Кастро»*

тал жениться только на Инес, поэтому не подчинился отцу и продолжал регулярно навещать к возлюбленной. Поняв, что намерения принца жениться на ней серьезны, король принял единственно правильное, как ему казалось, решение: Инес и ее детей придется устранить...

И вот 7 января 1355 года, когда Педру отправился на охоту, Афонсу приехал в Коимбру и приказал привести к нему Инес с детьми. Она сразу все поняла, так как была неглупой женщиной, только просила одного — чтобы король пощадил ее детей, своих внуков. И тогда Афонсу отпустил женщину, а детей передал нянькам. Как только Инес вошла в свои покои, туда ворвались люди короля и закололи ее.

*Вершители лихого приговора
Пронзили алебастровую шею.
Краса померкла трепетного взора,
Что юный принц боготворил,
лелея.*

*Не ведая в душе своей укора,
Красу Инеш несчастной не жалея,
Убийцы ей ланиты осквернили
И кровью белизну их обагрили.
... Инеш, от ран изнемогая,
Красы своей божественной
лишилась
И с сладостною жизнью
протилась.*

Так описывал эту трагедию в своих «Лузиадах» великий португальский поэт Луис Камозэнс.

Педру, узнав о страшном преступлении отца, пришел в ярость. Он

говорил, что у него вырвали сердце. Теперь ему ничего не было страшно, и он встал во главе мятежа против короля — два года длилась это

*Ее король, блюститель чести
строгий.*

Безжалостно Педру расправлялся и с другими преступниками, не-

*Монастырь
Санта-Мария
де Алкобаса*

страшная гражданская война, которая закончилась только перед самой смертью Афонсу, в 1357 году. Педру вззошел на трон. Теперь он правил Португалией, теперь у него была вся власть в стране. И он ею воспользовался. Первым делом покарал убийц своей возлюбленной Инес. Они должны были страдать, как он и Инес. И у одного из убийц вырвали сердце из груди, у другого — со спины. Говорят, что Педру сам совершил страшную месть.

*А вскоре Педру править стал
страною,
И гнев его настиг убийц жестоких,
Хотя, грозу почуяв над собою,
Они в Кастилье спрятались
далекой.
Их сразу выдал Педру с головою*

взирая на их чины и богатства, за что в народе его прозвали Справедливым.

Он продолжал жить, но — без сердца, без любви. Он не представлял себя рядом с другой женщиной. Никто не мог заменить в его душе Инес.

Став королем, Педру объявил, что был тайно повенчан с Инес, а

щит из гробницы труп Инес, одеть его в королевские одежды, водрузить на голову корону и посадить то, что осталось от Инес, на трон. А затем воскликнул: «Сегодня провозглашаю тебя, Инес де Кастро, именем Всевышнего и именем закона нашей страны королевой Португалии и Алгарви! Кто присягнул мне на верность, пусть присягнет и ко-

Педру I

Инес де Кастро

потому она — настоящая королева Португалии. Вскоре вся Европа заговорила о самой необычной коронации в мировой истории. Эта страшная церемония произошла 25 июня 1460 года в Коимбре, в главном соборе. У алтаря стоял небольшой трон, а на нем восседало нечто, завернутое в золотую парчу, — король приказал выта-

ролеве!» — и, опустившись на колени, поцеловал руку своей мертвой возлюбленной. А потом и подданные короля, высокородные вельможи, вынуждены были преклонять колени, целовать иссохшую руку мертвой Инес и приносить ей клятву верности. Можно представить, что творилось в их душах. Кто-то потерял способность двигаться, кто-то — гово-

*Пьер-Шарль
Комт.
«Коронация
Инес
де Кастро
в 1361 г.»,
1849*

рить. Все, кто был на той коронации, навсегда запомнили этот день...

После коронации Инес перезахоронили в монастыре Алкобаса, недалеко от гробниц предков Педру, законных королей и королев Португалии.

Для Инес самые лучшие мастера страны сделали по приказу короля роскошный саркофаг из белого мрамора.

Саркофаг поддерживают лежащие полуживые, полулюди — говорили, что их лица-морды очень похожи на лица убийц Инес. Саркофаг украшают сцены из жизни Христа, распятие, Страшный суд. И над фигурой Инес склонились шесть ангелов — они оплакивают безвременную и такую страшную гибель прекрасной женщины.

Гробница Педру I

А король Педру прожил еще десять лет. Он мудро правил своей страной, много делал для своего народа. И только страшная тоска временами терзала его душу, тогда он приезжал в Алкобасу, садился у гробницы Инес и подолгу разговаривал со своей возлюбленной.

Когда он умер (это случилось в 1367 году), трон унаследовал Фердинанд, его сын от Констанс. Детям от Инес корона не досталась.

Португальские мастера создали и для Педру беломраморный саркофаг — гробницу поддерживают шесть львов, в ногах у короля — его верный друг, пес, который был всегда с ним рядом, а на стенках саркофага — сцены из жизни Педру и

Инес. Перед смертью Педру велел установить его саркофаг так, чтобы, когда придет время, наступит Судный день и мертвые восстанут, он и его любимая воскреснут и сразу увидят друг друга...

История Педру и Инес жила в поколениях, обрастала мифами и легендами. На самом же деле все было несколько иначе...

Инес де Кастро происходила из знатного галисийского семейства, состоявшего в родстве с кастильскими королями и связанного с самыми могущественными кланами на Пиренейском полуострове. Так, к примеру, она была дальней родственницей Афонсу Саншеша, неза-

Гробница Инес де Кастро

коннорожденного брата Афонсу IV, многие годы претендовавшего на португальский трон. В конце концов, он потерпел поражение в своей борьбе за корону и бежал в Кастилию, но и там не успокоился и плел всяческие интриги против законной португальской власти.

А тут на сцене появилась Инес де Кастро, и в Кастилии резко активизировались силы, заинтересованные в свержении Афонсу IV и воцарении на португальском троне дружески настроенного к Кастилии Педру.

Никто точно не знает, посвятили ли родственники Инес в свои планы, влияла ли она на своего возлюбленного или просто любила его, любила без всякой задней мысли, преданно

и верно. Возможно, и король этого точно не знал, но он не мог позволить себе рисковать, поэтому собрал королевский совет, члены которого после долгих споров приняли решение: ради блага государства Инес должна умереть. 7 января 1355 года Инес казнили — она была обезглавлена. Она молила не лишать ее жизни — ради детей, королевских внуков. Но... топор государственного палача сделал свое дело.

В остальном все в легенде об Инес де Кастро соответствует правде.

(Кстати, страшной коронации мертвой королевы не было. Этот эпизод появился позже — сначала в народных романсах, потом в поэмах, драмах, фильмах и полотнах самых

разных авторов, вдохновленных трагедией Инес де Кастро. Среди них — португальский классик Луис Камозэнс (написавший поэму «Луизиады», где посвятил Инес и Педру несколько строф), композитор Цингарелли, автор оперы об Инес, писатель Виктор Гюго, художник Карл Брюллов (его картина «Смерть Инессы де Кастро» можно увидеть в петербургском Русском музее), переводчица и писательница, подруга Чехова Т. Щепкина-Куперник, написавшая новеллу «Смерть Инес де Кастро», и многие другие.)

Так или иначе, саркофаги Педру и Инес стояли рядом в монастыре в Алкобасе, и монахи многие годы ревностно охраняли покой короля и его возлюбленной.

Рассказывают, что 1 августа 1569 года тогдашний король Португалии Себастьян I открыл саркофаги и, по свидетельству двух присутствовавших при этом монахов, читал старинные тексты, посвященные трагической любви Педру и Инес.

Время в монастыре идет тихо, не спеша. В 1755 году в Лиссабоне случилось сильнейшее землетрясение, практически уничтожившее столицу Португалии, но на монастырской жизни оно практически не отразилось. Зато когда в 1810 году в страну вошли brave наполеоновские солдаты, монастырю пришлось плохо. Французы разграбили библиотеку, разворовали предметы внутреннего убранства, а часть просто сожгли. Не пощадили они и гробницы — сильно повредили

саркофаги Инес и Педру, осквернили тела усопших — забальзамированное тело Педру вытащили из гроба, обернули фиолетовой тканью и бросили на пол, а голову Инес швырнули в соседнее помещение, туда, где стояли другие гробницы. Когда французы ушли, монахи вернули тело короля и голову его возлюбленной в саркофаги; как могли, восстановили усыпальницы. Потом гробницы короля и Инес стояли в разных комнатах, но в 1956 году их вернули на прежнее место, где они должны были стоять по велению короля Педру.

С тех пор никто не нарушал покой влюбленных.

Легенду об Инес и Педру в Португалии знают все. Это — часть национальной культуры, страница истории страны. Про Инес ставят спектакли, в ее честь устраивают конкурсы, ее именем называют школы. Она продолжает свою жизнь — в искусстве, в народной памяти.

Продолжает свою жизнь и монастырь в Алкобасе: сегодня он — национальное достояние Португалии и один из объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО.

Сюда полюбоваться тончайшей работой португальских мастеров, сотворивших это чудо, мраморное кружево саркофагов Инес де Кастро и короля Педру, приезжают ценители красоты со всего мира. А еще сюда приезжают влюбленные пары — постоять у гробниц Педру и Инес, а потом поклясться в вечной любви друг к другу, любви, победившей смерть. □

Светлана Савицкая

ТРИ УДАРА СЕРДЦА

К 100-летию Анн Голон (Симоны Шанже),
автора десятитомной саги о «Неукротимой Анжелике»

*Людмила Менаже. «Анжелика — маркиза ангелов»
(портрет актрисы Мишель Мерсье)*

Мне казалось, между первым восприятием «Анжелики», вторым и третьим прошло всего три удара сердца!

Удар первый. Я — зритель четырех лет, сижу, смиренно ожидая, когда мама Тамара (урожденная княгиня Нарышкина), дирижер хора Дома культуры города Каспийска, отруководит завершающей песней и, взяв нас с сестричкой за руки, поспешит на киносеанс. Мы осторожно проходим в темный зал, наполненный волшебством живописной киноленты «Анжелика и король», и я мгновенно включаюсь в волшебную сказку. На экране динамично мелькают интриги королевского двора — убивается младенец над фавориткой короля — падает замертво карлик — а Анжелика у каменный стены режет сердце отчаянным призывом: «Жоффрей! Жоффрей!», оставляя каленое клеймо единственной любви.

Сердечко останавливается от взрослого, вполне осознанного решения — и я когда-нибудь стану красивой и буду любить мужчину. До гроба.

Удар второй. Я — читатель. Ленинград. Перестройка. На руках трое детей. Месяцами не платят зарплату. Есть нечего. Я, сбрасывая трусливую кожу, нахожу в себе смелость для подвига дивергента и, героически увертываясь от ментов по подземным переходам, пою в метро... а потом на вырученные копейки покупаю книги об «Анжелике». Все 10 томов проглатываю, заливаясь слезами, опрокидываюсь вверх тормашками в бездну увлекательного мира Франции. Как и Анжелика, тоже ищу выхода из сложнейшей жизненной ситуации и всегда нахожу ее.

Удар третий. Я — писатель. На полке рабочего стола больше сотни вышедших книг на 30 языках мира. Моя подруга, художница из Франции Людмила Менаже, сообщает, что знакома с дочерью автора романов про Анжелику Надин Голубинофф и помогает наладить с ней контакт. Собираю книги, изданные в разных городах России разными издательствами и политые множеством раз слезами сердца и судьбы, и отправляю посылку в Версаль для Надин. А ей задаю множество вопросов на французском. А когда перевожу ее ответы на русский, сердце мое останавливается. Мир исчезает. Это круче романа. Это жизнь! Из глаз ручьем текут слезы. Ведь между кадрами киноленты, множество раз примеряемой на себя, как любимое платье, между строк, зачитанных до дыр, проступает мощный и прекрасный образ писательницы Симоны Шанже, ее мужа Сергея Голубинова, потомственного русского дворянина, их детей и русской свекрови... Надин отвечает выборочно, некоторые вопросы оставляя на потом. И как говорят болгары, «сладкое на дне...» — самое невероятное потрясение ожидает в последнем письме. Из 23 вопросов самым главным для меня тот, ответ на который пришел последним. В нем Надин сообщает, что мачеха ее родного отца, с которой частично был писан образ Анжелики — Наталья Николаевна Литвинова — потомок семьи Нарышкиных...

Волнующие тайны Французского двора и Русского царского двора, переплетенные в этом искреннем интервью, соединили всего три удара сердца. И я благодарю небо за то, что они путеводными звездами ярко сверкнули: и первым решением детства о собственном выстраивании будущего, и откровением настоящего в моей зрелости, и современной осознанностью прошлого...

(От автора)

Предлагаем вашему вниманию интервью, составленное из переписки Светланы Савицкой и Надин Голубинофф. Получилось оно интересным для вас, это уже судить вам, дорогие читатели.

— Анжелика — яркий символ, занявший оригинальную нишу в мировой литературе и, как следствие, в мировом кинематографе. Русский читатель понимает, что

это образ собирательный. Но были ли прототипы? И в чем похожа Анжелика на автора романа Анн?

— Нет, никаких прототипов не было, общий сюжет Анжелики является

чистым творением, ни один вымышленный или реальный персонаж не вдохновил ее. Но это правда, что граф Монте-Кристо (А. Дюма) и капитан Немо (Жюль Верн) — ее герои детства, возможно, подсознательно вдохновили ее на создание персонажа Жоффрея как некоторого чудовища по отношению к красавице, или же в русской народной сказке образ Чудища в «Аленьком цветочке». Энн считала себя совсем не такой, как Анжелика. Анжелика экстравертна, живет и действует во внешнем мире, где везде есть свое место, а моя матушка была интроверткой, больше жила в своем внутреннем мире (как и любой художник) и была принята и признана внешним миром только в последние годы своей жизни.

Одновременно с этим автор и героиня романов, безусловно, похожи друг на друга благодаря мужеству, любви, вере, невинности и личной морали. Обе живут не для того, чтобы нравиться обществу, соседям или следовать установленному порядку, если он кажется лицемерным или несправедливым. Обе революционны в хорошем смысле, то есть находят мужество менять мир своим образом жизни.

В каком-то смысле Анжелика — это голос и меч Энн в борьбе с фанатизмом, религиозным и социальным мракобесием. Они борются не с религиями, а с глупостью и преступлениями людей, совершенными во имя Бога.

Многие из поступков и размышлений Анжелики принадлежат моей матери. Она обладала такой же смелостью перед лицом опасности, никогда никому не позволяла произвести на

себя впечатление. Обе они имеют простой характер, без показухи. Никакой гордости, кроме чувства чести и осознания того, что они собой представляют. Любовь к жизни, к простым людям и вещам, к природе. И великолепное, уникальное чувство юмора.

— Какой подтекст вкладывала в имя главной героини автор? Анжелика — это далеко не ангел, если учитывать прямой перевод имени на русский язык. Так что?

— Это имя было модным в то время. Его вдохновил цветок Анжелики, так называемый цветок ангелов, который растет в болоте Пуатевен.

— Анжелике де Сансе де Монте-луп и Жоффрею де Пейраку суждено обрести в романах Голон лебединую верность, присущую людям славянского образа жизни. «Любовь до гроба» — у нас идеальный образ любви. Ее ищут. К ней стремятся. Возможно, именно поэтому так близка нам, русским читателям, любовь Анжелики и Жоффрея. С этим связана высокая популярность романов.

— Чем похожа и чем не похожа судьба пары, создавшей романы, Анн и Серж Голон, с героями романов об Анжелике?

— Энн признала, что не смогла бы написать о любви Анжелики и Жоффрея, если бы сама не встретила с человеком своей жизни: Сергеем Голубиновым, он же Серж Голон (мой отец).

Она превратила его в Жоффрея.

Да, они похожи друг на друга во многих отношениях, но в то же время очень разные. Жоффрей по сюжету — латиноамериканец. Мексиканец, в котором течет кровь индейцев, испанцев и арабов. Однако моя мама часто говорила: «Хорошо, что мой муж был русским». Его славянский аристократический характер, более философский и веселый, чем у многих других людей, которых она встречала в своей жизни, сделал ее жизнь прекрасной. С ним ничто не казалось трагически-серьезным, что бы ни случилось.

— Версаль — легендарное место, где зарождалось и крепло масонство, распространившееся из Европы в Россию. Время действия романа завершается в 1681 году. В 1682 году родился наш великий царь Петр I. После его Великого посольства и путешествия по Европе масонство и ордена укоренились на русской территории. Почему именно Версаль выбран местом действия романа? И какое место уделено в нем масонству?

— Моя мама жила в Версале, когда решила написать исторический роман об истории женщины в 17 веке. Неподалеку от нас находится замок Людовика XIV, а также Версальская библиотека, очень богатая старинными документами. Именно в Версале она написала первую «Анжелику».

На самом деле Энн не думала о глубинных исторических процессах ни в начале, ни в середине (сериала), но

полностью осознала их в последние годы. Инстинктивно она ввела Жоффрея в науку, осмелившуюся объяснить мир и природу без «инструментов» религии, освободившись от устоявшихся доктрин. Это общее философское движение, которое только началось в то время между учеными и философами, в 18 веке рождало масонство. Во времена Анжелики этих предшественников и тех, кто интересовался их исследованиями, называли «отступниками» и подвергали опасности, поскольку считали врагами религии, подвергающимися сомнению принципы, установленные Церковью как неизменные, и своими открытиями ставящими под сомнение эти «истины».

— Замок Жоффрея де Пейрака по сюжету романа выстроен на местах тамплиеров. В романе также множество исторических сюжетных моментов, которые не создать без достоверных архивных данных. Изучение архивов — одна из наиболее важных деталей в писательском труде. Как она осуществлялась?

— Это основа для исторического романа. Энн хотела написать реальность жизни и времени. Свидетельства эпохи были необходимы. Мои родители проводили эти исследования вместе в Версальской библиотеке, а в Париже — в Национальной библиотеке и в букинистических точках. Мой отец помог ей собрать огромный материал для первой книги: «Анжелика». А позже — об Анжелике и Новом Свете.

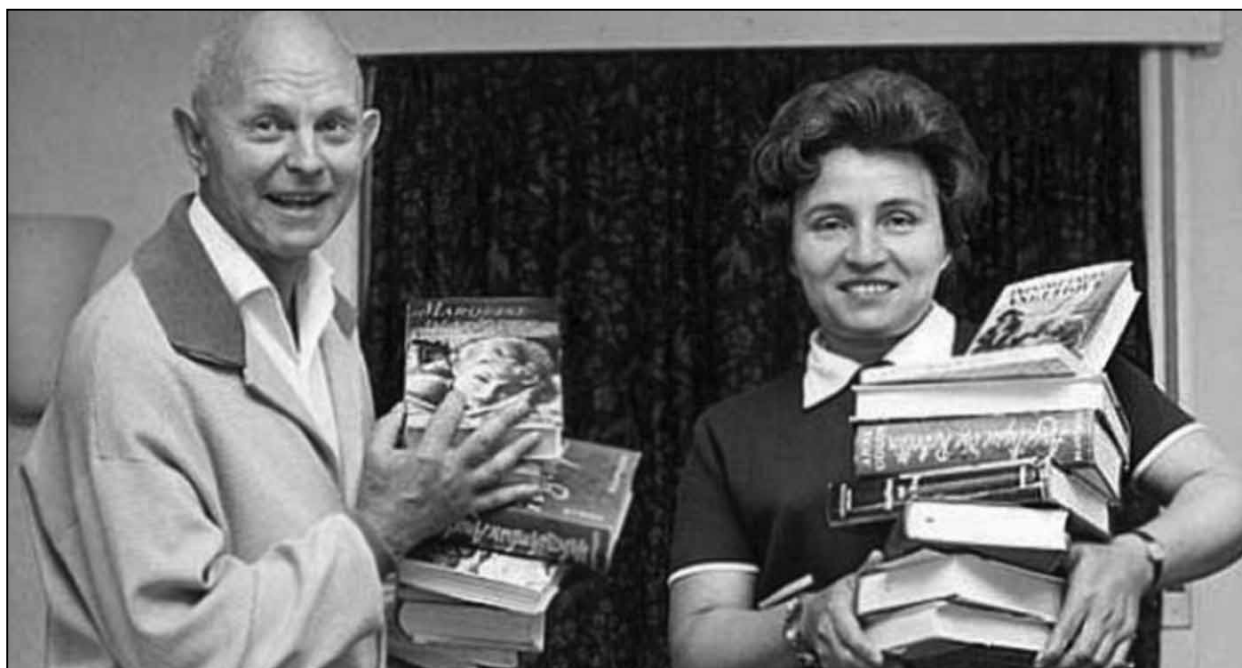

Фото из личного архива Надин Голубинофф

Что касается американской стороны, мои родители отправились в многомесячную поездку в Америку, чтобы посетить места, куда Энн хотела отвезти Анжелику (Гулсборо, канадские леса, местные архивы, небольшие музеи). Мой отец также помог ей в этих исследованиях, потому что в 1966 году большая часть документов с ранних времен Французской Канады была на английском языке. Во Францию они привезли сундук с документами весом более 200 кг!

Мы всегда видели нашу мать в окружении книг, архивов, бумаг. Она не могла написать сцену без предварительного точного знания всех деталей. Она констатировала факт, что большинство слов Людовика XIV в ее книгах были произнесены им самим. «Но, совершенно очевидно, он никогда не говорил: "Анжелика, я люблю тебя!" и никогда не разговаривал с ней на самом деле», — добавляла она со смехом.

Энн (Симона Шанже) и Серж Голон

— Анжелика много путешествует. Много путешествует Жоффрей. Любовь к путешествиям и приключениям — это личная судьба писателя или желание познать мир? Или фактура, найденная в архивах, умело вплетенная в канву произведений?

У обоих было детское желание познать мир. Энн в детстве мечтала стать исследователем. Она уехала в Африку, как только смогла, после войны.

Путешествие — часть жизни моих родителей. Они их совершали ради работы, а вовсе не как туристы. Анжелика путешествует из необходимости найти своего мужа, спасти протестантов. Моя мама также вдохновилась жизнью моего отца, который много путешествовал с детства. И путешествие продолжилось вместе с нами (их детьми), мы выросли в разных странах и культурах.

— Расскажите пожалуйста, как и почему юная художница *Анн Голон* стала писателем?

— Рожденная со сказочным воображением, она с раннего детства придумывала себе истории и рисовала, первый рассказ «Приключения маленького свитера лимонного цвета» был создан в 7 лет. Тяжело болевшая в детстве туберкулезом, она проводила время, читая исторические книги, например, приключенческие романы Жюль Верна. Долгими ночами, пересказывая их себе, переживая также героические военные приключения войны 14-го года или исследуя джунгли. В подростковом возрасте она продолжала рассказывать истории, писала статьи, которые публиковались в журналах скаутов. Первую серьезную книгу Энн а создала в 18 лет — «В стране за моими глазами». Это были воспоминания детства.

— Сергей Голубинов — русский аристократ, горный инженер. Его достопочтимая матушка блистала при дворе нашего царя. Русский читатель понимает, что некоторые тонкости сюжетных линий могут быть созданы под влиянием историй высшего света России того времени. Какие именно?

— Это правда, что моя мама немало познакомилась с миром двора и дворянства (на русском языке) благодаря рассказам моего отца и мачехи, второй жены его отца (Наталья Николаевна Литвинова, потомок семьи Нарышкиных по женам). Мать

моего отца умерла очень молодой, когда он был совсем маленьким.

— В 90-е годы наша страна была разграблена и брошена на нищенское выживание. Люди оказались за гранью бедности. Но любовь к литературе оставалась всегда. И даже в эти тяжелые для страны годы, когда люди умирали от голода, но больше от рухнувших идеалов и были лишены всякого будущего, они спасались чтением. Именно в 90-е годы серия романов об Анжелике стала наиболее популярной в России. Многие издательства, бывшие на грани банкротства, стали спасаться тиражами *Анн и Сержа Голонов*. Но книг этих все равно было недостаточно, чтобы утолить голод в поисках идеала символа «Лебединой верности», веры в справедливость, твердого характера, умеющего даже в самых тяжелых ситуациях оставаться изобретательным, смелым, сильным духом. Иными словами, то, что переживала Анжелика, оказавшись на самом дне жизни после Версаля, в 90-е пережила вся наша несчастная страна. Но мы должны были как-то жить! В те годы хлынули на прилавки книги об Анжелике. Честно признаюсь, я тоже приобретала с радостью эти книги. На моей личной домашней полке почти вся серия про Анжелику, эти тома изданы издательствами-однодневками, вспыхнувшими и исчезнувшими в 90-е в Москве,

Петербурге, Харькове, на Урале... Домохозяйки с упоением читали эти романы. Серия книг Анн и Сержа Голонов помогла выжить всей линейке живых людей: издатель-корректор-переводчик-типография-бумага-краска-курьер-грузчик-продавец-перекупщик-склад-магазин... И мы тогда не задумывались, что это может расстроить автора, с которым, судя по всему, не были заключены официальные договоры. А как писатель Анн Голон относилась к такой стихийной популярности? Радовалась ли, что посредством ее произведения были спасены многие жизни или расстраивалась оттого, что не имела на этом миллионы денег?

— Ни одного договора с ней подписано не было. Ее бывший агент подписал несколько соглашений, но без уведомления автора или ее подписи — обязательной по авторским законам — с различными российскими издателями на символические суммы. Энн Голон никогда не получала ни одного цента.

Когда она узнала в 1995 году, что популярность Анжелики в России обратилась миллионными тиражами, этот факт, естественно, порадовал ее. И вообще, она не очень удивилась феноменальному триумфу, как будто сама это предвидела. Зашифрованные доказательства необычайной популярности Анжелики в России помогли ей потом в судебном разбирательстве с ее агентом-издателем во Франции, основным аргументом которого было то, что Анжелика была

«старой пыльной книгой», у которой больше не было читателей...

Конечно, она была очень тронута популярностью среди российских читателей и рада, что Анжелика помогла им пережить трудные времена. Читатели Анжелики всегда были в ее сердце. «Именно для них я пишу», — часто говорила она в течение многих лет, даже когда ее коварный французский издатель-агент повторял ей, что у нее больше нет ни одного даже самого ничтожного читателя, что Анжелика «больше никого не интересуется». Мы понимали, это было сделано с целью, чтобы автор перестала писать и, самое главное, чтобы не замечала, что делали эти люди в течение многих лет: чтобы книги об Анжелике исчезли с прилавков, а издатель взял свой процент (не отдавая его автору). В то время как в 1991 году роман был продан на сумму 13 880 000 долларов, Энн Голон едва ли хватало средства для жизни. А ее французские издатели предложили, без предупреждения, контракт с российскими издателями, передав им 10 наименований как «исключенные авторские права», то есть, как если бы Энн Голон умерла 50 лет назад...

Моя мать никогда не хотела зла ни российским читателям, ни издателям, которые лишили ее прав и причитающихся ей авторских выплат. По продажам в России она была до июля 2014 года самой читаемой французской писательницей в мире. Но ей пришлось пережить свою старость в нищете.

Самым тяжелым для моей мамы было то, что она больше не могла по-

Надин Голубинофф

Фото из личного
архива Надин
Голубинофф

могать тем, кому хотела бы помочь, как она давно это делала: брошенным животным, несчастным старикам, «художникам рта» (безруким) и так далее...

— Анжелика — идеальный образ для России! В нашей стране большинство женщин обладают красотой. Но наши сказки, мифы, предания, былины сохранили память о редких красавицах, обладающих кроме природных данных именно теми качествами, которые присущи Анжелике: силой духа, верностью, неукротимостью, умом, смекалкой — а ведь это главное. Экранизация романа Анжелика буквально ошеломила зрителя в СССР! Наш зритель принял за достоверность волосы Мишель Мерсье и только потом узнал, что это несколько париков. Блондинка оказалась в жизни брюнеткой с неправильным прикусом, с темными, сильно накрашенными глазами, к тому же с вы-

мышленным именем. А ведь литературная героиня рисуется зрителю в воображении прекрасной и совершенной! Пять фильмов до сих пор любят в нашей стране. Восхищаются костюмами, интерьером, природными съемками, замками. Интересно, а как писатель отнесся к экранизации? Была ли Анн удовлетворена выбором актрисы? Что ей понравилось в первой экранизации? Что вызвало недоумение?

— Это было нарочно или по глупости, но постановщики совершенно издевались над реализмом. Эти люди хотели сделать большую шутку из истории Анжелики. Они хотели повеселиться и коммерчески привлечь аудиторию сексуальными сценами и намеками, чего раньше никогда не было в исторических фильмах. Шок для автора и ужасное разочарование для читателя.

Да, когда Мишель Мерсье была представлена автору перед съемками, Энн находила ее красивой — так

оно и было, она вполне могла воплотить Анжелику. Но кинематографисты заставляли актрису говорить с вульгарной, никчемной интонацией. Это очень печально, потому что на пробах Мишель была безупречна. Но они хотели превратить Анжелику в милую простенькую куклу, которая переходит от мужчины к мужчине.

По этому поводу моя мама часто отвечала одной фразой: «Актриса не несет ответственности за то, что ее заставляют говорить глупости».

Однако из первых постановок понравилось многое: костюмы, декорации, музыка, сцена дуэли, суда, помилование Анжелики, сценорграфия, вторые роли, которые благодаря выдающемуся сюжету были выше уровня фильма! Анжелика принесла им удачу. Большинство из них стали знаменитыми.

На фоне чего вызвала недоумение глупость слов, вложенных в уста главных героев. Инверсия ситуаций и характеров. Изменения сюжета создают искусственные нагромождения ситуаций, лишенных всякой логики. В книгах же все события, большие или малые, связаны с тем, что последует дальше, даже через несколько книг. Как в жизни.

— Вторая экранизация Анжелики в России не понравилась никому. Зритель не принял резкую игру совершенно бездарной Норы Арнезедер. Через 5 минут зритель смотрит на часы. Через 7 минут на входящую дверь. Через 10 минут начинает ерзать на стуле, чтобы уйти и не смотреть этот неудачный фильм. Костюмы бед-

ненькие, музыка слабая. Мужские роли достались очень некрасивым мужчинам. Интересно мнение писателя — как она пережила провал ремейка фильма? Или французский зритель менее разборчив, чем русский?

— Провал этого фильма моя мама восприняла с философией. Главным для нее было то, что теперь в кино появилось по крайней мере еще одно воплощение Анжелики, что при жизни она встретила новых исполнителей Анжелики и Жоффрея, дружелюбных, умных, которые говорили в средствах массовой информации об этих персонажах и произведениях с точностью и теплотой.

У «Графа Монте-Кристо» было множество экранизаций, хороших или плохих. Почему же Анжелике надо было навсегда ограничиться одними фильмами Б. Бордери, одной Мишель Мерсье?

Русские, знатоки истории и обычаев 17-го века, больше других замечали исторические и анахронические ошибки фильма и его недостатки. Но, как и во Франции, большинство зрителей не могли принять других главных актеров, кроме блистательной Мишель Мерсье и очаровательного Роберта Хоссейна. Тут уж ничего не поделаешь.

— Каждый писатель после выпуска очерка, статьи, рассказа, повести, романа чем-то остается недоволен. Например, сокращениями. Что именно претерпело сокращения в романах об Анжелике?

— Писатели недовольны тем, что опубликованное не является текстом, который они передали издателю, если последний позволил себе отредактировать его без их ведома.

В 1995 году Энн Голон обнаружила, что две книги («Анжелика в Квебеке» и «Дорога надежды») были усечены и изменены. Пример: многострочное описание неба заменено на «небо было разноцветным». На одной странице было более 20 изменений. Первые две книги также содержали некоторые изменения и удаления. Вот почему она решила восстановить свой первоначальный текст, дополнив новыми сочинениями. Например, развивая тему ведьмы Мелюзины, «чтобы воздать должное всем этим замученным женщинам», или брак короля, вдохновленный рассказом одного свидетеля того времени.

— Тема колдовства и магии часто поднимается в романах. Европа во времена действия романа как раз изобиловала «охотой на ведьм». Россия, напротив, уберегла ведьм, шаманизм, ведовство — по разным историческим причинам. Возможно, поэтому в России осталось много красивых женщин. Были ли архивные данные или факты действительно мистических моментов, ставших прототипами в романе?

— Да, действительно, Россия — единственная страна на христианском Западе, где, к счастью, не убивали тысячи женщин-мудрецов, целительниц, повивальных бабок, потому что они обладали сверхъестественными знаниями, о которых врачи не

ведали... А здесь быть одинокой, вдовой или незамужней, молодой или старой, или бедной — было опасно. Предполагалось, что одинокие и бедные женщины принесут несчастье и в результате будут изгнаны из деревень (это все еще существует сегодня в Африке и на Ближнем Востоке). Тех, кто выжил в дикой природе, обвиняли в колдовстве.

Охота на ведьм во Франции и других странах — Германии, Швейцарии и так далее — была ужасающей.

В начале саги об Анжелике моя мама не особенно интересовалась этой темой. Но персонаж ведьмы-целительницы Мелюзины, подруги детства Анжелики, появился у нее с первых страниц. Мелюзина, на самом деле, является ключевой фигурой серии романов «Анжелики». В ее жизни и смерти сосредоточено послание Анн Голон: вне религиозных законов существуют другие высшие духовные силы, взаимодействующие с природой, способные облегчить, исцелить, творить добро. А напротив — дьявольские силы разрушителей, мракобесия во имя ортодоксального бога отдельно взятой страны, от низших до высших слоев общества, с которыми всегда приходится бороться, чтобы предотвратить их победу (опасность, к сожалению, все еще очень актуальна).

Крестьяне убивают Мелюзину, полагая, что она похитила их детей. По той или иной причине она в любом случае была обречена на смерть, потому что поступала правильно. Энн Голон рассказала об этом в своей новой версии 2007 года.

— Случалась ли мистика в жизни и семье самой писательницы? Сопровождался ли процесс написания романа удивительными сверхъестественными моментами? Вещими снами? Или еще чем-то другим?

— Да. Особенно это касалось моего отца, который был свидетелем различных мистических явлений на протяжении всей своей жизни, с самого детства в Центральной Азии, Персии, а затем в Африке, Азии. У него было несколько предчувствий.

Моя мама была более приземленной, но знала, что все это существует.

У нее была вера в Бога, а не в Того, кого ей представили в детстве, цензора, мстителя, которому нужно было принести свои страдания. В пятнадцать лет она сказала своей матери «Ваш Бог не мой». Моя мать осознавала существование божественной силы ЛЮБВИ, которая не имела ничего общего с разъяснениями, написанными ограниченными людьми, пытавшимися навязать свои взгляды на добро и зло. Бог сопровождал ее всю жизнь.

И Мари. Она сама и ее старшая сестра родились благодаря чуду Лурда.

Моей маме снились несколько отрывков и диалогов Анжелики, иногда за несколько лет до того, как она создала книги, где они будут. Были и моменты вхождения в «пространство». Так в подробностях «увидела» она сцену бегства протестантов на забастовку в Ла-Рошели, преследуемую конными гвардейцами — в конце восстания Анжелики. Или долгий разговор с отцом Оргеваля, который она

записала на магнитофон, как только «проснулась».

И уж совершенно невероятным может показаться факт описанных ею места, атмосферы, персонажей, как, например, здание суда, которое мы действительно нашли примерно через 40 лет. Некоторые персонажи и сцены, как бы «выдуманные», оказались гораздо позже существующими — под другими именами или в другое время.

Но в целом, вся писательская работа происходила «нормально», исходя из воображения писателя, вдохновленного реальной жизнью и историческими фактами.

— Случалось ли в жизни Анн что-то смешное или, наоборот, страшное? И как она сама выходила из сложных жизненных ситуаций?

— Занятым может показаться факт, что писательница Анна много раз из самых трудных жизненных ситуаций, как и ее персонаж Анжелика, выходила с мужеством и решимостью. Она не была в гармонии с повседневными проблемами, которые отнимали много энергии (сантехник, который не приходит, администратор и так далее). Но в случае острой опасности у нее всегда была молниеносная реакция, идеально выводящая из ситуации.

Однажды во время войны, заподозренная в шпионаже и освобожденная после дневного заключения, она заставила себя вернуться в замок, в комнату для допросов, чтобы спросить, где ее велосипед. «Это была ло-

вушка. Если бы я скрылась без своего велосипеда, который в то время стоил дороже золота, они бы пришли к выводу, что совесть моя нечиста, и немедленно арестовали, на этот раз навсегда...»

Что касается длительных невзгод, она всегда держалась твердо. «Вперед!» — была фраза ее последних лет. Именно это я поместила в предисловие к изданию столетнего юбилея, которое выйдет во Франции: «Анн была капитаном, который держит курс на самые тяжелые штормы и тихие равнины, и однажды объявляет «Земля!» в тот момент, когда никто уже не верит в это. Вероятно, именно поэтому читатели всех возрастов и разных стран так часто говорили ей: «Вы спасли мне жизнь!»»

— «Дон Кихот» сыграл с Сервантесом злую шутку. В своем знаменитом романе классик высмеивал доброту. Но вместо язвительных, оскорбительных выпадов мир ответил любовью к «рыцарю печального образа». Ситуацию с «Анжеликой» тоже вело проведение! Небо! Европейская экранизация дала в фильмах очень плоско образ неукротимой, вольнолюбивой Анжелики, показав ее в одностороннем порядке — чувственной, элегантно в постели, красивой, заменив великолепный уникальный внутренний нравственный мир множеством постельных сцен. «Железный занавес» социализма» при существующей тогда цензуре показал зри-

телям киноленту только после того, как вырезал эти постельные сцены. На этот раз воля providения, шутка, которую сыграли с Анн Голон, оказалась доброй. Даже при такой урезанной экранизации вольнолюбивая, верная мужу Анжелика прошла сквозь сердца миллионов советских зрителей и полюбились им именно своим целомудрием, высокой нравственностью, исключительно-образцовой моралью! Метаморфозы кинематографа, экранизирующего писателя, всегда непредсказуемы. А что по этому поводу думала сама Анн?

— До 1995 года она ничего не знала ни о том, что происходит в России, ни о книгах, ни о фильмах. Российские фанаты рассказали нам об успехе фильмов примерно в 2000 году, после появления Интернета (в 1997 году).

Энн Голон была рада, что в этих фильмах сохранилось достаточно «живой книги», передалось пламя надежды и любви, которые они передали русскому народу...

— Хотела ли автор романов и ее муж русского происхождения создать хотя бы один том, где действие происходило бы в России?

— Нет. Это не входило в планы, которые Энн имела бы в отношении Анжелики. Она об этом не подумала.

В 17 веке территория была далекой, еще неизвестной страной, которая считалась дикой. Ни одна женщина не отправилась бы в это путе-

шествие. Отправиться одному в Средиземное море, кишашщее пиратами, было уже неплохо...

Есть отрывок, связанный с визитом в Версаль московской делегации. Кроме того, Серж Голон был не автором Анжелики и не соавтором, а сотрудником Анн в документации к первой книге и в поиске исторических документов, необходимых для Анжелики и Нового Света. Он также помог своими личными воспоминаниями, в том числе пережитыми в Персии, о послесловии или о неукротимости персонажа Анжелики, нравах и обычаях арабских стран. И, конечно, по научным и горнодобывающим темам.

Первая книга Анжелики вышла под именем Анн Голон в 1956 году в Германии.

Во Франции в 1957 году французские издатели потребовали «имени мужчины», чтобы, по их словам, сделать роман «более серьезным».

Мой отец был ученым, высококлассным ученым, первооткрывателем шахт. У него никогда не было звания писателя, но, будучи тогда безработным, он с интересом помогал моей маме в научных исследованиях. Он также увлекался историей, кроме того, стал художником в 1960 году, придумав цвета для моей мамы (которая все еще рисовала). Он посвятил себя своему искусству до своей смерти в 1972 году, оставив более 200 замечательных картин.

— Символ Анжелики — это успех! Успех потрясающий и великий! Как, по-вашему, что вну-

шал этот вызывающий успех образ Анжелики читателю? Журналистам? Литературным критикам? Политикам? Мужчинам? Женщинам? Как отзывались они об этом? Что доходило до ушей писателя? Восторг? Критика? Страх? Восхищение? Зависть?

— Вызывающий образ Анжелики? Нет. Читатели не увидели бы в нем ни одной провокационной картинки. Анжелика красива, что не значит «вызывающая». В таком случае все женщины таковы, потому что они — женщины...

Читатели сразу же согласились с тем, кем она была, читательницы признали себя в судьбе, в испытаниях Анжелики, общих для всех женщин.

Репортерам? Во Франции, начиная с первого фильма, журналисты почти 40 лет высмеивали и презирали книги и автора (конечно, не прочитав ни одной из них).

Начиная с 2000-х годов, журналисты нового поколения были другими — любопытными и уважительными. Энн Голон была рада пообщаться с ними, наконец-то поговорить об Анжелике, и они были удивлены, обнаружив этого ранее почти неизвестного автора: поскольку книги давно исчезли из книжных магазинов, Анжелика была всего лишь серией фильмов. В 1995 году юрист из Союза писателей сказал нам: «Признаюсь, для меня Анжелика — это был фильм». А один известный журналист выразился так: «Я встретил маркизу ангелов». Это было правдой.

Литературные критики? Во Франции, за исключением первых трех

серьезных статей в начале, официальная или маргинальная критика больше не упоминала об этом, говорить об Анжелике всерьез им было бы невозможно. У этих джентльменов был свой интеллектуальный статус, который нужно было поддерживать!

Один смелый критик осмелился защищать романы в 90-х годах (он их читал), когда фильмы снова показывали по телевизору.

Политики? Нет, ничего не говорили до 2010 года, когда министр культуры Фредерик Миттеран отдал ей должное, сделав ее офицером искусств и литературы. А после ее смерти мне написал посол Российской Федерации во Франции Александр Орлов, а также Президент Франции Эммануэль Макрон, который ответил мне 14 августа 2017 года.

— Планируете ли вы побывать в России?

— Приехать — конечно. Для большого ангельского гала-мероприятия, которое я хотела бы провести (или организовать) в честь столетия Анн Голон.

Чтобы позже — я надеюсь, в 2023 году — представить работы художника Сержа Голона, с целью встреч с возможными партнерами по одному или двум проектам «Angélique» в России.

— Что Анн Голон мечтала сделать и не успела?

— Закончить последнюю книгу Анжелики. И чтобы российские издате-

ли, продавшие без прав ее книги и обогатившиеся на этом, не вознеслись на небеса, пусть хотя бы часть ее авторских прав была бы предоставлена ей во имя чести России. Моя мама не хотела заканчивать жизнь на горе золота, но хотела иметь возможность помочь тем, кто нуждается. Она не могла этого сделать, но хотела, чтобы хотя бы мы, ее дети, это поняли.

— Кроме Анжелики, были ли у нее еще такие мощные произведения?

— Есть одна или две книги об Африке (одна из которых посвящена приключениям моего отца). Каждая из ее книг обладает особой силой. Все они передают его жизненную силу, его оптимизм, перенося нас в разные миры.

— А желания?

— Для планеты, животных, пчел... Пусть новые люди сумеют спасти ее от убийц.

Здоровье своих детей.

Осуществить большой ангельский проект в России.

Вернуться туда один раз на ангельское мероприятие и выставку картин Сержа Голона. Она была бы рада официальному признанию России, встрече с Президентом В. Путиным (которому она написала, но посредник, вероятно, не передал ее письмо).

Если бы она больше не страдала (от остеоартрита), ей бы хотелось иметь небольшой дом или квартиру и кусочек сада в последние годы жизни.

*Людмила
Менаже.
«Жофрей
де Пейрак»
(портрет
актера
Робера
Оссейна)*

Она хотела дожить до 100 лет, но не верила в это.

— Что бы вы пожелали читателям романа в России?

— Я отвечу словами Анн Голон, посланными русским читателям (по случаю посвящения): «Желаю вам удачи в любви».

— Можно ли получить любую книгу серии «Анжелика» с автографом Анны и Сержа Галон? Или ее фото с автографом?

— У нас их нет. Но я пришлю вам презент — роман «Анжелика и король» и несколько ее фотографий.

Хочу добавить к интервью также то, что в этой истории все необыкновенное. Произведения иногда достигают успеха задолго до смерти своего автора.

Надо полагать, что Анжелика должна была не только быть написана, но и встретиться с читателями, как спасительное средство, открытие, улуч-

шающее жизнь на планете. Моя мама была удовлетворена, как мастер, смотрящий на предмет, который только что создал: «Я хорошо выполнил свою работу».

Я заканчиваю тем, что доверяю вам молитву, которую написала моя мать в 25 лет:

«Боже мой, ты меня знаешь, и я верю, что дорога, по которой ты меня ведешь, правильна. Куда ты хочешь, чтобы я пошла, я пойду. Там, где ты захочешь меня удержать, я останусь. Я бросаю на эту бумагу слова. Если они тебе пригодятся, ты сможешь написать их большими буквами плакатов на экранах по всему миру. И если они мешают тебе, убери их, и мы больше не будем об этом говорить — пожалуйста, да не будет во мне ни тщеславия, ни самодовольства, ни тайной горечи.

Просто чтобы я следовала по твоей дороге». Симона Шанже, февраль 1947 год.

Вот кем была Анн Голон. □

Анатолий Крищенко

Юрий понимал, что тонизирующие волны его мироощущений, как человека и ученого, последнее время как-то меркли. Проблески былых озарений исчезали. Но ему, 27-летнему человеку, по-прежнему хотелось жить взлетами идей и чувствовать будоражащий изменчивый пульс времени. Ведь не раскрываемая и вечно дразнящая тайна относительных мгновений хоть частично приоткрылась физиком Эйнштейном. Но она тоже относительно оставалась загадкой, манящей и для физиков, и всей науки в целом. Эту загадку изучали в его закрытом НИИ, облачая свои идеи в сложные математические формулы. Они звучали, пели своими мелодиями; требовали, как всегда, новых вложений. Доказательства тормозились, забывались и снова возникали. Но вдруг эти вихри обновлений перестали будоражить темперамент ученого. Заземленная вековечная проблема быта совсем недавно ощутимо поменяла его легко ранимый характер. Скрытая вялость притупляла пылкий тонус ощущений: отстраненность от людей, погруженных в свои коммерческие сделки, накладывала отпечаток. Исчезло дразнящее чувство новизны. Хотелось куда-то бежать с Земли, как сбежала жена на иную планету. Но что-то сдерживало его здесь.

Он отдаленно догадывался, что туманный пессимизм последних недель был причиной отлета Анны на ближнюю планету Мечты. Жена ждала его, а он все тянул и тянул со своим решением. Неожиданно сегодня все почти решилось.

Сердито прикусив губу, Юрий раздраженно позвал своего двойника-робота:

— Гриша! Григорий.

Тот мгновенно возник перед ним и четко произнес:

— Слушаю вас.

— Ты, дорогой, уже связывался с «Космодромом мысли»? О новых ценах узнал? И о прочих деталях?

— Полная неопределенность, — виновато ответил робот. — Цены договорные, на месте. Там учитывают индивидуальность каждого пассажира. Лучше вам самому туда прибыть, в этот «Космодром мысли».

— М-да, — задумчиво проговорил Юрий.

Робот, кашлянув, тихо спросил:

— Значит, все-таки решились на полет?

— Решился, дорогой, решился, — смерил Юрий недобрый взглядом своего помощника, в котором вредности характера, как ему казалось, больше, чем запрограммировано. А вообще, может, и поэтому роботы-двойники часто бывали не только помощниками, но и соперниками людей. Телепатически прочитав мысли помощника, он продолжил: — Ну, сказывай, брат, свое мнение о моем решении.

— Оно, конечно, дело нужное, — вкрадчиво проговорил робот. — Супруга — ваша половинка родная. Она там, а вы здесь. Но Земля-то — мать тоже родная? Так я понимаю?

Юрий помолчал, а потом с выдохом изрек:

— Хитришь и опять лукавишь. И все же, дорогой двойничок, на Земле-матери, как ты только что выразился, нас, людей, стало меньше, чем вас, роботов-двойников. Семьи распадаются. Полетами. Земля пустеет.

— Это точно, — с гордостью подтвердил робот.

— Так это хорошо или плохо? — ехидно переспросил Юрий.

— По-разному, — уклончиво ответил Гриша. — По себе скажу: нам, вашим двойникам, жить на Земле, в общем, и не плохо...

— Потому что, — перебил его Юрий, — вас стало больше. А сила всегда на стороне большинства. Это аксиома вечности. Понял?

— Не всегда, — тихо возразил двойник. — Своим развитием вы, люди, почти убили божественную силу слова. Заменяли слово цифрой. И потому потеряли что-то главное, объединяющее людей. А без вещего слова Создателя, хозяин, Земля становится для вас, людей, холодной и не родной...

— А для вас?! — заорал Юрий, а про себя подумал: «Что-то я разбушевался сегодня».

— Для нас Земля всегда была и будет матерью.

— Вот и оставайся со своей матерью.

— Останусь. Вы же знаете, что мы, роботы, тоже чуточку гуляем по космосу. А потом обязательно возвращаемся. А вы, люди, не всегда. Но вы, хозяин, вернетесь. Все равно вернетесь домой.

— Чтобы стать твоим слугой?

— Может, даже и слугой, — ответил робот. — А может, и братом.

— Собирай вещи, брат, — уже миролюбиво приказал Юрий.

— Вещи давно собраны, — ответил робот.

— Тогда бывай. Где вещи?

— Вон в той сумке.

Юрий взял сумку и протянул руку Грише:

— Ну, прощай, двойничок.

— До скорого, — с улыбкой ответил робот.

— Почему до скорого?.

— Так предполагаю. Заложённая во мне телепатия предположений близка к совершенству искусственного интеллекта.

«Он иногда знает больше меня, — угрюмо подумал Юрий. — А жить с двойником, знающим больше хозяина, становится тяжело». Он махнул рукой и направился к двери.

Робот, улыбаясь, задумчиво проговорил ему вслед:

— Телепатия — великая наука. Свидимся, хозяин, — а потом услужливо добавил на прощание: — Воздушное такси вас поджидает.

Юрий молча кивнул, поблагодарив робота, и ушел.

В полукруглом салоне воздушного такси, рассчитанном на десять человек, было пусто. Усевшись рядом с окошком, чтобы обзор был лучше, учёный приказал пилоту:

— В «Космодром мысли».

Такси плавно и бесшумно пролетало чуть выше домов. Пассажир рассматривал, как по опустевшим улицам мелькали собаки с ошейниками, да изредка с особой важностью прошмыгивали шустрые кошки. Лошади, ослики и другая живность уже давно проживали в зоопарках.

Взглянув через голографическое окно (оно могло по изменчивости неба светиться и в хмурую погоду или сверкать голубизной), он неожиданно услышал по микрочипу с песчинку, вшитому в правое виске головы, родной голос жены с ближайшего космоса:

— Але, але, ты меня слышишь, землянин?

— Да, да, — радостно прокричал Юрий, наслаждаясь лукаво-певучим голосом. В словах Анны звучала узнаваемая женская мелодика. Ассоциативно знакомая логика размышлений любимой женщины.

— Ты как, скучаешь или забываешь? — кокетливо спросила она. — Я жду, дорогой. Поторапливайся. Не будь последним Робинзоном. Я твоя и Пятница, и суббота, и воскресенье. На Земле-то вас мало осталось, человек. А ваши двойники-роботы становятся не слугами, а хозяевами.

— Увы, ты права, — согласился Юрий. — Я со всеми своими сбережениями подлетаю к «Космодрому мысли». Слышал, он считается шедевром полетов, но сказочно дорогой.

— Зато надёжный, — отозвалась Анна. — Работает почти безаварийно через астрал мысли. И ему не страшны никакие космические бури. Вот

так. Что молчишь, землянин? Я же по-космически скучаю. Слышишь, скучаю! Понял, господин ученый?

— А я по-земному тоскую, — тут же отреагировал Юрий и живо произнес: — Прилечу, жди. Если не хватит денег, придется лететь на обычной космической ракете. Она хоть и передвигается со скоростью света, — со вздохом добавил он, — но все же это космическая черепаха. Я вот что хотел спросить...

Но тут связь, как часто бывает, оборвалась. «От такого недешевого сервиса космоса только настроение портится, — с огорчением подумал Юрий. — Да, мы улетим в космос, но останемся ли мы людьми, теми, кого сотворил Создатель? Интеллект человека уже полукосмический».

Воздушное такси плавно село на своей стоянке.

Перед ученым высилось сказочное здание, подобное космическому кораблю. Когда он вплотную приблизился к огромной позолоченной двери, она плавно исчезла. В большом высоком зале со стен и потолка подмигивали зовущие луны и солнца, знакомые и незнакомые планеты.

Неожиданно прямо из воздуха перед Юрием возник симпатичный молодой человек чуть выше среднего роста. Одет он был, казалось, в обычный костюм, но ткань одежды волшебным образом притягивала. В ней при каждом движении вспыхивали светлячки-искорки.

Поклонившись, гид-робот произнес:

— Прошу в «Космодром мысли». Будьте нашим гостем, а, может быть, и пассажиром. Ваша душа желает полета в ближайший космос к супруге. Планета та небольшая, зовется Мечтой...

— Знаю. Но ответьте, там собаки и кошки проживают тоже? И рекламы бушуют, как у нас?

— Погодите, — перебил робот, вдруг став строго корректным, — всякая информация от нас конфиденциальна. И уясните, что земные телепатические чипы здесь не работают.

От стены исходил незнакомый серебристый блеск. Видимо, это был какой-то голографический спектр, излучающий тон проникновения. Что-то маняще-привлекательное, расслабляющее и почти волшебное исходило от гранита стены.

«А что, — подумал Юрий в тот момент, — весь космос и есть волшебство Создателя.

— Вот, — сказал гид-робот, подведя его к стене, — с этого кристалла начнем ваше испытание. Прежде — оно, а затем, может быть, и полет...

Он еще что-то говорил о тщеславии и самолюбии людей Земли. Слова хоть и входили в сознание ученого, но теряли привычный эквивалент смысла в какой-то зыбке уходящих понятий.

Прямо со стен и потолка глядело звездное небо, а сами светила, как в полузабытом детстве, казалось ему, подмигивали и двигались, жили и плясали.

Гид-робот, чтобы обозначиться, деликатно кашлянув, произнес:

— Ваше потрясение — это естественная реакция. Человек пока удивляется — значит, живет. Вот первый мраморный кристалл опроса. Вы будете отвечать на вопросы, предварительно заплатив за время.

Из стены выскочил позолоченный ценник. Взглянув бегло на него, Юрий изумленно заметил:

— О! Ваши цены... Они убьют даже слона. Здесь нет даже сотен, а тысячи и миллионы за секунды и минуты.

— Космос был, будет и остается дорогим для землян, — сухо отреагировал гид. — Это не экскурсия и не путешествие. Это ваши вехи судьбы.

— Что-то эти вехи дороже судьбы, — тихо пробубнил Юрий. — Ну, ладно. Я готов.

Из стены выскочил микрофончик в виде ромашки. Шевеля лепестками, он спросил:

— Кто для вас являются настоящими врагами: скрытые завистники или открытые недоброжелатели?

— Конечно, скрытые недоброжелатели, — быстро выдохнул Юрий, помня о бешеных ценах на время.

— А вы кому-нибудь завидовали? — спросил робот.

Гневно взглянув на него, Юрий чуть растерянно отметил про себя: «Как я устал от этих роботов. Если сбежать с Земли, это значит, планету подарить им. Нет, я не готов к такому подарку! Останусь здесь. Люди еще есть на Земле! Хотя и в меньшем количестве. Надо оставаться здесь и оставаться человеком. А искусственный интеллект, он как искусственный хлеб. Человеку нужен колос мысли на зернах раздумий. Да, я остаюсь здесь!»

— Вам повторить вопрос? — спросила «ромашка»-робот.

— Не надо, я помню. Завидую, может быть, только отчасти... великому Эйнштейну.

И вдруг из высоты Млечного созвездия появился портрет великого физика. Неожиданно для Юрия портрет ожил, и он сам в облике человека возник рядом. Кивнув ученому, как старому знакомому, Эйнштейн с хрипотцой в голосе заговорил:

— Вы, кажется, не проходите тестовые вопросы личного содержания. Я бы тоже навряд ли прошел. Потому что завистники, открытые и скрытые недоброжелатели были, есть и будут. — Махнув рукой, он добавил: — Они, по-моему, у сильной личности только рыхлят сознание и зажигают невидимые и видимые проблески идей.

Юрий вдруг вспомнил: по Эйнштейну получалось, что время движется в каком-то трагико-комедийном ключе изменений. Сам ученый с насмешкой говорил о своей теории относительности: «Модуль вектора, выражающий силу идей, пропорционален косинусу угла между ним и направлением, результирующей, макроскопической линии познания».

Юрий напомнил физику этот парадокс и тихо спросил:

— Значит, микроскопическая струйка познаний — это и есть часть вашей теории относительности?

— Вы правильно меня поняли, коллега, — мгновенно откликнулся Эйнштейн. — Но в вашей правильности мелькнула тоже микроскопическая вспышка познания. И позвольте сделать вам комплимент. Вы правильно решили остаться на Земле, чтобы не стать космической пылинкой. Земля идеи держит и почти всегда воплощает их в жизнь. Человек должен не превращаться в робота, а оставаться создателем...

— А зачем, простите, вы прибили подкову на двери своего кабинета? Вы же неверующий, — неожиданно спросил Юрий и смутился, посчитав свой вопрос неуместным.

— А подкова коня, молодой человек, охраняет, по моей теории относительности, верующих и неверующих, — ответил Эйнштейн и, глянув на лицо Юрия, захохотал и исчез.

Юрий раскрыл «похудевший» кошелек и сердито подумал: «Да этот "Космодром мысли" похлеще любого казино».

Словно судебный приговор прозвучали слова:

— Вы не прошли испытание. Не отчаивайтесь. Приходите. Космос вас ждет.

— Не приду, — твердо возразил Юрий. — На Земле много дел. И хотя эзотерик Циолковский чуть приоткрыл врата космоса, я останусь здесь. Земля-то для нас тоже неразгаданный космос.

Косые лучи имитирующего солнечного лика тепло, по-земному плясали на стенах зала, пока он шел к выходу. А в душе было какое-то странное ощущение почти утраченной новизны.

Юрию явственно слышались звуки узнаваемых мелодий. Музыка великих композиторов еще живой планеты гармонично проникала в его существо. Жизнь продолжалась. Молодой ученый твердо надеялся на возвращение жены. Его надежда подкреплялась репликой из одного их разговора:

— Если ты не прилетишь, то мне здесь нечего делать. В космосе человек тоже одинок, как и на Земле, без любимого.

Он надеялся, что Анна вернется.

А на Земле происходили такие события, что их нельзя даже называть фантастическими, потому что фантастика меркла перед сказочной бытностью XXII века... □

Дмитрий Зелов

МАГИЯ фарфора

Фото автора

Императорский фарфоровый завод — первое в России предприятие по производству и художественной росписи фарфора. Основанное еще в 1744 году в Санкт-Петербурге,

на глухой окраине тогдашней российской столицы, в правление императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761), оно успешно функционирует по своему прямому назначе-

нию до сих пор, отметив несколько лет назад свой 275-летний юбилей.

Предтечей Императорского фарфорового завода была Невская порцелиновая мануфактура, располагавшаяся в непосредственной близости от главной реки столичного града, ибо производство первого русского фарфора требовало постоянного источника воды. Ныне полностью вышедшее из оборота, слово «порцелин» («porcelain») обозначало в XVIII веке ровно то же самое, что и сейчас — фарфор. Это было заимствование из модных и распространенных тогда при российском дворе европейских языков, в первую очередь, французского. Но, в итоге, у нас прижилась калька с арабского, ибо там «porcelain» — это «fagfur».

Вскоре вокруг завода выросла целая Фарфоровая слобода из трудившихся на ней работников. В городской топонимике северной столицы до сих пор сохранились названия, отсылающие нас к тому времени: станция «Фарфоровская» Октябрьской железной дороги, Фарфоровская улица. Это был свой, обособленный мир работников завода, трудившихся над созданием уникальных произведений из керамики, непроницаемых для воды и газа, просвечивающих в тонком слое и издававших при легком ударе деревянной палочкой высокий чистый звук, который ни с чем нельзя было спутать.

Как и при любом поселении, у заводских работников была своя, Свято-Духовская церковь. Выстроенная

в 1902–1912 годах по проекту академика архитектуры Александра Красовского, она обладала уникальным фарфоровым иконостасом. Увы, в советское время этот храм постигла печальная участь тысяч церквей, и фарфоровый иконостас остался только на архивных снимках и рисунках. Впрочем, в наше время возник проект возрождения храма с его необычным иконостасом — остается надеяться и верить, что этот необходимый для предприятия, города и страны проект будет осуществлен.

В советское время слово «императорский» в названии завода было по понятным причинам убрано с глаз долой. Уникальное предприятие с 1925 года было названо в честь национального гения-самородка Михаила Ломоносова. А заводское клеймо-аббревиатура — ЛФЗ — стало широко известно не только в России, но и за рубежом, равно как и фирменный стиль ЛФЗ — бело-синяя «кобальтовая сетка». Даже открытая в 1970 году по соседству с заводом станция ленинградского метро получила название «Ломоносовская».

И хотя роль Михаила Васильевича в истории отечественной науки и культуры огромна, секрет фарфора, который конкуренты России хранили от нашей страны в строжайшей тайне за семью замками, был разгадан не Ломоносовым, а его другом и однокашником по Заиконоспасской школе Славяно-Греко-Латинской академии Дмитрием Виногра-

довым. Ведь фарфор был предметом роскоши, и не зря его называли «белым золотом». Русская аристократия платила баснословные деньги за тонкую, изящную фарфоровую посуду, вазы и статуэтки, привози-

мые в Россию из Поднебесной и Западной Европы.

Кстати, в течение всего восемнадцатого столетия неукоснительно действовал принцип, установленный императрицей Елизаветой Петровной: глины для производства фарфора должны были быть исключительно «из земли Российской». Штат «порцелиновой мануфактуры» первоначально состоял из восьми рабочих, присланных с кирпичных заводов, и двух рабочих с подмосковного фаянсового завода. Затем, по мере расширения производства, последовательно увеличивалось и количество работавших на мануфактуре.

В результате многочисленных опытов в 1747–1748 годах Дмитрий Виноградов, получивший блестящее образование в Европе (он обучался у лучших химиков своего времени), сумел добиться своей цели — он создал «достаточно белый и прозрачный фарфор с глазурью, не отстающей от массы».

Виноградов самостоятельно разрабатывал рецептуры фарфоровых масс, глазурей и красок по фарфору, искал сырье, налаживал его добычу, очистку и доставку, проектировал обжиговые печи и вел испытания различных сортов топлива, исследовал режимы обжига. Причем постиг тайну производства белого золота исключительно сам: выкрасть или купить секрет у немцев ему не удалось, а приставленный к нему по возвращении в Россию якобы ученый немец из Тюрингии, «мастер фарфорового дела» Христофор Конрад Гунгер на поверку оказался шарлатаном. Как записал позднее в дневнике изобретатель русского фарфора: «Не было такого человека, который бы мне лучшее показать или присоветовать мог».

Уже в 1749 году на «порцелиновой мануфактуре» была сделана первая российская фарфоровая чашка. Спустя всего пару лет, в 1750-1751 годах в Санкт-Петербурге было налажено производство первых табакерок и мелкой посуды из фарфора. В 1751 году такая фарфоровая табакерка была преподнесена российской императрице. Именно изящные и миниатюрные табакерки стали первым видом продукции Императорского фарфорового завода, производившимися массово на продажу. Это было связано с тем, что первоначально фарфоровые изделия больших размеров выходили менее удачными. Масштаб производства вскоре был таким, что для росписи табакерок стали привлекать даже учеников Императорской академии художеств. С 1756 года, когда Виноградову удалось построить большой горн, начали изготавливать уже более крупные предметы.

Сохранились самые первые образцы отечественного фарфора, созданные непосредственно Виноградовым — мастер клеймил их первой буквой своей фамилии — W и годом выпуска изделия. Всего девять штук, и каждая из них

обладает огромной ценностью. Конечно, на современный тонкий и изысканный вкус эти фарфоровые первенцы (а увидеть их можно в крупнейшем музее страны — Эрмитаже) могут показаться совсем простоватыми и непритязательными, но именно они открыли путь русскому фарфору к широкому внутреннему спросу и мировой славе.

Среди огромного количества фарфоровой коллекции музея-усадьбы «Кусково» (более чем 26 тысяч!) есть один неброский экспонат середины XVIII века — небольшой округлый белый ставок (так в ту далекую эпоху называли конфетницы) в виде плода китайского персика с крышечкой, украшенной лепными цветами и листьями. Его ценность в том, что это самая ранняя из датированных работ Дмитрия Виноградова (1748). Благодаря ему был создан и первый большой фарфоровый ансамбль — столовый и десертный сервиз для Елизаветы Петровны, получивший название «Собственный».

Однако личная судьба русского химика оказалась поистине драматична — несмотря на яркий талант и выдающиеся способности, Виноградов обладал буйным и невоздержанным нравом, и... не дожидаясь даже до сорока, покинув сей мир в 1758 году. Еще в юности он пристрастился к горячительным напиткам, а на фарфоровом заводе работал в крайне тяжелых для пси-

хики условиях — прикованным, словно дикий зверь, к стене цепью. Заводское начальство обращалось с изобретателем русского фарфора грубо и бесцеремонно. Именно в таких условиях им был написан уникальный теоретический труд: «Обстоятельное описание чистого порцелина, как оной в России при Санкт-Петербурге делается, купно с показанием всех тому принадлежащих работ». Этот трактат, сохранившийся, кстати, не в полном объеме, стал первой в Европе теоретической работой в области керамики.

Гнетущая атмосфера, отсутствие верных друзей и семьи — все эти обстоятельства активно способствовали раннему уходу Виноградова в мир иной. Незадолго до кончины он сделал надпись на латыни в своем дневнике: «Ныне меня угнетает тяжесть трудов понесенных. Краткая младость прошла, рано я стал стариком». В память об уникальном русском химике, в 2020 году, в 300-летний юбилей со дня рождения Дмитрия Виноградова,

Банк России выпустил памятную серебряную монету номиналом в 2 рубля из серии «Выдающиеся личности России».

...В наши дни в здании Императорского фарфорового завода, помимо собственно производственных помещений, разместился филиал Государственного Эрмитажа, в коллекции которого представлены многие уникальные предметы из фарфора, созданные умелыми руками отечественных мастеров. А фирменные заводские магазины (первый из них был открыт в столичном Санкт-Петербурге еще в 1800 году) имеются не только в городе на Неве, но и во многих российских городах. Бережное использование лучших достижений прошлого, непрерывность в развитии и постоянное творческое переосмысление и обновление национальных традиций художественного творчества — вот те отличительные качества, которые характеризуют петербургскую школу производства фарфора.

В веке двадцать первом возврат к истокам произошел не только в названии (Императорский фарфоровый завод), но и в клейме завода. Теперь в нем появилась надпись Imperial Porcelain, обозначающая императорский фарфор (впрочем, ее можно перевести и как величественный), двуглавый орел со скипетром и державой, год основания завода (1744) и город, в котором он находится.

Лучшие изделия Императорского фарфорового завода, реализующего в наши дни свою продукцию под маркой ИФЗ, представлены в крупнейших российских и зарубежных музеях. И, несмотря на то, что цены на заводскую продукцию отнюдь не маленькие (а завод за последние полтора десятилетия ориентируется на выпуск высокохудожественных авторских произведений класса «люкс» под брендом «Императорский фарфор»), покупатели не переводятся: стабильно высокий спрос на оригинальные, изящные и красивые вещицы был, есть и, надеемся, будет. □

Иван Переверзин

Афоризмы

Для того, чтобы служить своим детям примером, семью необходимо строить на любви и вере.

Семейная жизнь только тогда приносит счастье, когда супруги исполнены друг к другу участием.

Счастье свое потерять никогда ни поздно, а вот найти его можно лишь с помощью звездной.

Пройти по местам солнечного детства — все равно, что принять животворное средство.

Как правило, из отличников выходят хорошие исполнители, а из троечников — успешные командиры и руководители!

Только любовь дарует человеку животворные крылья, которые всегда спасут его от безысходности и бессилья.

Что мне ни говори о нашей жизни впредь, в ней лишней бывает только смерть.

В старости счастье редко встречается, а вот горе, как банный лист, прицепляется.

Любовь, которая в молодости казалась бесконечной, на склоне лет проносится горною речкой.

Обреченному до конца жизни страдать, как никому, дано счастье понимать.

Каждый, идущий у эмоций на поводу, рано или поздно, но попадет в беду.

С возрастом меняются не только взгляды и интересы, но и желание идти в ногу с прогрессом!

Употребляя в разговоре глагол «будет», себя ни к чему не обязывают люди!

У каждого человека здоровье имеет возраст свой, после которого жизнь оборачивается бедой!

Гениальный писатель лишь тогда умирает, когда все, что ему дано свыше, исполняет!

Потому становится невыносимой судьба, что жена себя любит больше, чем тебя!

Хотя первая любовь часто терпит крушение, сама жизнь не теряет рассветного значенья!

Надо сказать, что животные в жизни сей ведут себя благородней многих людей!

Конечно, лучше совсем облысеть, чем хоть немного умом оскудеть!

Как бы порой душу ни одолевала злая тоска, не смей свою жизнь принимать за врага!

Когда товарищ поступает подобно алчному ворону, надо не рвать с ним, а молча уходить в сторону!

До тех пор, пока сильно любишь, и своего врага прощать будешь!

Отношение к собакам, словно лакмусовая бумажка определяет, как сильно твоей душой злость или добро управляет!

Как бы человек ни был сильно грешен, хотя бы надеждой он будет утешен!

Все, направленные против России проамериканские потуги совершаются Западом, словно в сильном перепуге!

Некоторые мечты рождаются не для осуществления, а для поддержания в душе живого вдохновения!

Многие решения, принятые впопыхах, в конце концов терпят тяжкий крах!

Мир земной в основном влачит жалкое существование потому, что многие из нас пытаются выживать в нем по одному!

Даже самые теплые душевные отношения имеют свойство неотвратимого вырождения!

Если хочешь с женщиной счастье рассветное знать, то многие из ее упреков не смей всерьез принимать!

Лучше любого лекарственного снотворного — это наличие в душе покойная благотворного!

Потому гении, как правило, люди с тяжелым, даже несносным характером, что они от природы мощью духа сравнимы с пылающим кратером!

Обладать любимой и единственной женщиной — все равно, что писать роман, небом завещанный!

Только в тяжелой борьбе за свою жизнь, может, тебе и поверит небесная высь!

Если любовь не приносит заветное счастье, значит, душа не раскрыта ей настезь!

Самолюбие, скорее всего, обернется горем, поэтому надо рубить его под самый корень!

Женская ревность, особенно под осень, возможную соперницу на дух не выносит!

Любая власть, держащаяся на страхе и штыках, рано или поздно разваливается в прах!

Если хочешь в браке быть счастливым вполне, как можно чаще в любви признавайся жене!

Бессмысленно надеяться на счастье, если горе, как обложное ненастье!

Власть исключительно держится на долготерпении народном и при этом еще себя чувствует вполне свободной.

По высшей мере женщина в этой жизни неподсудна потому, что верно понять мотивы ее мыслей и действий не дано никому!

Все, свершаемое на свете по самой судьбе, исключительно верно и не подвластно тебе!

Время нас делает не столько мудрее, сколько старше, и сознавать это все тяжелее.

Человеческая алчность, не знающая предела, в конце концов остается без денег и дела!

В старости счастье редко встречается, а вот горе, как банный лист, прицепляется.

Сильным вино в радость, слабым в
большое горе, а трезвенникам в грех.

Каждое утро, а может, и весь день,
человек, в общем-то, побеждает не
себя, а свою лень.

Страх усиливает жизнь, а отсут-
ствие страха — ускоряет смерть.

Счастлив не тот, кто смеется по-
следним, а кто никогда не плачет.

Любить и не простить — счастьем
изменить.

Наконец-то он увидел смысл сча-
стья в том, что сполна жить надо
сегодня, а не потом.

Жизнь неуклонно движется к свое-
му устью, потому все крепче дружу
с грустью.

Чем глубже нашей старости река,
тем и безрыбнее она наверняка.

Говорят, не в радость жизнь на
склоне лет. Для слабых здоровьем
да, а для сильных духом — нет!

Работаю, как могу, люблю, как
умею, поэтому и не грущу, что оди-
ноко старею.

Друзей не находят и не встречают!
Их Господь навек посылает!

Настоящие друзья чаще всего встре-
чаются в юности далекой, потому и
беречь их надо, как зеницу ока.

Настоящий друг не клянется в вер-
ности, а за тебя стеной стоит в по-
вседневности!

Еще никто из простых людей, как
бы ни хотел, от вложения своих де-
нег в банк не разбогател.

Художник пишет жизнь на холсте
кистью, а поэт в стихах образной
мыслью.

Одни служат искусству, другие его
упрямо творят, ведь те и другие ви-
деть жизнь красивой хотят.

Человеческая память глубже любо-
го колодца, влаги в ней столько, что
все человечество напьется.

Какие бы в спорте ни происходили
перемены, проигрывают тренеры, а
не спортсмены.

Прежде чем триумфально выигры-
вать, надо научиться с достоин-
ством проигрывать.

Без объединяющей национальной идеи при любом режиме хорошо живут одни прохиндеи.

Нас бьют под самый дых на глазах всего света, а мы, поджав хвосты, лишь меж собой осуждаем это.

Пока полным-полна надеждами душа, не страшно, что в кармане ни гроша.

Чем раньше начнешь думать о спасении души своей, тем жизнь проживешь достойнее и верней.

Есть в женщине такая глубокая нежность, что снимает с души любую мятежность.

Знаю по своему опыту, а не по чьим-то слухам, что всегда лучше быть слабым телом, чем духом.

Судьбу вовек нельзя предугадать, ее можно лишь достойно принять.

Все созданное разумом принадлежит вечности, и так будет идти до бесконечности.

Если в горе время тянется, словно тугая резина, то в счастье оно летит, как гоночная машина.

Открывая сердце женщине, закрываешь душу Богу.

В женской слабости столько силы, что ей поклоняются мужчины!

Сколько с душой ни живи, она не поумнеет от любви.

В нашей жизни многое проходит по касательной, только любовь через сердце обязательно!

Если женщина в первую очередь движима желанием продолжения рода, то мужчина — сохранением как можно дольше личной свободы.

В женщине много значат заботливость и красота, а в мужчине — надежность, щедрость и доброта.

Любовь не ищут, за ней не бегают до упада, она сама приходит тогда, когда надо.

Мужчины, не обижайте женщин родных, ведь вы пропадете без живого тепла их!

Жизнь можно считать чуть ли не пропащей, если не встретишь любви настоящей.

Когда любишь так, что готов лететь к облакам, не задумываешься: а любим ли ты сам.

Никогда не считай себя умнее других, особенно если ничего не знаешь о них.

Потерпеть в одном бою неудачу для всего сражения ничего не значит.

Каждое слово, сказанное в сердцах, говорит о том, что на душе страх.

Чтобы в будущем своего прошлого не бояться, надо в настоящем человеком, что бы ни случилось, оставаться.

Прежде чем вражеский вызов принять, убедись в том, что можешь за себя постоять.

Говорят, человек желает, но Бог располагает, да только смерть все отменяет.

Люди сходятся, чтоб жить вместе, но умирают, как чужие, врозь.

Жизнь потому кажется быстрой как свет, что у тебя думать об этом времени нет.

Жизнь человеческая бесценна, как вечное вино, что проводить на ней эксперименты непростительно грешно.

Хороша семейная гавань, когда в ней покой и благодать, еще бы научиться в нее как можно чаще заплывать...

Увлечения не только делают жизнь интересной, но со временем могут стать и судьбою небесной.

Если что-то очень важное память вдруг забывает, то оно однажды во сне обязательно всплывает!

Русский лентяй больно падок на калачи, особенно которые сами пекутся в печи.

У того, кто на этом свете передвигается пешком, может быть надежда походить еще и на том...

Чем меньше человек общается с окружающей природой, тем больше он становится духовным уродом!

Чем мутней речная вода, тем в ней полней невода!

Вино себе на радость те употребляют,
кто от него рассудок зело не теряют!

Наша жизнь — это один сплошной
жизненный недуг, то сильный, то
слабый, причем, чаще всего вдруг.

Бесмысленно бороться за любовь,
которая ревностью отравляет кровь!

Невозможно понять друг друга да-
же любя, если каждый слышит толь-
ко себя!

Ненависть, как огонь, выжигает до-
тла все, что душа в любви и счастье
нажила.

Еще никому одиночество не облегчи-
ло душевные боли, особенно если
в нем оказываются не по своей воле!

Когда товарищ вдруг становится ху-
же врага, то душа болит так, словно
ее разит острога!

Несмотря на то, что все хуже живем
в сгущающемся мраке, находятся
люди, которым одинаково дорог че-
ловек и собака!

Любовь, может быть, и спасла бы
мир в итоге, но ненависть присуща
от века очень многим!

Крайне обостренное чувство жен-
ского эгоизма может привести
к психическому заболеванию орга-
низма!

Глубоко не уважать женщину, родив-
шую тебе детей, значит быть идиотом
до мозга костей!

Хотя мудрость формируется жизнью
всею, быть стариком не значит об-
ладать ею!

Страсть не только ослепляет, но и
лишает рассудка, поэтому она по-
рой и заканчивается жутко!

Не бурная страсть, а глубокая лю-
бовь является той опорой, с кото-
рой не страшны никакие невзгоды
и ссоры!

Любовь, рождающая счастливую
жизнь, бессмертна, как время опере-
дившая мысль!

Думай — не думай, нервно ходя
вперед-назад, но зло изменив тебе,
я рай поменял на ад!

Жалко каждую живую бездомную
тварь, особенно когда на улице мо-
розный январь!

Как ни сильна любовь, вскормленная душой, она заметно слабеет от ревности злой!

У родителей, которые учат своих детей бить кошек и собак, если не с душой, то с головой точно что-то не так.

Предположение — не очень сложная тема, насколько она верна, легко покажет время!

Чем сильнее самолюбие, тем глубже и острее обида даже на то, что должно быть навек позабыто!

Надо постараться умереть тихо, лучше всего в глубоком сне, словно осыпавшаяся гречиха склоняясь стеблем к стерне!

Достаточно с человеком поговорить как бы ни о чем, чтобы верно понять, каким он обладает умом!

Чем навек невыносимей жизненная круговерть, тем смелей ходящая за тобой по пятам смерть!

Оказывается можно внешне выглядеть долго-долго молодым, но однажды проснуться сморщенным совершенно седым!

Какие картины, какие романы, какие романсы, когда на уме у мировых воротил одни финансы!

Никому из нас на этой земной тверди жизнь не понять без острого чувства смерти.

Несмотря на то, что мы все заложники денег своих, надо как можно чаще обходиться без них!

Если бы мы с детства знали, как правильно надо питаться и жить, то и в глубокой старости не надо было никакие лекарства пить!

Проще всего безвольно идти на поводу у недомогания, только с этим не исполнишь ни одного своего желания!

Чтобы жизнь продолжалась в высокой степени азарта, только в крайнем случае откладывай сон на завтра!

Одиночество поюде тебе никто вовек не сможет помочь!

Когда нет границы между добром и злом, жизнь становится трудней каждым днем! □

МНЕМОЗИНА

Мнемозина — в древнегреческой мифологии богиня, олицетворявшая память, мать всех муз. Она знает все, что было, все, что есть, и все, что будет.

Прижимая к раскалывающейся голове ладонь, он говорит себе: «Я смогу», а затем делает шаг, всего один крохотный шаг в сторону дверей. Боль ударяет в раскрытую ладонь оглушительной пульсацией, выплескиваясь в нее багровыми каплями. Кровь, вязкая, как вишневое варенье, падает на бежевый ковер и мгновенно впитывается в высокий ворс, делая его грязным. С трудом переставляя ноги, мужчина делает еще пару шагов, всхлипывая от чудовищного гула в висках, спотыкается о перевернутый стул и падает на пол с хриплым криком, разбросав руки в стороны. Затуманивающийся взор видит только уходящий в бесконечность пол, да валяющуюся молочную бутылку, набитую белыми бабочками. Левый глаз вообще не видит ничего, кроме красного марева. Левая рука болтается плетью. На правой ноют разбитые пальцы.

Еще слишком рано, и солнце только-только встает, проникая сквозь стекла. Ему ничего не препятствует. Занавески сорваны и валяются на полу неаккуратной кучей. Прямоугольник света на обоях наливается оранжевым, становясь более четким. Оконная рама походит на надгробный крест.

Кровь продолжает течь из разбитой головы мужчины, и рукав его не слишком чистой футболки уже почти черный. Сквозняк струится по полу и колышет волосы мертвой жены и мертвого сына, отчего кажется, будто

они просто прилегли в багровые лужи. Мужчина вслепую шарит рукой и тратит остатки сил, чтобы открыть входную дверь, а, открыв, вываливается в подъезд. Кровь течет на рыжий кафель, скапливаясь в швах между плитками. Он тянет руку к соседней двери, но не дотягивается, и без сил падает на холодный пол, глядя при этом правым, здоровым глазом, как в глубине квартиры шевелится чья-то тень. Смазанный силуэт движется к нему, небрежно перешагивая через тела. Бутылка с бабочками, попавшая под ноги, оказывается небрежно отброшенной в сторону. Отлетев, она врезается в стену и разбивается, и сухие трупики засыпают пол невесомыми белыми крылышками. Теряя сознание, мужчина инстинктивно отодвигается от приближающегося монстра, а когда бледное, изрытое красными оспинами лицо приближается вплотную, делает слабую попытку впиться в глаза убийцы ногтями... Но его жалкое усилие вызывает лишь презрительную усмешку, а затем нога, обутая в тяжелый ботинок, выбивает остатки сознания из головы. Падая в невесомость, мужчина, сквозь вспышки, улавливает воспоминание, как вместе с сыном бегал по лугу, ловил белых бабочек и, повинувшись внезапному порыву, набил ими старую советскую бутылку из-под молока, найденную тут же, а сын долго не мог оторваться, разглядывая сквозь толстое стекло, как трепещут их сломанные крылья.

Убийца перешагивает через поверженного хозяина, наступив ему на ладонь. Но мужчина на полу этого уже не чувствует. Утренняя тишина вдруг огрызается полицейскими сиренами, на стенах скачут синие и оранжевые блики от фонарей «скорой», окна многоэтажек открываются, являя заспанные физиономии зевак. А когда раздвигаются двери лифта, и на этаже оказываются сотрудники вневедомственной охраны и врачи, мужчина на полу вдруг открывает глаза.

Он выдерживает торопливый допрос, не отводя взгляда от двух тел на полу, и даже скупно описывает приметы преступника, ловя многозначительные переглядывания двух полицейских. Придерживая руками раскаляющуюся голову, что-то повторяет, уточняет, показывает, и кажется, что он почти спокоен. Но когда медики начинают ворочать тело его мертвой жены, и раздается треск отдираемой от пола кожи, присохшей от крови, мужчина начинает кричать.

Официантка, молодая девушка с усталым лицом, уже трижды подходила к столику, подливала кофе, забирала чашки и, кажется, мысленно желала, чтобы мы убрались как можно скорее, хотя работы на сегодня у нее было немного. В кафе кроме нас сидели всего четыре человека: парочка у окна, мужчина у барной стойки с кружкой пива в руке и эле-

гантная старушка в розовом костюме, с ниткой жемчуга на шее и прической «Шапокляк».

Уже битый час я слушал своего собеседника и мечтал, что он наконец-то что-то решит и уйдет, оставив меня в покое. Это был один из проблемных клиентов: неуверенный, дерганый, то и дело решающий поменять стратегию защиты и оттого доставляющий массу проблем. Мое терпение, как и время, было на исходе. Сегодня меня ждала еще одна встреча, сулившая куда больше перспектив, чем это унылое убожество с трясущимся от страха ртом.

— Почему мы не можем просто разойтись по-хорошему? — всхлипывал он. — Иван Андреевич, поймите, я не хочу, чтобы в суде копались в моей жизни. Я не выстою против отца, это невозможно. Он в два счета объявит меня невменяемым и упечет в психушку. Вы же знаете, он уже это делал.

Мне нужно было проявить немного сочувствия, которого я не испытывал, и потому я наклонился к собеседнику и проникновенно сказал:

— Игорь Сергеевич, мы можем остановить все в любой момент, если вы захотите. Но вы же понимаете, что на этом история не закончится? Остановиться сейчас — значит, проиграть. Если вы не доведете дело до суда, останетесь перед отцом совершенно беззащитным, и тогда вас уже ничего не спасет.

Он не отвечал, прерывисто дыша сквозь пальцы. Мне надоело церемониться. Да и до следующей встречи осталось всего полчаса.

— Кивните хотя бы, если поняли меня, — попросил я, и Игорь, тощий парень с нервным лицом, неуверенно кивнул. Я одобрительно улыбнулся.

Судьба Игоря Соколова была довольно непростой, и то, что этот измученный парень вообще отправился к адвокатам, было равносильно чуду. Его мать, довольно богатая дама, скорпостижно скончалась, не оставив завещания. Удивительным было то, что видная предпринимательница, держательница заводов, газет, пароходов, в спутники жизни выбрала истерического, суетливого интригана Сергея Соколова, руководителя регионального отделения движения «Русский крестовый поход». С Соколовым-старшим мне уже приходилось иметь дело, и каждый раз, выигрывая, я ощущал чувство гадливости. Свою жизнь так называемый общественный деятель Сергей Соколов посвятил попыткам что-то запретить: концерт, выставку, крестный ход. Протест против системы был смыслом его жизни, хотя официальные мероприятия Соколов старательно обходил стороной. После смерти жены, сдерживающей его аппетиты, он, получив доступ к капиталам, и вовсе распоясался. Теперь его акции стали более массовыми и проблемными. Одержимость Соколова не знала границ, а когда его единственному сыну исполнилось восемнадцать, он упек его в психушку, дабы тот не встал на

пути к состоянию. В больнице подкупленные врачи поставили Игорю диагноз «острое полиморфное расстройство без признаков шизофрении», накачали нейролептиками до состояния овоща и оставили гнить в одиночке.

Мне удалось вытащить Игоря из психушки, но в дальнейшем сочувствие и желание помочь несчастному парню испарилось из-за его неуверенности и слабости, а слабые люди, позволяющие пинать себя ногами в лицо, не вызвали у меня жалости. Стоя в зале суда перед его самодовольным папашей, я чувствовал восхитительную ярость, но после, выиграв первый процесс, Игорь испугался и решил сдать назад.

— Отец сказал, что, если я отзову иск, больше не станет вмешиваться в мою жизнь, — глухо сказал он, уставившись в грязную чашку, — и честно поделит наследство.

— Будет гораздо лучше, если границы ваших прав все-таки установит суд, — возразил я. — У нас нет оснований доверять честности вашего родителя, верно?

Игорь вздохнул и безжизненно прошелестел:

— Я просто хочу, чтобы все кончилось как можно скорее.

— Все кончится очень быстро, — успокоил я его и тут же добавил: — Если только вы будете действовать по плану.

Я расплатился и торопливо направился к машине, оставив Игоря сидеть за столом и продолжая анализировать ситуацию. Нырнув в салон и заводя двигатель, я вдруг мрачно предположил, что парень откажется от битвы, принеся себя в жертву.

За несколько дней до этой встречи я сидел в офисе, пристроившись на подоконнике, курил и думал об Игоре. Учитывая размер его состояния, охотников вести его дело в суде было немало, но он выбрал меня, и причина тому была одна: любой, кто не боялся вступить с Соколовым-старшим в бой, автоматически становился для него героем. Наша позиция была безупречна: незаконное удержание, что почти приравнивалось к похищению, растраты денежных средств, угрозы и шантаж. Единственное, что меня беспокоило, не струсит ли Игорь в последний момент. И, кажется, опасения оправдались. У меня не было уверенности, что перед заседанием он не заберет исковое заявление из суда. Беспокоиться об этом я не стал, так как сумел изолировать Игоря от отца до суда, и, если он не выйдет на контакт с ним сам, все будет хорошо. Я убедил его девушку, расчетливую, хитрую, готовую биться за наследство насмерть, что она должна оберегать «инфанта» от всяческих посягательств, и, кажется, она прониклась. И все же возможность, что Соколов доберется до сына раньше, все-таки была. Но удача уже отвернулась от него в тот день, когда перепуганный мальчишка, реши-

тельно выдвинув вялый подбородок, попросил у меня защиты, и я согласился.

Уже несколько месяцев подряд я старался загрузить себя работой по горло, засиживался допоздна и даже ночевал в жестком неудобном кресле, надеясь, что усталость возьмет свое. Но все бесполезно. Они продолжали приходить ко мне, и я не знал, где сон, а где реальность, просыпаясь от прикосновения холодных пальцев. Перед самым рассветом, в час, когда моя жена и мой сын умерли, сквозь тревожную дрему я слышу их тихие всхлипы и шепот, зовущий за собой. Я просыпаюсь, мои руки тянутся к ящичку стола с припрятанным ПМ, а в голове только одна мысль — это самый лучший, самый простой выход прекратить страдания и боль. И тогда я сползаю на пол, сжимаюсь в ком и вою, пока могу чувствовать и думать...

На встречу я опоздал на полчаса, но не очень переживал по этому поводу. Клиентов я предпочитаю встречать в конторе. Этот же настоял на визите в его дом, что мне не особо понравилось, отчего я, прежде чем ехать, навел справки. Учитывая недавние события в моей жизни, предосторожность была не лишней.

У входа меня встретил охранник, с бычьей шеей и суровым взглядом. Тщательно обыскав, он проводил меня до дверей дома, помпезного, роскошного, без всякого стиля, каждый кирпичик которого кричал: смотрите, здесь водятся деньги, и надавил на звонок.

Двери открылись, в проеме показалась женщина в черной униформе, с суровым лицом.

— Иван Стахов, — представился я. — Адвокат.

Женщина с усилием растянула губы, изображая улыбку, и открыла дверь шире, затем, пропустив меня внутрь, с легким поклоном пригласила следовать за ней. Я последовал, попутно оглядываясь по сторонам. Обилие позолоты, мраморные херувимы, красные ковры, хрустальные люстры с искрящимися подвесками, картины на стенах, в основном средневековых авторов — словом, не дом, а Эрмитаж.

Пятидесятилетний бизнесмен Рокотов вынырнул в девяностые, и, как водится, его прошлое было темным. Позже Олег Юрьевич остепенился, пару раз проскочил в депутаты, а затем неожиданно оказался на телевидении, сначала в качестве телеведущего, затем продюсера, постепенно прибрав к рукам пару телеканалов, на которых появлялся с завидным постоянством. Личная жизнь Рокотова редко оказывалась под пристальным вниманием прессы. Пятнадцать лет назад отчаянно молодившийся Рокотов женился второй раз. Супруга охотно посещала светские рауты, но ни в чем предосудительном замечена не была. Пара воспитывала дочь от первого брака,

ни разу не попадавшую в скандальные истории. Точнее, не попадавшую до последних дней. Недавно Ксения Рокотова трагически погибла, то ли выбросившись, то ли выпав из окна своей квартиры. И я нисколько не сомневался, что Рокотов, не удосужившись назвать причину нашей встречи, хочет поговорить именно об этом.

Горничная привела меня в кабинет, где в высоком кресле развалился хозяин дома, возложив босые ноги на стол, на котором стоял бокал с недопитым коньяком.

— Вы опоздали, — сурово проговорил Рокотов.

— Прошу прощения, — ответил я, делая шаг вперед и протягивая руку для рукопожатия, — застрял с клиентом.

— Вам было назначено определенное время, — холодно добавил он. — А время — деньги. Я не потерплю подобного разгильдяйства в делах, которые ведутся со мной. Надеюсь, вы меня поняли?

Я понял отлично, и потому без лишних слов развернулся и направился к двери.

— Вы куда? О, черт, вернитесь! Пожалуйста! — воскликнул хозяин дома.

На просьбу я решил отреагировать, хотя уйти хотелось больше. Вновь развернувшись, я вернулся в кабинет. Покрасневший от унижения Рокотов поднялся и, совладав с собой, протянул руку. Я без лишних эмоций пожал ее.

— Ладно, — процедил он сквозь зубы, — я прошу прощения. Вы действительно еще не взяли на себя никаких обязательств, а я по привычке разговариваю с вами, как с подчиненным. Давайте присядем. Коньяк, виски? Или что-то еще?

— Кофе, если вас не затруднит.

— Да какие тут затруднения... Леля, принесите гостю кофе.

Выпустив пар, Олег Юрьевич как-то сдулся, посерел и сник. Горничная тут же направилась к дверям, едва не столкнувшись с высокой блондинкой лет тридцати, в широком домашнем платье. Его изысканная простота говорила о том, что наряд довольно дорогой. Она метнула на горничную гневный взгляд, а затем вопросительно поглядела на меня.

— Моя жена, Лара, — представил Рокотов. — А это Иван Стахов, адвокат.

— Очень приятно, — сказала она певучим, медовым голосом и с горечью добавила: — Если обстоятельства нашего знакомства можно назвать приятными...

Кофе подали почти молниеносно. Пока горничная сервировала столик, мы молчали. Лара от кофе отказалась, налила себе коньяку и, присев на подлокотник кресла, угрюмо уставилась куда-то в стену. Олег Юрьевич дождался, когда горничная выйдет, и заговорил:

— Речь пойдет о моей дочери Ксении. Недавно она умерла... Мы тяжело переживаем потерю. Все как-то навалилось: проблемы в бизнесе, затем Ксюша, а сейчас вот отец совсем сдал, переживает из-за внучки, боюсь, второго инфаркта он не переживет. Он и без того был сам не свой, когда скончалась мама, а потом еще это.... Ксюша была моим единственным ребенком, и теперь мы не знаем, как жить дальше... В полиции нам объявили: она выпала из окна, несчастный случай. Стул сломался, когда она вешала шторы, такое бывает. Когда мы приехали в больницу, Ксюша продержалась еще сутки, а затем скончалась, не приходя в сознание. И, видите ли, Иван, я подозреваю, что моя дочь была убита.

— Почему? У вас есть основания не доверять результатам следствия?

Рокотов раздраженно закатил глаза, вскочил с места и, схватив сигару, стал ее яростно жевать, тыкая в лицо зажигалкой. Пока он безуспешно пытался прикурить, мне, вымученно улыбнувшись, ответила Лара:

— Вы же видите, где и как мы живем, верно? Мы богаты, Иван. Ксюша с детства была избалованным ребенком. Недавно она пожелала жить отдельно. У нее, видите ли, началась личная жизнь. Завела себе кавалера, сняла квартиру, чтобы мы не мешали. Мы не возражали, оттуда до учебы добираться проще, да и скучно здесь, все-таки загородная жизнь не для молодежи. Квартиру в свое время отделявал стилист, Ксения палец о палец не ударила. И тут, ни с того ни с сего, решила шторы перевесить? Боюсь, она не знала, с какой стороны там петли.

— Всякое бывает, — уклончиво возразил я.

— Бывает... — презрительно констатировала Лара и добавила: — Но не с ней. Ксения даже чашки сама не мыла, складывала в посудомойку, и я не уверена, что утруждалась, чтобы затем вынуть посуду и расставить на полках. Иногда сваливала все в раковину, пока домработница не приводила все в порядок. Говорю вам, она была большим ребенком, совершенно не готовым к реальности. И вдруг — шторы. Это так же неправдоподобно, как увидеть в ее руках... я не знаю... швабру или пылесос. Да она не знала, как тостер включался...

Олег Юрьевич бросил на жену тяжелый взгляд, потом перевел его на меня и снова заговорил:

— После ее смерти я пытался найти ее парня... Глеба Макарова. И не нашел. А ведь у меня масса возможностей, как вы понимаете. Для меня дико кого-то не найти, если надо. А его не смог. Глеб исчез в неизвестном направлении. Родители уверяют, что за день до смерти Ксюши он улетел отдыхать на Гоа, решил переосмыслить свою жизнь. Я проверял, естественно. Бред! В день смерти Ксюши он был здесь, в Москве. Глеб не пересекал границы Индии, он вообще из России не выезжал, разве что по чужим документам. Так что прячется где-то.

— Зачем ему прятаться?

Рокотов посмотрел на меня, как на идиота:

— Причина очевидна, я считаю. Ксюшу убил Глеб. Вы должны понимать, кто такой Глеб Макаров. Он — мажор, сынок Сергея Макарова, владельца «МосСтройНефти», никчемное, инфантильное убожество, наркоман. Родители давно махнули на него рукой, а он тупо прожигает жизнь. В какой-то момент ему встретилась Ксюша. Она им была очарована: видите ли, Глеб малюет какую-то мазню, называя ее авангардным искусством, пишет стихи и рассказы, поет... Словом, упорно пытается влиться в ряды балаганных шутов. Но ей почему-то было с ним интересно. В тот вечер соседи слышали шум, громкую музыку и крики. Ксюша с кем-то ссорилась. Кроме Глеба к ней никто не ходил. И сразу после ее смерти этот уродец исчезает, да так, что его никто не может найти. Я уверен — между ними что-то произошло, Глеб ее ударил или толкнул, а затем выбросил тело из окна, чтобы замести следы.

— Так вы хотите найти Глеба? — уточнил я.

Происходящее нравилось мне все меньше. Рокотов собрался устроить вендетту и решил впутать в это дело как можно больше людей. Но мне этого совершенно не хотелось. Словно уловив мои колебания, он жестко произнес:

— Я хочу узнать, что случилось с моим ребенком. И если для этого нужно найти Глеба — так тому и быть.

— Боюсь, вы обратились не по адресу, — покачал я головой. — Я — адвокат, а не частный сыщик. Почему бы вам не обратиться в полицию или в соответствующие структуры?

— Иван Андреевич, — спокойно ответил Рокотов, — я буду говорить откровенно: мне не нужен просто частный сыщик. Полиция палец о палец не ударит, в лучшем случае, найдут какого-нибудь бомжа, выбьют из него признание и, забрав денежки, окончательно закроют дело. Сыщики, возможно, Глеба найдут, но что дальше? Мне нужен человек, который будет в курсе дела от начала и до самого конца, чтобы потом в суде не пришлось искать потерянные доказательства. И потом, я ведь наводил о вас справки. Вы были очень хорошим сыскарем. Вас не сдерживают никакие ограничения, к тому же вы говорите на двух языках, и если для дела вам придется ехать за границу, вы сможете это сделать, особенно при моих возможностях вам помочь.

— Мне кажется, что вам больше поможет собственная безопасность. Например, ее руководитель, господин Фионов, — с безмятежным видом произнес я.

Естественно, я знал, что охрану Рокотова возглавлял бывший мент, майор Никита Фионов, человек с репутацией убийцы, не стесняющегося

никаких грязных методов, за что в свое время его и поперли из органов, не дожидаясь выхода на пенсию. Мы с Фионовым никогда не сталкивались, но друг о друге слышали.

— Незадолго до смерти Ксении Фионов попал в больницу. Банальнейший аппендицит, осложненный перитонитом, — хмуро ответил Рокотов. — Дотерпел, одним словом. Идиотская история. И сейчас Никита, скажем так, не в строю, потому искать Макарова не может.

— А если Глеб не виноват? — прищурился я.

— Я не пытаюсь выставить его виновным, Иван Андреевич. Я ищу убийцу моей дочери.

— А если убийцы нет, и это действительно несчастный случай?

— Я смирюсь, — ответил Рокотов с плохо разыгранным безразличием. — Ксюшу не вернешь, а карать невиновных я не намерен.

— И все-таки я вынужден вам отказать. Специфика моей работы такова, что я не занимаюсь сыском. Если нужно, я буду представлять ваши интересы в суде и могу порекомендовать отличных сыскарей, готовых трудиться на износ. Розыском должны заниматься специальные агентства или полиция, а не адвокат. Так что еще раз прошу прощения.

Я поднялся, сделал шаг к двери, но тут меня догнал вкрадчивый голос Рокотова:

— Я не сказал вам еще кое-что. Мне известно об убийстве вашей семьи, а также о том, что убийце удалось избежать наказания. Если вы найдете убийцу Ксении, я помогу покарать убийцу вашей жены и сына.

Я замер.

Прошлое прочно держало меня в своих щупальцах, не собираясь отпустить, и лишь изредка позволяя вдохнуть и ощутить себя живым на миг. Смириться с тем, что их нет, а волк в человеческом обличье все еще ходит рядом, было невозможно, поэтому я, не поворачиваясь, сказал:

— Мне нужно побывать в той квартире, где все произошло. А пока покажите мне ее комнату.

Наверх со мной поднялась Лара. Она шла впереди, небрежно виляя бедрами, и то и дело пригубливая коньяк. До комнаты Ксении было довольно далеко, и к тому моменту, когда мы дошли до дверей, бокал оказался пустым. Лара открыла дверь и, сделав приглашающий жест, произнесла:

— До отъезда Ксюша жила тут. Мы ничего не меняли, надеялись, что она одумается и вернется.

Комната, большая, с высокими потолками, была окрашена в карамельно-розовый цвет такого приторного оттенка, что сводило зубы. Посреди комнаты стояла большая кровать с нелепым балдахинном, рядом стол, кресло

на колесиках, пара тумбочек, трюмо с круглым зеркалом и большой шкаф. На тумбочках и трюмо я заметил несколько фото. Ксения представала перед фотографом в одиночестве. Ее улыбка казалась грустной, иногда натянутой. Напротив кровати висел телевизор. Я сделал шаг вперед и оказался у стола с ноутбуком, над которым тоже висели несколько рамок с фото. Но та, что находилась в центре, заставила меня замереть.

В квадратной раме черного цвета, на красном фоне была прикреплена бабочка: средних размеров, с белыми, почти прозрачными крылышками и рисунком в виде черного глаза, призванного отпугивать птиц.

Холодные пальцы прикоснулись к моей руке.

Я резко обернулся, подумав, что это Лара, но та по-прежнему стояла у дверей, глядя на меня с тоской.

— Это Ксюша в детстве увлекалась, — пояснила она. — Любила бабочек очень. А эту поймала на Алтае, очень гордилась удачей, потому что это очень редкий экземпляр... Называется, кажется...

— Мнемозина, — хриплым голосом проговорил я. — Действительно, редкая бабочка. Вашей девочке повезло.

— Неужели? — высокомерно спросила Лара, но спустя мгновение ее лицо исказилось, и она разрыдалась.

Мои близкие были убиты весной.

Я работал опером и почти все время занимался тем, что ловил на улицах всяких тварей в человеческом обличье. Будь у меня талант, я писал бы ужастики похлеще Стивена Кинга. За десять лет перестаешь удивляться, до какой низости и жестокости может опуститься даже вполне приличный с виду человек. Странно, но сейчас я по-другому смотрю на происходящее, понимая, что для человека нет ничего важнее семьи. Тогда же я, как идиот, ставил на первое место долг, ничего не делая для того, чтобы спасти свой разваливающийся брак. После работы, прямо за столом отделения, я напивался, чтобы отогнать чудовищ, с которыми имел дело весь день, а затем, пьяный и злой, шел домой, к жене и сыну, срывая на них свое раздражение. Лена делала все возможное, чтобы семья не развалилась, а Артем... Что ж, мне стыдно признаться, но я его пугал. Мне кажется, сын боялся меня больше, чем любил.

Это были тяжелые дни. В городе завелся маньяк, с завидным постоянством нападавший на женщин и детей. Этот зверь был хитер, постоянно меняя место нападений. Далеко не сразу все дела объединили в одно производство. В конечном итоге его искал уже весь город. Нас постоянно дергали все, кому не лень, пресса извращалась в остроумии, считая, что мы не выполняем и сотой доли того, что делали на самом деле. Еженедельно я вздра-

гивал от телефонных звонков, в которых торопливый голос дежурного сообщал о новой жертве, найденной где-то в лесополосе. Мертвые женщины и дети, с признаками насильственной смерти, поступали в морги раз в месяц, затем раз в две недели, в неделю, раз в три дня, изуродованные, искромсанные ножом, почти неузнаваемые. Я почти не спал, глуша стресс водкой.

А потом нам повезло, как это часто бывает, совершенно случайно. Одна из жертв выжила и смогла дать показания, хотя ее нынешнее существование трудно назвать везением. По описанию, мы смогли выйти на некоего Андрея Чигина, работающего в службе доставки писем и посылок. Чигин мотался по всему городу на старой «мазде», попутно присматривая себе новые жертвы.

Брал Чигина я, вместе с опергруппой. Он почти не сопротивлялся и только скалился окровавленным ртом. Доказательства его вины были железными, а бесплатный адвокат не сделал почти ничего, чтобы вытащить подзащитного на свободу. Думаю, юрист и сам испытывал к нему глубочайшее отвращение и страх, отчего и стремился сбить трудного клиента с рук. Я испытывал схожие чувства, надеясь, что после задержания Чигина ко мне вернется сон.

Увы, я не успел вдохнуть жизнь полной грудью, когда ночной гость ворвался в мой дом.

Чигин умудрился сбежать. Разыграв эпилептический припадок, он попал в больницу, а оттуда, задушив медсестру, отправился прямо ко мне домой.

Мне до сих пор неизвестно, откуда он узнал мой адрес. Я долго пытал адвоката, следователя и оперов, имевших с ним дело, но никто не признался. Конечно же, его искали. И, разумеется, не нашли. Все, что мне оставалось на протяжении долгих месяцев — скорбеть, ненавидеть, искать.

Я бросил пить, хотя трезвость была невыносима, но я сознательноковырял незаживающие раны, не позволяя себе расслабиться. А еще еженедельно навещал Таню — жертву маньяка, влачащую после нападения Чигина жалкое существование.

Почти каждую ночь я слышал тихий шепот призраков в своем доме.

А затем я встретил ее...

После беседы с хозяевами я выразил желание как можно скорее посетить квартиру Ксении. Лара пожала плечами, а Рокотов скупой кивнул.

— Леля вас проводит.

Горничная, избавившаяся от передника, ждала меня у дверей, почтительно открыла дверь и пропустила вперед, чуть ли не поклонившись в пояс, а затем последовала за мной к машине и чинно устроилась на переднем сиденье.

— Нам нужно на улицу Павлова, — ровным, лишенным интонаций голосом произнесла она. — Сто второй дом. Если позволите, я введу данные в навигатор.

— Я знаю, где это, — возразил я и тронулся с места, искоса разглядывая попутчицу в зеркале. Горничная была некрасива: с выступающими вперед зубами, крупным носом и маленькими глазами, придающими ей сходство с крысой.

Несколько минут мы ехали молча, затем я небрежно сказал:

— Леля — довольно странное имя. У него есть какая-то история? Что-нибудь тюркское?

— Меня зовут Елизавета, — равнодушно ответила Леля. — Хозяйка порой любит давать странные прозвища. Лиза слишком простонародно звучит, поэтому я превратилась в Лелю.

— Интересно, а как хозяйка называла Ксению?

— Вряд ли я имею право обсуждать с вами подробности жизни Рокотовых, — хмуро ответила Леля, глядя перед собой. — Простите.

— Бросьте, Леля, — примирительно произнес я. — Я же тоже в какой-то степени нанятый персонал, так что для вас я — свой. Между собой ведь вы обсуждаете хозяев, верно?

— Я стараюсь этого не делать. Неизвестно, кто пойдет к хозяевам с докладом. А терять выгодное место мне не хочется.

— Послушайте, Леля, девочка погибла, мне поручено узнать — почему. Каким образом я это сделаю, если мне никто ничего не рассказывает?

— Сейчас направо, — перебила она меня.

Я послушно повернул, ожидая продолжения, но Леля не сказала больше ни слова, продолжая глядеть вперед.

— Хорошо, давайте не будем про Ксению, — вздохнул я. — Расскажите об ее молодом человеке. В этом отношении у вас нет табу?

— Глеб — очень положительный мальчик. Из хорошей семьи, отлично воспитан и, как и Ксения, был немного не от мира сего. Напрасно о нем говорят, как о бездаре. Глеб невероятно талантлив. Я видела его картины и могу заверить, они очень и очень неплохи, так что делать из него бизнесмена, согласно семейным традициям, на мой взгляд, ошибка. И я не думаю, что он мог причинить Ксении какой-то вред. Глеб мухи не обидит, к тому же он не атлет. Если он имеет какое-то отношение к случившемуся, скорее всего, это произошло случайно. Я вполне верю официальной версии, что Ксюша пыталась что-то сделать со шторой.

— Рокотов считает Глеба наркоманом, — заметил я.

— Кто сейчас не наркоман? — ответила Леля, и мне показалось, что я вижу тень усмешки на ее бескровных губах. — Нет, не думаю, что он упо-

треблял что-то серьезнее травки, да и то — для вдохновения. Художники часто к этому прибегают.

— Вы так уверенно об этом говорите...

— Иван Андреевич, я по образованию — искусствовед, так что просто поверьте, я знаю, о чем говорю.

— Глеб плохо влиял на Ксению, по словам Рокотова. Вы так не считаете?

— То, что я считаю, не имеет никакого значения, — отрезала Леля. — Девочка умерла, и воскресить ее не помогут никакие деньги. Это горе, конечно, и тяжелая утрата, но уже ничего не поделать. Ни к чему губить еще и парня, особенно, если он не имеет к этому никакого отношения.

— Для человека, не имеющего на этот счет никакого мнения, вы как-то рьяно защищаете Макарова, — заметил я.

Леля молча пожала плечами и до конца нашей поездки больше не сказала ни слова, оставив у меня твердое убеждение, что в ее душе кроются какие-то темные тайны.

Интересующая нас квартира располагалась в высотке, неподалеку от соснового бора, из которого дома торчали, словно грибы. Чисто теоретически это была заповедная зона, но в свое время ее быстро перепахали бульдозерами, часть рощи вырубил, на освободившемся месте натыкали многоэтажек, назвав район элитным. Рядом с домами открыли сеть супермаркетов и кафе, превратив тихий уголок в обжитой улей и разорив держателей крохотных магазинчиков.

Дом, в котором жила Ксения Рокотова, выглядел респектабельным. Высотка в тридцать этажей, сверкающая синими стеклами балконов, подпирала небеса. Въехать на стоянку без специального разрешения было не просто. Правда, я бы не назвал охранника особо ретивым и полезным. Его роль выполнял худой мужчина средних лет, один глаз которого был закрыт бельмом. Заметив Лелю, показавшую пластиковую карточку пропуска, он чуть заметно кивнул ей и открыл шлагбаум, пропуская нас внутрь. Приткнув машину на свободный пяточок, я проследовал за горничной к входу, где нам вновь пришлось продемонстрировать пропуск бдительному консьержу. Лелю он пропустил без проблем, а вот у меня потребовал документы. Расписавшись в журнале посетителей, я направился к лифту, и, когда кабинка взмыла вверх, спросил:

— Что вы такое показывали?

Леля продемонстрировала запаянный в пластик пропуск с фотографией и фамилией и названием жилого комплекса.

— Это пропуск для прислуги, — пояснила она. — Такой есть у всех, кто приходит сюда убираться постоянно.

— У Ксении убирались вы?

— Да, но на самом деле работы было немного. Ксюша редко сидела дома. Я приходила трижды в неделю. Иногда — дважды, а порой не приходила вовсе, когда ее не было дома. Она была совершенно не приспособлена для ведения хозяйства самостоятельно.

Тут лифт остановился на последнем этаже, мы вышли и направились по гулкому коридору, окруженные неприятной тишиной. Леля подошла к тяжелой двери, сунула ключ в замочную скважину и потянула створку на себя, вновь пропуская меня вперед.

Я вошел. Меня встретила тишина и затхлый запах непроветриваемого помещения. Квартира оказалась довольно просторной, почти в два раза больше моей. Первое, что мне бросилось в глаза, — огромные, в пол, окна, которые не открывались.

— Как же она умудрилась выпасть? — удивился я.

Леля повела подбородком вправо, и там я увидел обычное окно, с двумя распахивающимися створками, светлым мраморным подоконником, переходящим в барную стойку и мойку со столешницей. Под окном лежала табуретка с отломанной конечностью, с гардины свисала наполовину сорванная занавеска.

— Олег Юрьевич запретил здесь что-то трогать, — прошелестела Леля.

Первым делом я осмотрел кухню, внимательно обследовав широкий подоконник. Забравшись на него, открыл створку и выглянул наружу. Окно огораживал небольшой ажурный балкончик, скорее, декоративный, чем функциональный. На всякий случай я подергал перила балкончика — те даже не дрогнули. Высунувшись еще дальше, я посмотрел вниз. На асфальте не осталось никаких следов от крови. Интересно, кто их смывал, надо будет поискать дворника. Поднявшись и вытянувшись во весь рост, я поднял руки к занавескам и сделал шаг назад.

— Осторожнее! — воскликнула Леля. — Что вы делаете? Хотите следом вывалиться?

— Пожалуй, нет, — ответил я и спрыгнул вниз, решив не объяснять причин своего эксперимента.

Кухня была аккуратно прибрана, но на столешнице лежал тонкий слой пыли. В мойке стояла грязная чашка из-под кофе. Открыв дверцу под мойкой, я вынул мусорное ведро и, не найдя газету, вывалил содержимое прямо на пол, но, не найдя ничего интересного, направился в гостиную, открыл дверцы шкафа и бегло осмотрел гардероб, отметив, что при жизни Ксения предпочитала одеваться со скромной роскошью. Вещи, совершенно неброские, явно покупали в дорогих магазинах, при этом хозяйка относилась

к ним без особого почтения. Кроме вещей Ксении на вешалках я нашел несколько мужских маек, свитер и куртку. Вынув свитер, я показал его Леле.

— Это кофта Глеба, — пояснила она и сочла нужным добавить: — Мальчик вечно мерзнет. Дом элитный, а отопление дают, как везде.

Я взял на заметку это вырвавшееся «мальчик», но не подал виду. Фотографий в гостиной не было. Разве что таковыми можно было считать картины, на которых, бесспорно была изображена Ксения. Я не очень разбираюсь в живописи, но даже моего дилетантского взгляда хватало, чтобы понять: автор, если не гениален, то очень даровит. На полотнах девушку писали в странной технике, несколькими перетекающими друг в друга цветами, при этом выглядело это невероятно гармонично. Картины завораживали настолько, что я подумал: вот это повесил бы у себя дома. Мне даже не требовалось спрашивать Лелю, кто автор.

На балконе, широком и длинном, мебели почти не было, разве что пара складных стульев, разбросанные по полу подушки и большой немывтый кальян.

Чем больше проходило времени, тем отчетливее я понимал, что в квартире не найду ничего подозрительного. Я обыскал все тумбочки и ящики и, наконец, поднялся по винтовой лестнице в спальню, обставленную еще проще. Здесь не было даже кровати: просто матрац на полу перед большим окном и крохотная тумбочка. Но тут меня ожидала первая находка: несколько упаковок успокоительного и антидепрессантов. Часть упаковок была вскрыта и наполовину опустошена, некоторые были даже не распакованы, словно девушка набирала их впрок, при этом никаких рецептов в тумбочке я не нашел. Но не это приковало мое внимание.

Напротив кровати висела еще одна картина, выполненная в той же манере. Это был портрет, на котором Ксения выглядела совсем юной и как будто расстроенной. На полотне девушка была обнажена, а одежду ей заменяли облепившие фигуру белые бабочки.

Неясный шепоток послышался за моей спиной. Я обернулся, подумав, что в комнату поднялась Леля, но комната была пуста. Я вновь перевел взгляд на картину.

Крылья бабочек дрогнули. Я зажмурился и вновь уставился на картину. Ничего.

А когда я окончательно уверился в том, что мне померещилось, холодные мертвые пальцы прикоснулись к моей шее...

Побеседовать с Фироновым было задачей первостепенной значимости, и я не стал с этим тянуть. Начальник безопасности олигарха явно должен был знать о жизни его дочери многое, и уж кому-кому, а именно ему следо-

вало рыть землю после смерти Ксении. Мне не нравилось, что дело поручили мне, и еще больше, что мне придется разговаривать с Фионовым.

Рокотов отдал мне результаты экспертизы, и, читая их, я понял, что его сомнения были обоснованы. Тело Ксении нашлось на расстоянии, которое свидетельствовало, что, если она и выпрыгнула из окна, то сделала это с разбегу, к тому же основной удар пришелся на грудь и руки, а не на ноги. В крови девушки не было ничего существенного, кроме легкой доли алкоголя, соответствующего бокалу вина или бутылке пива.

Я без труда нашел бывшего коллегу. Конечно, по сравнению с хоромами Рокотова особнячок Фионова был гораздо скромнее, но мне бы на такой не хватило денег, даже если бы я защищал в суде без передышки еще лет десять. У дома стоял «лендкрузер», хищно сияющий черным лаком. Я провел ладонью по капоту и обнаружил, что тот теплый. Леля обещала предупредить Фионова о моем визите, так что тот, скорее всего, поспешил вернуться домой. Конечно, я мог бы назначить встречу дома у Рокотова, но мне казалось, что под бдительным взором хозяина Фионов поостережется откровенничать.

Никита вышел мне навстречу, двигаясь излишне осторожно, так что новость о перенесенной операции, скорее всего, была правдивой.

— А, Стахов... — скривился он, словно и не ожидал увидеть меня. — Вот и верь в наше время в идейных и неподкупных ментов. Все уходят на вольные хлеба, какими бы орлами не летали.

— Ну, ты же ушел, — усмехнулся я. — Хотя тоже орлом летал.

Фионов не удостоил меня рукопожатием и слабо махнул, приглашая следовать за собой. Я двинулся следом по узкой, кривоватой дорожке, мощеной песчаником. В дом меня не позвали, Фионов предпочел беседовать на свежем воздухе, по-барски предложив устроиться в беседке, увитой виноградными лозами. На меня он смотрел с заметным отвращением. Я молчал, разглядывая хозяина. Тому следовало сбросить несколько килограммов, походить в зал, а красноватые белки глаз и мешки под ними говорили, скорее, не о перенесенной операции, а об обильных возлияниях.

Фионову не понравилось, что я его разглядываю. Он дернул шеей, выставив ее на обозрение, и под воротом рубашки я заметил несколько свежих царапин, которые сложно было бы списать на опасное бритье.

— Я — другое дело, — сказал Фионов. — Меня скушали много лет назад, а про твою твердолобость легенды складывали, обсуждали хватку и принципы, хотя, по мне, там дурости было больше, чем принципов, а, может, всего серединка на половинку. И тут — бац, такой фортель: Стахов — адвокат. Не думал, что тебя смерть жены так ломает. Наши поговаривали, что ты мстить хотел, но не нашел Чигина.

— Не нашел, — ответил я как можно спокойнее. — Потому и свалил из конторы. Не мог беспристрастно на «жмуров» глядеть.

— Ты про Ксению пришел поговорить? Мне Леля звонила, предупреждала.

— Про нее. Есть что сказать интересного?

— Да особенно нечего. Девчонка обычная, со своими бзиками. Жила тихо, номеров не откалывала, с родителями не ссорилась, как все, одним словом. Парень был, тот самый Глебка Макаров...

— Рокотов полагает, что Глеб ее из окна вытолкнул, — перебил я.

— Знаю. Шут их разберет, Стахов. Я за Ксенией не ходил. Она вообще от охраны отказывалась, да ей она особо и не требовалась. Некоторое время я, по просьбе Олега Юрьевича, к ней приставил паренька одного из наших конторских, но потом шеф снял охрану.

— Почему?

— Девчонку это раздражало. Повода не было усомниться в ее безопасности, потому мы от охраны отказались.

— Интересно... То есть Рокотов вдруг захотел, чтобы за дочерью ходил охранник, а затем передумал? Тогда возникла какая-то опасная ситуация?

Фионов поглядел на меня исподлобья, и в его взгляде вспыхнула злость.

— Я не знаю, — буркнул он. — У нас никаких «нежданчиков» не было. Это буквально пару недель продолжалось.

— Можешь мне устроить встречу с вашим сотрудником?

— На кой? — грубо спросил Фионов. — Совершенно лишняя процедура. Ничего он путного не скажет. Да и не работает он у нас больше.

— Что так? — удивился я.

— Уволился, — раздраженно ответил он, — по собственному желанию. Нечего мне тебе сказать, Стахов. И вообще, чего сидим, кого ждем?

— По-моему, ты мне по ушам ездись, Никит, — усмехнулся я. — Я вроде не ради праздного дела интересуюсь. Пришел потому, что хочу докопаться до причины смерти Ксении, дочери, на минуточку, твоего шефа, а не потому, что мне страсть как захотелось тебе морсу и апельсинов притащить.

Фионов плотно сжал губы и засопел.

— Щас расплачусь, — наконец сказал он, — и в жилетку тебе уткнусь. Я, Стахов, тоже опер, тоже бывший, и нюх у меня не хуже твоего. Только шеф на меня в обиде за то, что я его кровиночку проглядел, нового пса завел, а старого в утиль списал. Мне теперь возвращаться некуда. С больничного выйду, мне пинка под зад дадут. Теперь ты главный. Вот и бегай, пес, рой землю. Я тебе помогать не буду. Да и нечего мне сказать.

Я улыбнулся и развел руками.

— Ну, на нет и суда нет, — улыбнувшись, развел я руками. — Кстати, а царапины у тебя на шее откуда?

— Супруга в порыве страсти расшалилась, — холодно ответил Фиронов. — Обожает меня уже много лет, душа в душу живем. Так что визит окончен. Иди, Иван, пока ветер без камней. Провожать не буду.

— Сейчас уйду, — пообещал я. — Только скажи мне, как звали ее уволившегося охранника.

Фиронов помолчал, потом раздраженно выдернул из кармана телефон, повозив по экрану пальцем, открыл контакты и зло сунул трубку мне под нос:

— На, смотри! Сухоруков Андрей, отчество не помню. И я, кстати, не думаю, что он будет тебе полезен.

— Спасибо тебе, — серьезно сказал я, но Фиронов посчитал мои слова издевательством.

— Пошел ты, Стахов! — прошипел он и торопливо, насколько позволял шов после операции, направился к дому.

Телефон Андрея Сухорукова не отвечал. Я сделал несколько попыток, но никто не снял трубку.

Через два часа я наведалься к Семену Броху. Семен жил и работал в ювелирном салоне неподалеку от мэрии. Жил он, естественно, не в самом салоне, а над ним, в просторной квартире, со всем своим выводком. Старшие дочери Семена: носатые, грудастые, волоокие, трудились тут же, обслуживали клиентов, предлагая золото-серебро, и томно вздыхали, когда в поле зрения попадался мужчина подходящего возраста. Сарочка и Розочка, одинаково некрасивые, давно переспевшие груши, до сих пор не были пристроены отцом замуж. Младшие девочки то и дело мелькали в салоне, и я, признаться, не помнил точно, сколько у Броха детей: восемь или девять, да и идентифицировать их в лицо было сложновато, поскольку все они были словно отлиты из одной формы.

Несколько лет назад я оказал Броху услугу. И теперь беззастенчиво пользовался его осведомленностью, что крайне не нравилось старому плешивому плуту. Но отказать мне он не мог, к тому же я часто оказывался полезным.

При виде меня Сарочка и Розочка расплылись одинаковыми лошадиными улыбками и выпятили грудь.

— Семен Натанович на месте? — учтиво спросил я.

— На месте! — хором ответили близняшки и бросили друг на друга гневные взгляды, а затем одна, наиболее расторопная, произнесла: — Я провожу.

— Да я помню дорогу, — попытался я отказаться.

— Ну, что вы, Иван... Андреевич, — возразила Сарочка, а, может, Розочка. — Меня это нисколько не затруднит, а сестра присмотрит за магазином.

Кабинет Броха располагался на втором этаже, куда вела узкая винтовая лестница. У дверей кабинета Сарочка (или Розочка) с сожалением со мной простилась. Дочери никогда не входили в кабинет отца вместе с посетителями. Выждав, пока шаги провожатой стихнут, я дважды стукнул костяшками пальцев по двери.

— Семен Натанович, это Стахов. Надо поговорить.

За дверями звякнуло. Я представил, как Брох, словно царь Кащей, торопливо пересыпает золото в закрома и запирает сундуки, а затем послышалось глухое покашливание, что можно было расценить как приглашение. Я медленно нажал на ручку и вошел.

Брох сидел за столом, на котором, кроме антикварного бутафорского телефона и малахитового пресс-папье не было ничего: ни бумажки, ни ручки, ни завалящей цацки. Увидев меня, он чуть заметно поморщился, но я сделал вид, что не заметил. Эти игры были давно известны и мне, и ему.

Брох обратился ко мне, когда я еще работал в отделе. Была не по сезону холодная осень. Он просто зашел в кабинет и попросил о разговоре с глазу на глаз. Дождавшись, пока мы останемся одни, с гримасой боли стащил с руки перчатку, и я увидел, что рука перетянута бинтом. Произошел стандартный наезд, пояснил Брох. Пропали деньги, и ему пришлось отвечать. Жора Бетон прижигал его руку зажигалкой, требуя вернуть недостачу, которая канула в неизвестность. Я принял страдания старого еврея близко к сердцу и с определенными сложностями установил, что деньги украл водитель Бетона. Дальнейшая судьба водителя меня не интересовала, а Брох, оправившись, стал клясться в вечной дружбе. Правда, спустя пару лет его энтузиазм подувял.

— Ванечка, дорогой, — льстиво улыбнулся Брох и раскинул объятия, намереваясь меня обнять. — Как я рад тебя видеть!

— Каждый раз прихожу к тебе, Натаныч, и каждый раз думаю, что ты рад меня видеть, — усмехнулся я.

Вдруг улыбка с лица Броха медленно сползла, превратившись в гримасу, он сердито поглядел на меня из-под насупленных бровей и с неожиданной резкостью произнес:

— Ванечка, я старый больной человек, и мне нет желания плясать вокруг тебя мазурку. Скажу-таки, я слишком стар даже для того, чтобы записывать меня в сексоты. Если ты думаешь, что твои визиты ко мне остаются незамеченными, то глубоко ошибаешься. Люди задают вопросы, Ваня, и,

рано или поздно, мне придется на них ответить. Я тебе очень благодарен за помощь, но видеть твой благородный профиль так часто — скверно для моей репутации. Если у тебя есть ко мне вопросы, на этот счет умные люди изобрели телефон, а также Интернет и массу других полезных приспособлений. К чему эти гангстерские выходки?

— К тому, уважаемый, что мы с тобой это уже проходили, — ласково ответил я. — По телефону ты поспешишь сказать, что ничего не знаешь, а вот при личной встрече мой благородный профиль на тебя действует, как «сыворотка правды». Так что я предпочитаю личную встречу, тем более, все равно ехал мимо.

Брох поморщился, отчего его лицо стало похожим на раздавленную сливу.

— Чего ты хочешь на этот раз?

— Меня интересуют два семейства. Семьи Олега Рокотова и Сергея Макарова, особенно интересуют их дети, Ксения и Глеб. Хотя вряд ли ты что-то о них слышал.

— Что конкретно ты хочешь узнать?

— Все, — отрезал я. — Дочь Рокотова погибла, а сын Макарова исчез. Рокотов не верит в самоубийство.

— И, видимо, думает, что во всем виноват этот анемичный юноша? — усмехнулся Брох. — Я в жизни, конечно, многое видел, но Глеб не производит впечатления убийцы. Если Ксенечку действительно кто-то убил, искать нужно где-то еще.

Я подумал, что уже второй человек дает такую характеристику Глебу, но делать выводы не спешил. В моей практике слишком часто встречались убийцы с ангельскими лицами. Вместо этого я предложил Броху продолжить.

— Ну, что тебе сказать про Макаровых? Обычные, среднестатистические миллионеры, без закидонов, — пожал он плечами. — Знаешь, их довольно сложно зацепить. Не азартны, не алкаши, не наркоманы. Сергей Павлович — мужчина обстоятельный, и, разбогатев, не сменил свою Наташу на молоденькую модельку. Как поженились двадцать лет назад, так и живут. Глебушка у них единственный ребенок, наследник империи, но сильно сомневаюсь, что когда-нибудь ее возглавит. В плане бизнеса совершенно бестолков, но картины пишет прекрасные. Он уже в Англии выставляется.

— А Рокотов?

— Олег? Ну, тот из другого теста. Богат и хваток. Дочку он обожал, да и жену тоже, что неудивительно, ведь свою «старую баржу» он спихнул еще лет пятнадцать назад.

— Лара — не мать Ксении? — удивился я.

Брох затрясся в беззвучном смехе и замахал на меня руками:

— Лара не ее мать. Первой женой Рокотова была Светлана, генеральская дочь, и это она благодаря своим связям вывела Рокотова в люди. Девочка прельстилась на его представительные манеры, хотя за душой не было почти ни гроша. Хотя какая девочка? Света была старше его почти на десять лет, а Олег мог так красиво ухаживать. Они прожили в любви и согласии лет восемь, а потом Светин папа помер, мир его праху, и Олег тут же бросил ее. Без отца она ему была не нужна. Хотя дочь не забывал, потом и к себе забрал.

— Почему Ксения не осталась с матерью?

— Неподходящая обстановка в доме. После развода Света стала пить, и пить крепко. По сути, я могу Олега понять. Она до замужества была женщиной в соку, а после изрядно перебродила. Какой мужчина захочет видеть в своей постели чудовище с отвислой грудью, когда рядом столько молоденьких и хорошеньких? Однажды он познакомился с Ларочкой, и та его запросто увела из семьи.

— У Лары и Ксении были нормальные отношения?

— Ну, дорогой мой, ты переоцениваешь мои возможности, — развел руками Брох. — Я в их дом не вхож, могу сказать только, что на людях они вели себя прилично. Лара падчерицу не шпыняла, не тыкала в бок иголками, а Ксюша не закатывала при виде мачехи глаза. Нет, ничего страшного в их отношениях я не видел.

— Ты что-нибудь знаешь о трениях между Макаровым и Рокотовым?

— По-моему, сферы их интересов не пересекаются. Они вполне могли породниться и слить корпорации в одну, это никак бы им не помешало, даже наоборот. Рокотов, если верить слухам, некоторое время надеялся выдать дочь замуж за Егора Черского, сына Боталова, но Ксюша была слишком юна, а Черского быстро окольцевали. Так что Глеб Макаров был для нее отличной партией. Поверь мне, этот союз никому не мешал, а дети друг друга любили.

Я задумался, уставившись в пол. После посещения квартиры Ксении страх не оставлял меня, подталкивая к собственным демонам. Мне хотелось выпить. Не уверен, что отказался, если бы Брох предложил налить коньяку, но старый жмот редко угощал даже кофе.

— Макаровы прячут сына, — глухо произнес я, — а мне нужно с ним поговорить. Ты не знаешь, куда парень мог деваться?

— Я ничего не буду обещать, Ваня, — пожав плечами, ответил Брох. — Если у меня появится что-то интересное, я сообщу. И даже не буду просить тебя приехать лично. СМС пришлю. Я, знаешь ли, научился пользоваться смартфонами, это не сложнее, чем пульт от телевизора. И еще. Я очень

тебя ценю, Ваня, особенно то, что ты для меня сделал. Я никогда этого не забуду. Но мне крайне неудобно постоянно чувствовать себя должником.

— Прости, Натаныч, — вздохнул я, — но кроме тебя с деликатными вопросами мне некуда идти. Боюсь, что этот крест тебе придется нести до конца своих дней.

— Нашему народу не привыкать, — горестно возвел глаза Брех, но чуть-чуть улыбнулся и, прощаясь, протянул мне свою изуродованную руку.

Добраться до отца Глеба с первой попытки у меня не вышло. Не получилось и со второй, и даже с третьей. Сергей Павлович Макаров посторонних не принимал. Я попытался прийти к нему на работу, решив, что беспокоить его дома, по крайней мере, до того, как получу отказ, не слишком прилично. Но мой «крестовый поход» завяз в приемной, где я бессмысленно проторчал почти два часа. Спокойствие босса охраняла не только вышколенная секретарша, белозубая, беловолосая, совершенно стерильная, с пронзительными голубыми глазами и ледяным голосом, но и пара мордоротов ростом с шкаф. Мои невинные попытки взять журнал или вынуть телефон сопровождались свирепыми взглядами. Когда Макаров, наконец-то, вышел из кабинета, меня тут же оттеснили, не дав сказать ни слова. Он же не удостоил меня взглядом.

На следующий день я подкараулил его у офиса и почти успел перехватить у лифта. Меня вновь оттеснили, но я смог бросить фразу, которая должна была заставить Макарова пообщаться со мной:

— Сергей Павлович, я — адвокат Стахов, и у меня есть к вам разговор по поводу вашего сына.

Макаров ответил мне равнодушным взглядом. Под его набрякшими веками не шевельнулась даже толика интереса. Он вошел в лифт, а затем двери закрылись. Охранник, сдерживавший меня, сурово пообещал, что в следующий раз свернет мне шею. Глядя на его руки, я охотно поверил. Что, впрочем, не остановило меня от третьей попытки, когда я явился в их дом и не прошел дальше ворот.

Я оставил попытки пообщаться с Макаровым и перевел внимание на его жену. В отличие от мужа Наталью Макарову охраняли слабо. Ее распорядок был излишне простым. Большую часть времени она проводила дома, изредка отправляясь в салон красоты и торговый центр, где шаталась по бутикам. Охранник, забирая покупки, сразу шел к машине, оставляя хозяйку в компании продавцов-консультантов. Наблюдая за этой женщиной, еще сохранившей остатки красоты, я подумал, что она ходит по магазинам не из-за желания что-то купить и даже не от безделья. Наталья словно отбывала тяжкую повинность.

Мне повезло, когда она неожиданно свернула к кинотеатру, купила билет и прошла в зал. Я посмотрел на афишу: Макарова выбрала детский сеанс с диснеевским мультфильмом. Я подумал, что полутемный зал кинотеатра — отличное место для тайной встречи или передачи посылки, и купив билет, уселся двумя рядами дальше.

К моему удивлению и разочарованию, к Наталье никто не подошел, она не попыталась оставить конверт с деньгами или что-то в этом духе. В полупустом зале никто не вступил с женщиной в контакт. Предположение, что она назначила здесь встречу с Глебом, потерпело фиаско. Когда в зале вспыхнул свет, Наталья поднялась, пошла к выходу, и я быстро перегородил ей дорогу. Она сделала попытку меня обойти, но потом, поняв, что я стою тут не просто так, подняла глаза и резко спросила:

— Что вам надо?

— Я — адвокат Стахов. И мне нужно поговорить с вами.

— О чем? — вызывающе подняла она подбородок.

— О вашем сыне Глебе. И об обстоятельствах смерти Ксении Рокотовой.

— Мой сын ничего не знает об обстоятельствах смерти Ксении, — бросила Наталья и вновь сделала попытку обойти меня: — Пропустите, иначе я закричу!

— Наталья Александровна, я ведь адвокат, а не прокурор, и не собираюсь тащить Глеба Сергеевича в каталажку. Мой клиент просто хочет прояснить некоторые детали. Если вы опасаетесь, что я могу как-то повредить ему, уверяю...

— Глеб не будет с вами разговаривать, — холодно произнесла Наталья. — Ему нечего сказать.

— Вы так уверены в этом?

— Абсолютно. А теперь оставьте меня в покое и потрудитесь больше не приближаться к членам нашей семьи. Привет Рокотову.

Она обогнула меня и торопливо бросилась прочь, словно за ней гнались черти.

— Вам не жаль девушку? — крикнул я ей вслед.

Наталья словно споткнулась, бросила на меня взгляд через плечо, в котором пробудилась и подняла голову опасная гадюка, щелкнувшая ядовитыми зубами, и прошипела:

— Вы, наверное, удивитесь, господин адвокат, но мне ее несколько не жаль.. Каждому по заслугам.

— Чем же она вас обидела? — спросил я.

Наталья открыла, было, рот, но в последний момент сдержалась и почти побежала по коридору, подальше от меня.

Мой бывший шеф, Анатолий Базаров, жил в ведомственном доме, неподалеку от моего бывшего обиталища. После смерти жены и сына мне было невыносимо находиться там, и я съехал, наивно полагая, что на новом месте будет легче. Шефу дали квартиру одному из первых. Кубик, построенный в новом микрорайоне, быстро заселили бюджетники, особо предприимчивые продали свои квартиры и переехали ближе к центру, но шефу тут нравилось. Его угловая квартира выходила окнами на юго-запад. Супруга полковника — Ада, статная дама с крашенными в нежный фиолетовый цвет волосами, быстро облюбовала балкон и засадила его цветами, отчего цветущее пятно на высоте девятого этажа выглядело странновато, но, кажется, никто не возражал, что плети вьюнов спускаются на пару этажей вниз. На балконе мы с Базаровым обычно пили кофе или пиво, здесь же я спал пару ночей после трагедии.

К экс-шефу я прибыл в половине восьмого, благополучно объехав длинную, как кишка, пробку. Ада без лишних разговоров проводила меня на балкон, подставив щеку для сухого поцелуя. На кухне что-то скворчало и подпрыгивало на сковородке, источая умопомрачительный мясной дух.

— Ужин через полчаса, — негромко объявила Ада, обращаясь то ли ко мне, то ли к сковородке. — Рада тебя видеть. Давно не заходил.

Базаров нашелся на балконе, облаченный в трико с вытянутыми коленками и камуфляжную майку. Я коротко пожал ему руку, уселся напротив и без особого интереса спросил:

— Как там служба? Все так же опасна и трудна?

— Зубоскал, — лениво отбил мою подачу Базаров. — Сам знаешь, ничего у нас не меняется, не то, что у вас, бесовского адвокатского племени. Мы вот сажаем шваль всякую, а вы потом выпускаете.

— Мы-то при чем? — удивился я. — Суд выпускает.

— Суд, — проворчал Базаров. — А в суде кто соловьями поет? Вы.

— Что-то ты не в духе сегодня, — заметил я.

Базаров махнул рукой и мотнул подбородком на бутылку. Я отрицательно покачал головой. Он внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Зачем пожаловал-то, Вань? Помощь нужна?

— Нужна, — ответил я и сунул полковнику листок бумаги. — Вот эти телефончики надо пробить, но исключительно неофициально. Особенно меня интересуют последние три. — Я обвел пальцем три номера, принадлежащие семье Макаровых. Вот это — телефоны Глеба Макарова и его родителей. А вот этот — номер его бывшей девушки Ксении Рокотовой. По Рокотовой мне нужны все ее звонки и сообщения. А по Макаровым еще и локации. Допускаю, что парень телефон выкинул, а его родители звонят с «левых» симок, но попытка не пытка.

— Помню я Рокотову, — сжал губы Базаров. — Молоденькая девчонка, красивенькая. Папенька ейный сильно сокрушался и нам потом мозги выел. Но там же стопроцентное самоубийство, или нет?

— Родители так не считают, — ответил я. — И, кажется, уже нашли козла отпущения. Я в этом не особенно уверен, и потому хочу найти парня первым. Если не успею разобраться, Рокотов парня убьет. А вы получите междоусобицу двух богатеев. Оно тебе надо, когда до пенсии четыре месяца?

— Да тьфу на тебя! — рассердился Базаров. — Пошли ужинать, а потом ты мне все расскажешь.

Ужин затянулся. Когда я вышел из дома Базарова, на город уже опустились сумерки. Я оглянулся на светящиеся окна чужих квартир и нехотя потянулся к двери автомобиля, думая о людях, что сидят сейчас на своих кухнях, в гостиных перед телевизорами, обнимая супругов, ругаясь, целуясь или выясняя отношения. Меня никто не ждал и никто не хотел видеть, кроме, разве что, одного человека. Усевшись за руль, я вынул телефон, набрал номер и тихо произнес:

— Привет! Не помешал?

— Ты же знаешь, я поздно ложусь, — ответила Таня.

— Я приеду?

— Приезжай, — согласилась она. — Только учти, что кормить тебя нечем. Я весь день в работе, так что максимум моего гостеприимства — чай. И то, если купишь заварку, у меня, кажется, последний пакетик.

Таня Алдолина была той самой женщиной, что сумела выжить, попав в лапы к Чигину. Израненная, с изуродованным лицом, вытекшим глазом, она выступила на суде, гордо подняв разрезанный пополам подбородок. У меня тогда хватило смелости подойти и выразить свои соболезнования. После нападения ее жизнь изменилась в корне. С работы ее выжили, долго приседали в реверансах и униженно объясняли, что негоже такому страшилищу оставаться редактором небольшого издательства. Гордая и непреклонная Таня ушла, занялась фрилансом, а из дома выходила преимущественно по вечерам, чтобы не шокировать людей своим внешним видом. Заработанные деньги она откладывала на пластическую операцию, надеясь, что в будущем ее изуродованное лицо приведут хотя бы в относительную норму.

Из пары десятков людей, окружавших меня в прошлой жизни, она осталась почти единственным, кто был мне по-настоящему близок. В те черные дни после нападения на Таню и смерти моей семьи, мы поддерживали друг друга как могли. Муж бросил ее почти сразу, не в силах выносить ежедневный кошмар рядом. Таня его не удерживала, не помню, чтобы она хоть раз пожаловалась на него, скупно отвечая, что все понимает.

Я помню ее на похоронах жены и сына, укутанную в дешевый черный плащ, с лицом, скрытым шарфом и темными совиными очками, по которым стекали капли ливня, скрывая слезы. Не счесть ночей, которые я провел в ее квартире — со снятыми зеркалами — пьяный, мятый, засыпая на ковре посреди комнаты, с подушкой под щекой, и просыпаясь от прикосновения ее прохладных пальцев.

Ввалившись в ее квартиру, я, не глядя, сунул Тане пакет с продуктами, разулся и направился в ванную, где висел старый мужской халат, оставшийся от благоверного. Таня брякала посудой, а я с наслаждением встал под прохладный душ.

— Ты останешься? — крикнула она с кухни.

— Не могу, — гаркнул я в ответ, — много дел. Завтра с утра пара важных встреч.

Она показалась в дверях ванной, а я поспешно загородился шторкой.

— Ужин на столе. Домывайся, расскажешь, как провел день, а я расскажу про свой.

Я вымылся, торопливо вытерся старым полотенцем и вышел на кухню, где на столе уже шипела и плевалась гигантская глазунья в тяжелой чугунной сковороде.

— Мне предложили работу, — оживленно сказала Таня. — Представляешь? Правда, внештатно, но за неплохие деньги.

— Здорово! — обрадовался я и подвинул к себе сковороду. — А куда?

— На новостной портал. Буду заниматься копирайтом. Совершенно непыльная работенка. Главное условие — грамотность, а этого у меня, как ты понимаешь, хоть отбавляй... Ешь, Вань, не смотри на меня, я сыта.

— Контора серьезная?

— Более чем, — кивнула Таня. — Отзывы положительные. Работы, правда, много, но что мне еще делать? По светским мероприятиям я не ходок теперь.

Я принялся рассказывать о порученном деле. Болтать не в моих правилах, но ей я доверял. К тому же вряд ли Таня могла с кем-то поделиться услышанным. С каждым моим словом она оживлялась, а под конец истории уселась напротив, позабыв о привычке прятать лицо даже от меня, и спросила:

— У тебя уже есть версии?

— Все как-то слишком гладко, — поморщился я. — Родители правы. Версия о несчастном случае кажется мне притянутой за уши. Если Ксения и вывалилась из окна, то явно не потому, что решила перевесить шторы. Девочка совершенно себя не утруждала. Пропавший парень меня тоже тревожит. Он вполне может оказаться убийцей.

— Или свидетелем, — озвучила Таня мои мысли.

— Или свидетелем, — кивнул я. — И тогда возникает вопрос: от кого же решил спрятаться парень из очень богатой семьи, да так, чтобы никто не мог его найти?

— Знаешь, я могу ошибаться, но бегство этого Глеба говорит скорее о вине, нежели о страхе. Я бы предположила, что произошла ссора, и он случайно вытолкнул девушку из окна. Толкнул, например, а она упала.

— Сомнительно, Тань, — возразил я. — Там очень широкий каменный подоконник, за окном декоративная решетка с цветочками. Как надо было ее толкнуть, чтобы она вылетела в окно, не попытавшись зацепиться ни за подоконник, ни за ажурный балкончик, не сбив ни одного цветка.

— Самоубийство? — предположила Таня и сама себе ответила: — Записки, конечно, нет.

— Записки нет, есть сломанный стул и сорванная штора.

Поглядев на опустевшую тарелку, Таня поднялась и подошла к плите сварить кофе. Дождалась, пока над туркой поднимается черная ароматная пена, налила кофе в две микроскопические чашки, щедро разбавила молоком и сказала:

— Чем больше я думаю, тем больше мне кажется, что это — постановка. Я абсолютно верю твоим описаниям. У меня в голове прямо картинка нарисовалась.

— Для ссоры там было слишком чисто, — согласился я. — В мусорном ведре — остатки романтического ужина: шкурки от фруктов, шоколад, на балконе — пустые бокалы от вина. Если они поругались, то уже потом. Есть еще кое-что... У меня... Понимаешь, у меня опять это было, — неохотно выдохнул я. — Это ощущение. Холод. Прикосновения. Дыхание. Особенно после того, как я увидел бабочек. Словно привет с того света.

— Тебе не могло показаться? — участливо спросила Таня.

— Все может быть, — криво усмехнувшись, пожал я плечами. — Я не ожидал увидеть на картинах мнемозину, потому что... Черт, ты сама все понимаешь.

Таня отодвинула нетронутую чашку в сторону и спросила:

— Это... ощущение... Не могло оно появиться потому, что ты был в доме Ксении?

— Я часто бываю в разных домах, — отрицательно покачал я головой. — В том числе и в тех, где недавно умерли люди. Но еще ни разу мертвецы не касались меня, если умерли своей смертью или в результате несчастного случая.

— Из этого ты сделал вывод, что Ксению убили? Или ты сделал такой вывод, осмотрев ее квартиру?

— Я подумал о том, что ее убили, до того, как попал в ее квартиру, — возразил я. — Или же она покончила с собой. И тогда возникает вопрос: почему она на это решилась?

Таня вздохнула и отвернулась к окну. Ее худые плечи тряслись.

— Ты хочешь узнать, что случилось с Ксенией? — спросила она тусклым голосом. — Или взялся за это дело, потому что Рокотов пообещал тебе помочь свести с Чигиным счеты?

— Не знаю, — честно ответил я.

Таня уговаривала остаться, но я не поддался, скомкано попрощался в дверях, выскочил на улицу к своей машине, завел двигатель и торопливо тронулся с места.

Домой я не поехал. У меня уже пару часов зудело под ложечкой неприятное, хорошо знакомое тягучее ощущение. В этот вечер меня ждали на другом конце города, а я не собирался противиться.

Через час я выехал в частный сектор. До этого, по доброй воле я приезжал сюда дважды, а в своей полицейской жизни не совался в этот район никогда, так как это был не мой участок, и смутно представлял, как живут тут простые смертные. Район был нехорошим. Горожане называли его «цыганским краем», хотя цыгане тут давно вывелись. Лет тридцать назад цыганские семьи и впрямь жили тут через дом друг от друга. Многие торговали наркотой — дешевым маковым сырцом, самопальной водкой, крадеными магнитолами. Цыганские детишки бегали по улицам, оглашая дворы гортанными резкими криками, или сопровождали своих родителей, которые на телегах мотались по округе, скупая пустую тару по дешевке. Но постепенно цыгане оказались вытесненными алкашами, что было равносильно чуду. Район хирел, городские власти старательно делали вид, что его вообще не существует. Теперь здесь жило всякое отребье. За небольшие деньги здесь можно было спрятать труп, купить дешевый наркотик, сваренный из моющих средств, а порой в сводках я читал, что на очередной свалке кто-то случайно находил изуродованные тела, брошенные разлагаться в куче мусора.

Это случилось после смерти моей семьи. Я пил, ходил на работу в полумертвом состоянии и, кажется, пытался работать. Начальство меня не трогало, поручая какую-то ерунду, и не особенно устраивало выволочки за незавершенные к сроку дела, а когда Базаров вызывал меня на ковер, я тупо глядел перед собой, не пытаюсь вслушиваться. Мне было все равно.

Женщина остановила меня на улице: обычная городская сумасшедшая лет пятидесяти, в ярком тряпье немыслимых расцветок, пудовыми бусами, разноцветными перьями во всклокоченных волосах и диким вульгар-

ным макияжем. Не знаю, почему я не выдернул руку, когда она схватила меня за локоть и развернула к себе. Усталые глаза старой сенбернарши глядели на меня с сочувствием из-под густо накрашенных фиолетовыми тенями век.

— Бедный мальчик, — сказала она бархатным голосом. — Сколько же в тебе боли.

Я стоял и молчал, чувствуя, как ее ладонь обжигает мою холодную кожу, и не двигался с места, а она гладила меня по руке и заглядывала в глаза, как когда-то мама, а затем потянула меня куда-то прочь от оживленной улицы. Меня прорвало, и я разрыдался, а затем наступила темнота. Спустя час я очнулся в кафе и обнаружил, что впервые за много лет с аппетитом ем и взахлеб рассказываю незнакомке, что работаю опером. Я болтал, как возбужденный первоклассник, впервые оставшийся рядом со стриптизершей. В ответ женщина рассказала, что ее зовут Вера Афанасьева, и она — городская шаманка.

Это меня ненадолго отрезвило. Я рассмеялся ей в лицо, но она не обиделась, даже когда я рассмеялся во второй раз и грубо сказал, что почему-то так и подумал, глядя на ее наряд.

— Запиши мой номер, Ванечка, — сказала она.

— Зачем? — усмехнулся я. — Я не нуждаюсь в танцах с бубном.

Я поманил официантку и заказал водки. Шаманка наблюдала за мной с плохо скрываемым сочувствием. Я ответил ей вызывающим взглядом, но пить почему-то постеснялся.

— Запиши, — настойчиво повторила Вера. — Даже если сейчас не нужно, потом, когда они придут, тебе неоткуда будет ждать помощи. В твои двери уже стучали, только ты раньше не слышал. Ну, ничего, теперь будешь, хочешь ты этого или нет.

Предсказание показалось мне смешным, и, чтобы отвязаться, я вынул сотовый и вбил в него номер, подписав так, как она попросила: Вера, городская шаманка. Она простилась и ушла, оставив меня в легком недоумении, но у меня тут же из головы вылетел не заданный вопрос: кто ко мне должен был прийти? Отупев от съеденного, я еще пару минут просидел за столиком, затем выпил рюмку водки, и тут же, зажав рот, побежал в туалет, где выbleвал весь обед. Тогда я с вялым удивлением понял, что шаманка, видимо, смогла что-то со мной сделать, поскольку желание напиться пропало и так и не вернулось вечером, когда я обычно напивался в хлам перед сном.

Наутро я пробил шаманку по номеру телефона, и когда до Базарова дошли слухи о моих запросах, он явился ко мне в кабинет, уселся на подоконник и спросил, чем я занимаюсь.

— Да вот, наткнулся на один интересный экземпляр человеческой природы, — рассмеялся я. — Подцепила меня какая-то шарлатанка, очнулся в сортире, мордой в толчке, и с тех пор не могу бухать. Не иначе, как она меня тайно закодировала.

— Афанасьева — не шарлатанка, — мягко возразил Базаров. — У нее действительно редкий дар, в том числе и поисковика. Мы ее даже привлекали пару раз к расследованиям. Оформляли как консультанта. Помнишь, прошлогоднее убийство двух семей в районе? У Новотроицкого, где бабы своим мужикам могилы рыли, а потом их рядышком же и положили? Мы тогда долго упырей этих искали, ведь никаких следов не осталось. А Афанасьева могилы нашла и на убийц указала. Так что я бы на твоём месте к ней отнесся посерьезнее. Вера... как бы тебе помягче сказать... Очень много чего видит... Да, она немного не от мира сего, и одевается, как Леди Гага, но ей, видите ли, так положено. И потом, какая разница, как одет человек, если он делает свое дело хорошо?

— Толь, ты вроде взрослый мужик, — скривился я. — Неужели ты на это ведешься? Какая она шаманка? По ней «дурка» вон плачет. Ей бы в санаторий на воды в Форж, как Атосу, нервишки подлечить.

— Не веришь? — усмехнулся Базаров.

— Не верю.

— Но бухать-то тебе больше не хочется?

Я промолчал. Сама мысль об алкоголе была противна. И в этом заключалась беда, поскольку на трезвую голову особенно четко представлялся табельный ПМ, прижатый к виску. Но мысли о самоубийстве были не самыми страшными. Я вдруг припомнил: да, было такое, ходили в отделе слухи о тайном осведомителе Базарова, связанном с оккультизмом, но эти слухи почему-то не высмеивали, а после раскрытия убийства сразу двух семей все детали дела окутались мрачной тайной, которую работавшие над делом следователи и опера не спешили открывать.

После разговора с Базаровым я впервые поехал к Вере. Она жила в цыганском краю, в маленьком покосившемся домике, врастающем в землю, как боровик. На заросшем травой огороде не было ни одной грядки, только в разваливающейся теплице умирали несколько кустиков чахлах помидор. Видимо, Вера не была огородницей. Меня она встретила без всякого удивления, а я, признаться, даже не нашел в себе сил поздороваться.

— Что-то не растет у тебя ничего, хозяйка, — холодно сказал я, махнув рукой на заросший огород. — Неурожайный год, что ли?

— Так здесь и не будет ничего расти, — спокойно ответила она. — Мне люди фрукты-овощи носят, так что нет смысла спину гнуть. Рядом со мной

никогда ничего не растет, кроме сора. А кабы и росло, есть это нельзя. Потому и не сажаю ничего.

— Я тоже так подумал, на тебя глядя, — грубо сказал я. — Рядом с тобой все живое умирает.

Вера помолчала, а затем без особых эмоций поинтересовалась:

— Ты меня обидеть приехал?

— Я пить больше не могу. Твоя работа?

— Так тебе столько и не надо, Ванечка, — ответила она хриплым прокурренным голосом и закашлялась. — Организм чистить надо, иначе загниешься через год. Вот я тебе немного и помогла.

— Я тебя не просил помогать, — зло ответил я. — Может, я бухаю, чтобы забыть, что жену с сыном под землей черви едят, а этот урод по земле ногами ходит? Может, я загнуться и хочу? Может, я сдох тогда, вместе с ними?

— Ты не потому пьешь, Ваня, — покачала головой Вера. — Ты бухаешь, потому что тебе страшно, так ведь? Потому как по трезвости ты их слышишь или даже видишь.

Я застыл, а затем с вызовом спросил:

— Кого я слышу?

Вера повела плечами и уставилась куда-то мне за плечо пустым, невидящим взглядом, от которого у меня мороз по коже пошел.

— Покойников, Ваня. Ты их всегда чувствовал. Наверное, у тебя на работе показатели по раскрываемости высокие. Ты ведь всегда знаешь, куда идти, что искать, кого хватать. Раньше ты на интуицию все списывал, а сейчас стало хуже, потому что стал понимать, и думаешь, что сходишь с ума. Поэтому ты пьешь. Иначе ни есть, ни спать не можешь. Входи в дом, Ваня. Там мы можем спокойно поговорить, без твоих провожатых.

Ее последние слова прозвучали странным высоким голосом, сложенным из криков и шепотов моей мертвой жены и сына, десятками незнакомых мертвецов, на чьи трупы я выезжал ежедневно. Я почувствовал, как ледяные пальцы скользят по моей шее, и вне себя от ужаса переступил порог дома шаманки, успев краешком сознания зацепиться за мысль, что вот в такой омут прыгают жертвы вампиров, неспособные устоять перед его зовом. Но, сделав шаг, я осознал, что Афанасьева права. Я ведь действительно их слышал.

Когда я добрался до пригорода, уже почти совсем стемнело. Лишь на западе небо еще сохраняло багровые оттенки заката. Хлопнув дверью машины, я торопливо закурил и пошел к дому, отмахиваясь от назойливых комаров, атаковавших меня, словно вражеские самолеты.

Вера, освещенная тусклым фонарем, нашлась в том жалком подобии огорода, которое могла себе позволить. Все, что ей удавалось вырастить, был редис и хрен, на которые почему-то не действовали древние заклятия, чем бы они ни были. Развалившись в старом шезлонге, она разглядывала покосившийся забор и черную собаку, пристально следившую за хозяйкой антрацитовыми глазами-бусинками. Дворняга приподнялась, настороженно глядя на меня, но затем равнодушно бухнулась обратно на землю, пару раз шевельнув хвостом для приличия.

— Привет, Ваня, — негромко произнесла она, а ее пустой взгляд уже шарил где-то у меня за плечом. Причина была мне хорошо известна.

— Я опять кого-то притащил? — осторожно поинтересовался я.

Вера медленно кивнула и завертела головой, пытаясь увидеть призрака. Ее лоб сморщился от напряжения, а острый подбородок взлетел вверх.

— Девушка, — неуверенно проговорила она. — Совсем юная, прозрачная. Какая-то быстрая недавняя смерть. Будто бы полет, а потом треск.

— Она из окна выпала, — сказал я. — И родные уверены, что не сама. Мне нужно с этим разобраться, Вера, потому что я тоже думаю, что это не самоубийство.

— Они все цепляются за тебя, Ванечка, — стылым, как осенний дождь, голосом произнесла Вера. — Все они летят к тебе, как мотыльки к свечке. Ты слышишь ее?

— Я ее чувствую, — тихо ответил я. — Это еще хуже. Когда вхожу в ее дом, то по коже словно лед стекает. И шепот, почти неразличимый, я ни слова не понимаю, да и никогда не понимал.

Вера стряхнула с себя оцепенение и неловко поднялась, цепляясь за мою руку.

— Пойдем, выпьем кофе. А она пусть тут остается, если захочет. Попробую разобраться, что к чему.

Я нерешительно обернулся, зная, что все равно ничего не увижу, и последовал за Верой. Призраки войти в ее дом не могли, во всяком случае, так утверждала хозяйка, и я принимал ее слова как должное, хотя бы потому, что мне и самому было бы неудобно думать, что покойники таскаются за мной, как привязанные веревочкой.

В кухоньке, такой же неопрятной, как и хозяйка, с натканными повсюду пучками сухих трав, повязанных по углам цветных веревочек и бусин разных размеров и цветов, пахло кофе и сеном. Вера быстро вымыла руки, вытерла их о грязную тряпку, которая заменяла посудное полотенце, приткнула меня в угол и стала варить кофе, бросая быстрые взгляды в окно.

— Стоит, — усмехнулась она. — Ждет. Кажется, так просто она не отвяжется. Я ее потом провожу, а то негоже это, когда неуспокоенная

душа мается. Еще сорока дней не прошло. Ей совсем худо, она даже некрещеная.

— Почему худо? — спросил я.

Вера ловко подняла турку, не позволив вскипевшему кофе перелиться через край, и вздохнула:

— Ее как самоубийцу должны были хоронить, за оградой кладбища. Но она не сама, уж поверь мне. Хотя попы службу заупокойную по девочке служить не стали.

— Ты можешь мне что-нибудь сказать?

— Я вижу дом, — тихо заговорила Вера странным, замогильным голосом. Зрачки под ее закрытыми веками беспокойно бегали. — Большой, богатый. Вижу молодого парня, тоненького, как эльф из сказки про Дюймовочку. У него длинные пальцы... Я вижу, как он хватает ее за горло, а еще я слышу крик...

Вера захлебнулась и запрокинула голову назад, словно потеряв сознание, но я, видевший эти приступы не впервые, не двинулся с места, ожидая, когда она еще что-то скажет. И спустя мгновение Вера произнесла чужим, до странности раздваивающимся голосом:

— Мнемозина...

Мнемозина... Это слово значило для меня гораздо больше, чем для других.

В юности Лена очень увлекалась чешуекрылыми, захлеб читала специальную литературу. Я, тогда еще студент юрфака, утащил из библиотеки отца книжку Аракчеева «В поисках Аполлона», которую в детстве пролистывал ради красивых натуралистичных фото природы. Бабочки на страницах книги покорили сердце моей будущей жены. Мне нравилось думать, что этот потрепанный том, подаренный мной на ее день рождения, выиграл у наборов косметики, шоколада и даже громадного, как лапоть, сотового телефона. Я почти не помнил тот вечер, напившись в хлам. Из памяти выскочило даже, как я, стоя на коленях, делал ей предложение.

— Ты знаешь, есть такая бабочка, Мнемозина, она очень редкая. Относится к семейству парнассиусов, — захлеб пересказывала она. — Ну, помнишь, в той книге она тоже есть, как раз аполлоны к этому же виду принадлежат. Мнемозина названа так в честь греческой богини. Ты знаешь, что Зевс восходил к ней на ложе целых девять ночей? Хочешь, я почитаю тебе о ней? Или лучше о бабочке... Стахов, ты в курсе, что мнемозина занесена в Красную книгу и даже просто увидеть ее — большая удача? Может, это свинство или даже преступление, но мне бы хотелось ее поймать, как птицу счастья. Или хотя бы раз увидеть...

А потом начались ссоры, упреки и обвинения, водка и женщины, о которых мне было стыдно вспоминать, и о которых она, конечно же, догадывалась, швыряя мне в лицо чашки и приборы.

Алтай был моим способом загладить вину, и Лена, как ни дулась, не смогла устоять. Мы тяжело перенесли дорогу, успев поругаться несколько раз, и на месте летнего лагеря в горах оказались злыми и надутыми, но все прошло, сбитое резкими порывами ветра, наполненного ароматами лесных трав. Прозрачный воздух, который можно было черпать ложкой, выдул из головы всю злобу и агрессию.

На одном из привалов я увидел белых бабочек. У меня не было сачка, и я, вспомнив о мечте жены, набил ими бутылку, наивно полагая, что изловил мифическую мнемозину. Этот романтический порыв разбился, когда я всучил подарок жене, получив в ответ лишь усталую снисходительность.

— Балда ты, — рассмеялась Лена. — Это не мнемозина, а боярышница. Вредная, кстати, бабочка. Но... все равно спасибо. Я тронута, честное слово...

Она смотрела, как наш сын бежит по полю, и его светлые волосы треплет ветер. И я смотрел вместе с ней. Бабочки с поломанными крыльями слабо трепыхались в бутылке, умирая на свету тающего солнца. Мы увезли бутылку домой и поставили на полку, как одно из самых счастливых воспоминаний. Мы еще были молоды, немного счастливы и еще любили друг друга. Но, увы, хэппи-энд не бывает. Мы опять начали ссориться, потом в городе появился маньяк, а в моей жизни — новая женщина, которая не устраивала скандалов.

В тот проклятый вечер, когда в моей квартире ждал убийца, я возвращался домой с твердым желанием сказать жене, что ухожу.

После убийства жены и сына тени, что иногда врывались в мои сны, обрели облик бабочек, бьющихся о стеклянные стены бутылки. Я слышу стрекот их крыльев и не могу заткнуть уши, потому что стеклянная бутылка — это моя голова, и они внутри, мои мечущиеся демоны...

Квартира Глеба Макарова находилась на самом верху продуваемой всеми ветрами стеклянной башни с видом на реку. Громадина в форме яйца Фаберже, словно высеченная из синего хрусталя, нависала над остальными домами со снисходительным превосходством. Макаровы не поскупились, выделив единственному сыну пентхаус, занимающий половину этажа. На что одному человеку такое помещение, я сказать затруднялся. Жили тут не самые бедные люди, и потому попасть в дом было бы сложно, так как охраняли вход не подслеповатые бабушки. К счастью, в хрустальной башне жил мой давний клиент. Вечером я позвонил ему на мобильный и напро-

сился на встречу по пустяковому вопросу. Отметившись на посту охраны, я поднялся на лифте на четвертый этаж, передал клиенту пару документов, выслушал дежурную благодарность и торопливо свернул в сторону лестницы. Несмотря на то, что дом был безумно дорогим, на камерах пожарных лестниц сэкономили. Я поднялся наверх, изрядно запыхавшись, вынул из кармана сотовый и, набрав номер, прохрипел в него всего одно слово:

— Давай...

Спустя мгновение лампочка над дверью погасла. Я выглянул в коридор. Света не было. Я торопливо выскользнул в коридор и подбежал к огромной двери, единственной на этаже. Не тратя время на звонок, вынул из портфеля механическую отмычку — устройство, напоминающее электродрель. Старые замки я еще мог вскрыть при помощи отмычек, но современные мне уже не давались, пришлось обращаться к старым знакомым, которые теперь были со мной по одну сторону баррикад. Устройство имело на конце зубец, выполнявший роль инструмента захватывающего и растягивающего. Я вставил его в замок и нажал на спуск. Последовало несколько громких щелчков, после чего замок открылся. Я проскользнул в квартиру и бесшумно прикрыл за собой дверь. При помощи нехитрых звонков мне удалось узнать, что квартира Глеба Макарова не поставлена на сигнализацию, что даже удивляло, хотя, бросив взгляд вокруг, я понял, почему — в квартире особо нечего было красть. Я мысленно перекрестился и принялся за поиски, не забыв натянуть матерчатые перчатки и разувшись.

Пространство пентхауса впечатляло, но помещение выглядело еще более стильным и уютным, чем квартира Ксении. По-настоящему оборудованными были лишь кухня и ванная. Я торопливо пощупал полотенца, провел пальцем по сверкающей поверхности ванны. Полотенце оказалось сухим, сантехникой не пользовались давно. Мусорная корзинка оказалась девственно чистой. В кухне меня также постигла неудача. В квартире Глеба кто-то навел порядок несколько дней назад. Мусор вынесли, холодильник отключили. Пластмассовое нутро гигантского агрегата было пустым и чистым. Я провел пальцем по глянцевой поверхности столешницы. Показалось, что в последний раз пыль тут вытирали дней пять назад.

Спальни, в том понимании, какое в него вкладывают нормальные люди, у Глеба не было. На полу валялся большой пружинный матрац, аккуратно застеленный бельем, на котором не было ни одной морщинки, на подушке лежало скрученной аккуратной трубочкой полотенце. Я усомнился, что Глеб заправил постель сам. От матраца веяло какой-то стерильностью, как в гостиничном номере. Большой кожаный диван в гостиной одиноко стоял посреди комнаты перед телевизором. На стене висел роутер, а вот ноутбук или компьютера не было. Два молодых современных человека и без

ноутбуков и Интернета? Чушь! Где-то должна была сохраняться их личная жизнь, переписка. Я подумал, что надо попросить у Рокотова телефон Ксении. Должен же он был остаться дома после ее смерти, если, конечно, она не была убита.

Все остальное пространство занимали картины, картины, картины, в рамах, без рам, написанные маслом, наброски карандашом и углем, законченные и начатые. Это были пейзажи, портреты, парочка натюрмортов. У меня не было времени анализировать их, поэтому я старательно фотографировал все, стараясь не пропускать. На парочке картин я увидел родителей Глеба: коренастый Сергей Макаров сидел в кресле, позади, в накинутой на плечи горжетке, стояла его супруга Наталья, все еще очень красивая, моложавая женщина. Думаю, сын слегка приукрасил действительность, но портрет был хорош, разве что от него немного отдавало какой-то пластиковой ненатуральностью, да и задвинут он был в дальний угол без всякого почтения. А вот на другом портрете родители Глеба выглядели иначе: это была совершенно фантазийная работа, в которой не сразу угадывались лица. Мне пришлось даже отойти на пару шагов, чтобы оценить масштабность и талант художника. Из ярких точек, клякс и брызг складывались два образа, переплетающихся друг с другом в ярком пламени.

На одном карандашном наброске явно был автопортрет: грустный юноша с большими оленьими глазами, длинными волосами и тонкими нервными пальцами. Я подумал, что мнение окружающих о Глебе вполне оправдано. Такой волоокий принц не способен убить, никто в это не поверит, и, если бы в моей практике не встречались убийцы с ангельскими лицами, я бы сам охотно встал на место защитников Глеба.

На одной картине, в той же технике, что и портрет родителей, была изображена незнакомая мне девушка. На трех я увидел Ксению. Два полотна запечатлели ее обнаженной.

Я раздвинул дверцы гардеробной и провел пальцем по полкам с одеждой. Ее было не много для такого обеспеченного парня. Глеб вел довольно аскетичный образ жизни, хотя в одном из чехлов я обнаружил смокинг. На плечиках висели несколько курток, пара ветровок. Я обшарил карманы, не нашел ничего и, разочарованный, уже собрался уходить, когда в последней ветровке мои пальцы провалились в дыру на подкладке кармана. Я отчаянно завертел там пальцами, нащупывая смятый бумажный комок. Это была квитанция на ремонт ноутбука. Глеб отдал его мастерам за два дня до гибели Ксении. Я хмыкнул и сунул находку в свой пиджак. Если о Макарове и можно было что-то узнать, то при помощи ноутбука это будет проще.

Из дома я выбрался прежним путем, не удосужившись запереть дверь. Надеюсь, что квартиру никто не обнесет. По моему сигналу в доме на мину-

ту вновь погас свет. Спустившись на четвертый этаж по лестнице, я перевел дух и вошел в лифт. В холле скупно кивнул охранникам и вышел на улицу. Телефон ожил, когда я был уже за два квартала от стеклянной башни.

— Иван Андреевич, наше вам с кисточкой, — насмешливо произнес знакомый баритон Кеша. — Форт Нокс пал?

— И тебе салам-пополам. Пал, Кеша, — в тон собеседнику ответил я. — Цены нет тебе.

— Да есть, Андреич, и ты ее прекрасно знаешь, — хохотнул Кеша и, по-серьезнев, добавил: — Я не только дом, но и серверную вырубил, как ты просил, так что на камерах в коридорах тебя не будет, если ты, конечно, не слишком долго там торчал. Шарманка не подвела?

Я покосился на портфель, в котором лежала механическая отмычка.

— Как по маслу сработала. Вечером завезу.

— Могу подарить, — лениво протянул Кеша. — Рад видеть, Иван Андреевич, что ты перешел на темную сторону.

— Идите в пень, Иннокентий, — посоветовал я. — Мы нарушаем закон исключительно в рамках приличия, исключительно ради благого дела, в отличие от вас.

— Гляди, начальник, коготок увязнет, всей птичке пропасть. Так что не увлекайся там взломами без моего чуткого руководства. А то амбец нагрянет незаметно, — хмыкнул Кеша и отключился.

Я сунул телефон в карман и подумал о превратностях судьбы. Кто бы мог предположить, что преступник, за которым прежде я гонялся несколько лет после трагедии, станет для меня кем-то вроде доверенного лица и даже друга? Я прекрасно знал, что по Иннокентию Сурикову давно плачет тюрьма. И после того, как его взяли на деле, я мог бы порадоваться. Но на тот момент я уже не служил в полиции, а единственным адвокатом, которого хотел видеть Кеша, почему-то стал я. И мне удалось то, за что раньше я ненавидел всю адвокатскую братию. Я развалил дело, добившись не просто условного наказания, а оправдательного приговора. После этого бывшие коллеги меня возненавидели, а Кеша в одночасье превратился в моего вечного должника, чем я беззастенчиво пользовался.

В мастерской мне отдали ноутбук Глеба без всякой борьбы, едва взглянув на квитанцию. Я уплатил по счету кругленькую сумму, пообещав не забыть включить ее в счет Рокотова.

— А что с ним было? — спросил я у техника.

Молодой парень еще раз взглянул на квитанцию и, лениво растягивая слова, ответил:

— Механические повреждения. Данные мы, как и было обещано, восстановили, они все на рабочем столе в отдельной папке, чтобы вы долго не искали, ну а пароль поставите заново.

— Все сохранилось? — уточнил я. — Там просто было много важного.

— Ну... Что смогли, то восстановили, может быть, и есть какие-то косяки, но большая часть точно на месте. А, и батарея там мертвая, зря вы отказались от замены, хотя, если вы ноут с собой не таскаете, это не принципиально.

Я поблагодарил парня и ушел. Не терпелось запустить ноутбук, но едва я сел в машину и включил компьютер, как экран, мигнув на прощание, погас. Техник не солгал, батарея ноутбука действительно скончалась. Надо было подождать до дома или офиса. Офис был ближе, поэтому, недолго думая, я направился туда. По дороге мой мобильный ожил.

— Иван Андреевич? Рокотов, — прогремел в динамике хриловатый бас. — Как наши дела? Есть сведения о Глебе?

— Пока никаких, — честно признался я. — Собираю информацию, но подступиться к Макаровым не так просто. Не хочется спугнуть его, если он хоть каким-то боком причастен к смерти Ксении. Вы знаете, были у них общие друзья?

Рокотов помолчал, затем протянул с сожалением:

— Нет, я ничего не знаю. Мне некогда было вникать в жизнь Ксюши. Работа, дела всякие, то да се, а Ксюша всегда росла бесппроблемным ребенком. Мне казалось, у нее все в порядке. Домой она подруг давно не приводила, наверное, со школы еще, у нас кроме Глеба никого не бывало. Она... была... совершенно не тусовочная девочка.

— Ее телефон вам отдали?

— Да, — ответил Рокотов. — Но он не работает, совсем разбит. Телефон был у нее в кармане, когда она... ну, вы понимаете.

Я понимал, и мне показался еще более странным несчастный случай. Я припомнил посмертные фото Ксении, одетой в спортивные серые штаны и маечку синего цвета. Допустим, она действительно не расставалась с телефоном ни на миг, но дома люди, как правило, не носят его с собой постоянно, и уж точно не полезут вешать шторы, удерживая его в руках. Телефон чаще всего где-то лежит. Разве что она слушала музыку? Или же телефон лежал в ее кармане, а когда она стояла на подоконнике, неожиданно зазвонил, девушка испугалась и вывалилась из окна. Очень притянуто за уши, но вполне возможно, если хочешь поскорее закрыть дело. Я решил внимательнее изучить отчет криминалиста. Вполне возможно, что такую деталь, как наушники, я пропустил. Или же наушники были беспроводными, и их не нашли.

— Я жду от вас известий в любое время дня и ночи, — напомнил о себе Рокотов. — У вас еще есть ко мне вопросы или, может быть, просьбы?

— Мне нужна выписка со всех счетов Ксении, — сказал я. — Кредитки, депозиты. Думаю, что эту информацию вы сможете получить раньше меня.

— Вы все получите в ближайшее время, — скупо пообещал Рокотов и отключился.

Мой офис располагался в старой части города. Штукатурка на доме давно облупилась, крыша подтекала, но, поскольку моя контора располагалась на первом этаже, меня это не волновало. К тому же у адвокатской конторы был отдельный вход, так что мои клиенты жильцов не беспокоили.

Клиенты редко приезжали ко мне в офис, а я старался все дела проворачивать в других местах, чтобы никого не смущать, но иногда здесь все же появлялись люди на дорогих машинах, которые с недоумением оглядывали средневековую разруху. Но меня это не волновало, точнее, почти не волновало, ведь от их толстых кошельков зависела моя зарплата.

Я остановился, заглушил мотор и вышел, захватив с собой папку и ноутбук Глеба.

Первое, что мне надо было проверить, — его почту и социальные сети, но здесь меня постигла та же неудача, что и в квартире. Ноутбук работал исправно, пароля не требовал, но после восстановления и переустановки системы все его настройки слетели, включая пароли, а файла, в котором бы Глеб держал их, ни на рабочем столе, ни в папке со старыми данными я не нашел. Мне нужен был хакер, который смог бы взломать ящик, но я даже не знал емэйла Глеба. Плюнув, я взялся за документы и фото.

Документов оказалось немного. В основном, рефераты и курсовые на тему искусства. Я отложил их в сторону, решив почитать при необходимости, коей пока не видел. В куче хлама единственным светлым пятном была папка с фотографиями, которую я с жадностью открыл.

Глеб и Ксения оказались самыми обычными современными людьми. Фото было много, любительских и профессиональных, сделанных хорошим объективом, тщательно обработанные в фотошопе. Большинство фотографий, так называемых селфи, явно были сделаны телефоном, на них пестрели дурацкие смайлики и подписи, и почти на каждой Глеб и Ксения обнимались и целовались, дурачились, не стесняясь случайных прохожих. Ксения не выглядела человеком, готовым совершить роковой прыжок, Глеб не казался тем, кто желает ей смерти.

Групповых фото оказалось немного, и два привлекли мое внимание.

На первом в кадре все так же целовались Ксения и Глеб, но позади, в расфокусе, находилась девушка, глядевшая на пару, насупив брови. На следую-

щем она стояла рядом с влюбленными, обнимая Глеба за талию и глядя ему прямо в глаза. Мне показалось, что в ее взгляде гораздо больше чувств, чем положено просто друзьям.

Я нашел в сети страничку Глеба, зашел в список друзей и приуныл: их было более трех тысяч. Страничка Ксении была закрыта для посетителей. Девушку с фото можно было искать долго, особенно, если она скрывалась под ничего не значащим никнэймом и аватарой с кошечкой или цветочком. Теоретически неизвестная могла быть общей знакомой Ксении и Глеба. Я хотел поискать их подругу, но в этот момент зазвонил сотовый. Экран высветил имя Игоря Соколова.

— Простите, что звоню, — всхлипнул он в трубку. — Отец меня совершенно измучил. Не знаю, куда деться от этой невыносимой заботы.

— Игорь, что вы как маленький, в самом деле, — рассердился я. — Мы выиграли процесс. Если он решит продолжать борьбу за ваши капиталы, то придется изрядно попотеть, доказывая вашу недееспособность. Вам даже в суд не надо будет приходиться, я справлюсь сам. Займитесь чем-нибудь, отвлекитесь. Попробуйте съездить отдохнуть, только не говорите ему куда.

— У меня загранпаспорта нет, — пробубнил Соколов-младший. — Отец отобрал его давным-давно.

— Мир не ограничивается заграничными странами. Вы вполне можете отдохнуть в родной стране. Езжайте в Крым, смените номер телефона и ни о чем не беспокойтесь.

— Я не могу, — жалобно произнес Игорь. — Я никогда не ездил один даже в соседний город. Я... боюсь. Отец прав, я ничего не умею.

— Вам все равно надо начинать жить без его опеки, — твердо проговорил я. — Самое время учиться. Но поскольку ситуация стрессовая, я все возьму на себя. Завтра мы вместе поедем в турагентство, я найду вам тур с «оллэнклюдзивом» в Сочи или Крыму, посажу в самолет, а там вас встретят в аэропорту и отвезут в санаторий. Несколько дней солнца и моря поставят на ноги любого невротика. Так что собирайте чемодан, я заеду за вами утром. И не слушайте отца, вам будет хорошо и без него. Познакомьтесь на пляже с новыми людьми, может, даже девушку с собой возьмете.

— Девушку, — мечтательно повторил Игорь, и на этот раз его тон мне не понравился, было в нем нечто нездоровое. Пассия Игоря все-таки не выдержала прессинга Соколова-старшего и бросила жениха, чем окончательно выбила его из колеи. Я решил сбить парня с грешных мыслей и торопливо спросил:

— Игорь, скажите, вы не были знакомы с Глебом Макаровым?

— С Глебкой? Почему не был? Я и сейчас с ним знаком. А что? С ним что-то случилось?

Мое предположение оказалось верным. Городские мажоры частенько пересекались на вечеринках и учебных заведениях, так что знакомство Соколова и Макарова было объяснимо. Мне нужен был хоть один человек, готовый рассказать что-нибудь о Макарове. Хорошо, что не пришлось ходить далеко. Но вываливать на Игоря свои заботы, когда у него и без того голова шла кругом, я не собирался и поспешил его успокоить:

— Нет, ничего, просто мне нужно с ним поговорить, а я не знаю, где его искать. А девушку Глеба вы знаете?

— Алиску-то?

— Алису? — Я напрягся. — Нет, Ксению.

— Почему Ксению? — удивился Игорь. — Он вроде с Алиской дружил. Во всяком случае, мне ее так представил. Но я могу что-то путать. Мы с Глебкой сильно не общались, сами понимаете, мне отец не разрешал всякие там веселья. А Глеб любит потусить. Мы случайно встретились, они как раз ехали куда-то в клуб.

— Как давно вы их видели? — небрежно спросил я.

— Ну... Еще до больницы, — смущенно признался Игорь. — До того, как папахен решил, что у меня шарики за ролики заехали. Значит, месяца четыре назад. Но я, правда, не помню, я же на таблетках сидел, может, ее как-то по-другому звали. Может, даже Ксения. Я просто помню, что ляпнул тогда, мол, Алиса в Стране Чудес. Хотя это могло присниться. Я тогда много... спал и не особо понимал, что сплю. Но если вы ищете Глеба, то спросите у родителей, он часто у них бывает. Только я не знаю, где они живут.

— Игорь, я вам сейчас сброшу фото, а вы мне скажете, эту девушку вы видели с Глебом или нет, — сказал я. — Не отходите от телефона.

Мне пришлось отключиться, чтобы сделать снимок прямо с монитора, на котором Глеба обнимали сразу две девушки, и отправить его Игорю через мессенджер. Спустя мгновение он перезвонил:

— Ну да, это она. Алиска. Или Ксения... Простите, я не помню, как ее звали, но сейчас... когда фото увидел, почему-то кажется, что все-таки Алиса.

— Игорь, на фото две девушки. Которую из них вы видели с Макаровым?

— Та, что справа, — ответил Игорь без малейшего колебания, а затем уже более осторожно добавил: — А что?

— Спасибо, вы мне очень помогли, — торопливо проговорил я и, отключившись, впился взглядом в фото, чувствуя, как под кожей иголочками пробежали азартные мураши.

Справа от Глеба стояла не Ксения.

Рокотов не подвел. Детализация счетов Ксении, а также ее звонков оказалась у меня по первому требованию. Получив пухлый конверт, в котором помимо расшифровок за последние полгода был солидный аванс, я уехал домой, где, завалившись на диван, начал разбираться в расходах погибшей девушки.

Два раза в месяц Ксения получала щедрый пай от отца. На эти деньги, по моему мнению, могла бы весьма комфортно существовать семья из четырех человек примерно полгода. Легкость, с которой Ксения получала деньги, и легкость, с которой она их спускала, раздражала. В списках значились магазины, салоны красоты, рестораны и кафе. Избалованная мажорка ни в чем себе не отказывала. Бегло пробежав взглядом длинный список, я потер усталые глаза, вооружился маркером и принялся вычеркивать расходы, не вызывающие у меня никакого интереса. Но кое-что привлекло внимание. Последние три месяца Ксения снимала с карточки наличные, причем довольно крупную сумму, почти все, что ей перечислял Рокотов, после чего около полумесяца, до очередного вливания на счет, жила довольно скромно, крупных покупок не делала, по барам не ходила.

Первое, что приходило в голову, версия с наркотиками, но результаты вскрытия мои предположения опровергали. Ксения не употребляла ничего, крепче травки, и даже если бы закупила ее на все деньги, потраченные налом, ей просто некуда было бы девать эту скирду, разве что она сама ею приторговывала. Куда более вероятной виделась версия с шантажом. Девочка натворила дел, несколько месяцев послушно платила, а затем отказалась, или аппетиты шантажиста выросли настолько, что она не смогла себе это позволить. А после отказа ее выбросили из окна.

Что же все-таки могла натворить девчонка семнадцати с небольшим лет, чтобы ее разводили на такие деньги? И почему не призналась в содеянном отцу, которому было достаточно щелкнуть пальцами, чтобы решить все ее проблемы?

Еще одна статья расходов, которая никак не вписывалась в обычный распорядок трат Ксении, это покупка билетов на поезд. Три недели назад Ксения вдруг сорвалась в соседний Красногорск, превратившийся в московский пригород, пробыла там полдня, и вернулась.

Что-то шевельнулось у меня в голове. Я схватил распечатку звонков и стал сверять с датами. Количество исходящих звонков три недели назад резко сократилось. Ксения вдруг почти перестала общаться с миром. Сосредоточившись на звонках, я обнаружил, что почти каждую пятницу на протяжении последнего полугодия Ксения становилась малообщительной, хотя каждый день трещала с друзьями и родственниками, как сорока. И каждую пятницу в графе ее расходов был вызов такси, после чего Ксения никому не

звонила. Я взял телефон, вошел в мобильное приложение и ввел туда адреса дома Ксении и дома ее родителей. Суммы не совпадали. Судя по ним, Ксения моталась куда-то далеко, за город. Я задумался.

Полгода, перед выходными, Ксения куда-то ездила на такси, где оставалась на вечер, затем возвращалась домой, при этом никому не звонила. Несколько месяцев она снимала крупную сумму денег, но три недели назад этого не сделала. Одновременно с этим компьютер Глеба получил механические повреждения.

Я покопался в кипе валяющихся на столе фотографий и выудил из них фото Макарова-младшего. Теперь, глядя в это тонкое лицо Дориана Грея, я уже не был уверен в его невинности. Факты говорили о ссоре, и даже о драке, в которой юные любовники швыряли друг в друга чем придется, круша мебель и компьютеры. Я мог легко представить, как тонкие пальцы этого рафинированного юноши впиваются в горло девушки, выталкивая ее из окна. Единственное, что никак не укладывалось в моей голове, так это причина. Но это не означало, что ее не было.

Я медленно поднимаюсь по грязной темной лестнице. Подошвы прилипают к полу, словно я ступаю по смоле. Каждый шаг дается все с большим трудом. Перила скользкие, по ним струится вязкая черная жижа.

Куда я иду? Что ищу?

Я поднимаюсь на два этажа, прежде чем увидеть длинный коридор с мерцающими люминесцентными лампами зеленоватого оттенка. Под ногами что-то хрустит и ломается. Мои ноги босы. Они кровоточат, но остановиться выше моих сил. Вокруг ламп мелькают тени: черные, белые. Это бабочки, которые обжигаются и падают, сгорая без остатка. Стены движутся, но это только иллюзия, рассеивающаяся после прикосновения. Они покрыты ковром из бабочек, впивающихся в пальцы острыми жалами. Я слышу шорох лапок, трущихся друг о друга крыльев, вижу тысячи крохотных черных глаз, в которых злоба и желание убивать.

Где-то вдали плачет ребенок, тихо поскуливая, как раненый щенок. Я ускоряю шаг. Коридор начинает вилять, загибаясь невыносимыми углами. Ребенок уже не хнычет: он плачет в голос, вскрикивая от боли или страха. Я бегу, но мои босые ноги погружаются в тягучую жижу, и я падаю, падаю, проваливаясь вниз...

Вот я в очередном коридоре. Плач не смолкает. Я бегу. Очередной поворот — и я почти врезаюсь в темную фигуру, которая держит на руках ребенка, булькающего и задыхающегося. Я не вижу лица мальчика, но знаю, кто это.

А еще я знаю его мучителя.

Его голова обрита, кожа лица изрыта оспинами и багровыми шрамами. Таким я видел его в последний раз, в камере, куда меня пропустили по большому благу коллеги. На тощем, почти тщедушном туловище с непропорционально длинными руками колыхается синяя тюремная роба с выжженным на груди номером. Губы растягиваются в плотоядной улыбке, обнажая синеватые пеньки гнилых зубов. Черные провалы глаз влажно поблескивают, по впалым щекам сочится сукровица, но она не красная, а почти черная.

— Ты помнишь меня, Стахов? — спрашивает монстр беззубым ртом. Холод пригибает меня к земле. Я цепенею от ужаса.

— Ты так хотел меня встретить, и вот встретил. Чего ты хочешь теперь? Мои зубы выбивают дробь. Я пытаюсь кричать, но выходит лишь хрип:

— Я хочу перегрызть твое горло! Хочу выколоть твои глаза! Вырвать язык и раздробить твои ребра! Я хочу, чтобы ты корчился от боли! Когда я доберусь до тебя, ты будешь умирать медленно... Я обязательно найду тебя!

— Нет, это я найду тебя. Ты хотел, чтобы я тебя нашел, ты сам вызвал меня, зажег во мне интерес к жизни. Как долго я ждал твоего призыва. Ты хотел, чтобы их не было. Вспомни свое желание освободиться за несколько часов до того, как я забрал их у тебя. Что ты чувствуешь теперь, когда их нет? Не чувствуешь ли ты свободу от оков? Тебе больше не нужно прятать свою похоть, не нужно отчитываться и объясняться. Я тебя освободил, высек из мрамора и вдохнул жизнь. Прояви уважение ко мне и поблагодари за избавление от пут.

— Ты сгоришь в аду, — обещаю я.

Чудовище испускает тройной вздох. За его спиной что-то трясется, колыхается в зыбком мареве.

— Я уже в аду. Я уже проклят. И это тоже свобода от заповедей и законов. Сбрось свои оковы, и ты поймешь, что быть грешником — не наказание, а награда. Приди ко мне, и я стану твоим мессией.

Чудовище начинает хохотать, а за его спиной раскрываются два крыла. Это мнемозина наизусть, не белая, а черная. Крылья трепещут, а затем складываются под неммыслимым углом, закрывая чудовище в угловатом домике. Спустя миг они вновь открываются, и теперь крылья — белые. Чудовище вновь держит на руках фигурку, но на этот раз — это девушка, которую я видел только на фото. Лаская ее кожу, монстр шепчет:

— Моя радость. Моя радость.

Девушка тянется к нему и целует в щеку. Ее глаза косятся в мою сторону, а губы кривятся, не то от смеха, не то от рыданий.

Стены трясутся от грохота, и чудовище вместе с его новой жертвой сметает волной бабочек. Этой же волной сметает и опрокидывает меня. Я падаю в пропасть...

И просыпаюсь.

За окном ночь. Телефон трясется на столе, подпрыгивая в истерике. Подслеповато щурясь, я хватаю его, морщась от яркого света экрана. На экране не лицо Веры.

— Ваня, он знает, — шепчет Вера. — Будь осторожен. Он знает, что ты за ним идешь. Его предупредили!

Татьяна позвонила мне и предложила встретиться. Мне не очень хотелось тащиться к ней домой, но оказалось, что она собиралась вылезти в кафе, что для нее было настоящим подвигом. В одиночку Таня редко совершала такие отважные поступки. Люди бурно реагировали на ее изуродованное лицо, тыкали пальцем, перешептывались, иногда откровенно грубили. Случаев, когда Таню просили покинуть какое-нибудь приличное заведение, насчитывалось немного лишь по той причине, что она редко позволяла себе подобные вылазки. В обществе немногих оставшихся друзей Таня старательно делала вид, что ее совершенно не заботят косые взгляды, в действительности же она долго приходила в себя и потому отваживалась на выход в свет не чаще одного-двух раз в месяц. Я подумал, что вполне мог помочь ей с социализацией, позвонил Иннокентию и предложил встретиться, чтобы тот смог забрать свои инструменты.

Иннокентий появился у меня за спиной в тот момент, когда я уже входил в кафе — небольшое, не пользующееся успехом, выживающее исключительно за счет спиртного. Хозяин — пузатый, бородатый Степан Коровин — частенько сам подавал заказы, экономя на официантах. На его кухне безраздельно властвовала повариха Тамара, обрюзгшая бабища неопределенного возраста, которая умудрялась испортить даже покупные пельмени. Мы познакомились еще в моей прошлой жизни. В кафе произошла поножовщина, Степану тоже досталось, залетный воришка, наркоман со стажем, попытался вычистить кассу, ударил ножом администратора, порезал выскочившего на шум Семена. «Закрыли» воришку быстро, он даже не успел потратить всех денег, коих, кстати, было немного. С тех пор Степан мне уважительно кланялся, периодически намекал, что не останется в долгу, если я помогу ему решить некие проблемы, но я предпочитал не связываться. Вот и сейчас при виде меня Коровин растянул губы в фальшивой улыбке:

— Привет, Иван, давно тебя не было видно. Поднакопил деньжат на нашу изысканную кухню?

Шутка была дежурной, приевшейся, совершенно не смешной. Я так же дежурно ответил, пожав его скользкую, холодную руку:

— Давно не мучился от гастрита, решил, что грех упускать такую возможность. Меня никто не спрашивал?

Коровин мотнул головой в угол и с презрением произнес:

— Ну... Твоя «меченая» сидит в уголке и потягивает пиво. Не хочу показаться невежливым, но ее фотокарточка не сильно способствует рекламе моего заведения. Если бы она хотя бы выбирала столик подальше от окон...

Он не договорил, захлебнувшись фразой, поскольку разглядел за моей спиной Иннокентия. Таня действительно сидела у окна, на виду у прохожих, и, к сожалению, находилась довольно близко, чтобы не услышать хозяина. Я оставил реплику Коровина без внимания. Ему и без того достанется. Коровин это понимал, поскольку заметно побледнел, а на лбу выступила испарина.

— Здравствуй, Иннокентий... Тебе как обычно? — проблеял он.

— Здравствуй, здравствуй, хрен мордастый, — пропел Кеша. — Кажется, тебе не нравится лицо нашей дорогой Танюши?

— Я сказал просто так, — торопливо ответил Степан, — и вовсе не собирался никого обижать, ты же понимаешь...

— А никто и не обиделся, — вмешалась Таня. — Во всяком случае, я — точно. — Она отхлебнула пиво и уставилась в окно, неуверенно изобразив равнодушие.

Кеша, тем не менее, не отступал.

— А я обиделся, — веско произнес он. — В цивилизованных странах это называлось бы дискриминацией. Я тут недавно слышал, что одна супермодель заставила хозяина кафе извиниться перед ее сестрой-дауном. Этот метод надо брать на вооружение. Ты не хочешь попросить прощения у Тани за то, что ее внешний вид не отвечает твоему представлению о прекрасном?

— Ради бога, Кеша, не превращай все в балаган! — взмолилась Таня.

— Погоди, я еще не услышал ответ. Так что?

Пот тек с Коровина градом. Он с ненавистью посмотрел на Кешу, но его голос прозвучал смиренно, словно на исповеди:

— Татьяна, простите, я вовсе не имел в виду ничего плохого.

— Извинения приняты, — резко сказала Таня. — А вы сядьте уже, если не хотите, чтобы я обиделась по-настоящему.

Будучи в курсе моих дел, Таня знала Иннокентия, иногда он даже заходил к ней и как-то предложил денег на пластическую операцию. Таня тогда отказалась из гордости, о чем, думаю, потом пожалела. Впрочем,

предложи Кеша деньги сейчас, вновь наткнулся бы на отказ. Иногда Таня бывает на удивление упрямой.

Кеша тут же потерял интерес к Коровину и сел, я устроился напротив, сжав под столом Танину руку, холодную и влажную. Кеша безжалостен, но я понимал, для чего он все это устроил. Представление было рассчитано не на Коровина, а на нашу спутницу, которой, по мнению Иннокентия, надо было учиться жить дальше. Но я не уверен, что методы Кеши подействовали на Таню благотворно, скорее всего, она бы больше не пришла в заведение Коровина. Пока она приходила в себя, я передал Кеше портфель с отмычкой:

— Вот твоя шарманка, она мне здорово помогла. Все прошло, как по маслу.

— Оставь себе, — отмахнулся приятель, взял со стола меню и зачем-то поглядел в него, хотя прекрасно знал, что кроме пива и чипсов тут ничего заказывать не стоит. — Узнал что-нибудь интересное?

— Пока нет, кроме того, что у Глеба Макарова, кажется, была еще одна подруга кроме Ксении, и зовут ее Алиса. Девицу надо найти и пообщаться. Может, она в курсе, куда он подевался.

— Еще одна девица? — делано изумился Кеша. — Боже, какая редкость в современном мире! Учитывая его состояние, точнее, состояние его папаша, на него должны были охотиться сотни девчонок. Думаешь, он залег у нее?

— Не уверен, — покачал я головой. — Он слишком хорошо спрятался. Вряд ли у него бы это получилось без помощи родителей. Они не выглядят озабоченными, мать уж точно, а до отца мне добраться не удалось. Макаровы явно знают, где их чадо, слишком уж спокойны. Рокотов уверяет, что Макаровы не хотят общаться на тему сына, все контакты между ними прервались. Я пробовал поговорить с Макаровой, но...

— Тебя вышвырнули вон? — догадался Кеша.

— Ты на удивление прозорлив, — скривившись, ответил я.

— Я могу поискать девчонку, — вмешалась Таня. — У меня уйма свободного времени. Ты знаешь, как она выглядит?

Я достал из кармана телефон и переслал обоим фото, запечатлевшее Глеба, Ксению и Алису. Кеша едва взглянул на экран, а Таня разглядывала фото внимательно, не попытавшись уточнить, которая из девушек меня интересует, из чего я сделал вывод, что она уже знала, как выглядела дочь Рокотова.

— М-да, я бы не сказала, что она красотка, хотя... если смыть с девочки эту готическую маску, снять пирсинг, была бы вполне миленькой. Этот образ девушки с татуировкой дракона ей совсем не идет. Алиса Ксении

заметно проигрывает. Давай, я поищу ее среди друзей Глеба и Ксении. Наверняка она есть в соцсетях. Там ты ее еще не смотрел?

— Хотел, но времени не было, — покачал я головой. — Удивительно, но у Ксении якобы совершенно нет подруг, так считают ее родители. Сказать что-то о Глебе я вообще ничего пока не могу. Пошел бы в институт, поговорил бы со студентами, но пока у меня нет такой возможности.

— Я могу и это сделать, — предложила Таня.

— Тань, я не хочу тебя напрягать, у тебя своей работы хватает.

— Стахов, я тебя умоляю! — закатила она глаза. — Эту работу делаю левой ногой за пару часов, а потом дохну от тоски. Лучше скажи, чем ты собираешься заняться сам?

— Я бы припер к стенке прислугу. Не стоит их недооценивать. Горничные знают гораздо больше, чем говорят, особенно учитывая оговорку этой Лели. Думаю, что она была равнодушна к Глебу. Она назвала его «мальчиком», но при этом ни разу не назвала «девочкой» Ксению. Завтра узнаю, где она трудилась раньше.

Кеша махнул рукой, и Степан торопливо принес еще пива и чипсов. Дождавшись, пока тот уйдет, Кеша наклонился над столом и, понизив голос, вкрадчиво спросил:

— Это все, конечно, замечательно, но меня вот другое волнует. Тебя не царапнуло, что Рокотов так уверенно пообещал сдать тебе Чигина?

— Что ты имеешь в виду?

— То, что тебя можно было подцепить на блесну только таким способом, и ты повелся, — пояснил Кеша. — Откуда у Рокотова сведения о Чигине? Что он вообще знает о нем и о том, что случилось с твоей семьей два года назад? Ты не думаешь, что он берет тебя на понт? Ты выполнишь всю работу, а он в итоге скажет: пардонте, мусью Стахов, но я ничего не знаю про маньячелло Чигина, идите с вашими запросами туда, откуда пришли — вон!

— Была такая мысль, но меня совсем другое волнует. После побега Чигин как в воду канул. И не всплыл до сих пор, несмотря на то в федеральном розыске. Предположим, что с больничкой ему повезло, но дальше-то что?

— Уже два года прошло, а мы ничего не слышали о новых жертвах. Он мог где-нибудь сдохнуть, — жестко произнесла Таня и со стуком поставила свой стакан на стол. — Я бы очень этого хотела.

— Угу, сдохнуть. Или научился очень хорошо прятать трупы, — мрачно предрек Кеша.

— За что я вас люблю, дорогие мои, так это за безудержный оптимизм, — вздохнул я.

— Мы стараемся, Ванечка, — утешила меня Таня, а Кеша прыснул, а потом заржал в голос, заставив Степана, хлопотавшего у стойки, поморщиться. Хохот Кеши заразил и нас, и спустя мгновение мы тоже смеялись, пока слезы не полились из глаз, а каменная жаба, сидящая у меня на сердце, не спрыгнула, оставив скользкие отпечатки перепончатых лап.

Телефон бывшего охранника Ксении не отвечал. Сообщения в мессенджерах оказывались прочитанными, но безответными. Андрей Сухоруков не желал со мной общаться. Мне это надоело. Я, конечно, предполагал, что охранник мог оказаться где-то в другом городе, но на всякий случай воспользовался своими былыми связями, чтобы запеленговать телефон. Сигнал устойчиво пульсировал в загородном поселке, который еще только начал превращаться в модное место богатых дачников. Особняки воздвигали неподалеку от Истры, на другом берегу. Пара звонков — и я знал, что в поселке на улице Кленовой постоянно была прописана некая Мария Павловна Сухорукова, 1951 года рождения. Я не поверил в совпадения и направился навестить почтенную мадам.

Дом Сухоруковых оказался скромным пятистенком, выкрашенным в зеленый цвет. За крышей переливалась река, окруженная раскидистыми ивами. Двор окружал забор из рабицы, за ним я увидел битый «лексус», в котором грохотали басы, почти заглушая резкие удары топора и стук разлетающихся поленьев, и мужскую спину, вздымающую и опускающую колун.

Было здесь что-то еще... Непонятное, неприятное. Опасное. Холодное, как лед.

Я несколько раз стукнул кулаком в ворота. Мужчина, еще совсем молодой, оглянулся, и на его лице промелькнуло что-то непонятное, вроде раздражения, с которым он быстро справился, и даже неудачно попытался изобразить улыбку, однако колун остался в его руках. Хозяин или знал, кто я, или догадывался, поскольку никакого удивления на лице не появилось.

— Здрасьте, — сказал он. — Чем могу помочь?

— Добрый день. Вы — Андрей Сухоруков?

— Точно так. А вы...

— Я — адвокат Иван Стахов, — представился я, вновь не заметив удивления. — Я вам звонил несколько раз. Вы не возражаете, если я задам несколько вопросов?

— Ну... Задавайте, если надо. Вы меня, наверное, не помните. Когда-то вы приходили к нам в универ, рассказывали про службу в органах.

Такое в моей биографии, действительно было. Начальство отправляло нас на юридические факультеты, где мы долго и неубедительно агитировали молодежь вступить в ряды полицейских.

— И что, я вас не вдохновил? — поинтересовался я.

— Ну, как видите, — развел руками Сухоруков. — Я со скрипом учился, чуть не вылетел, куда мне было в следаки или опера идти, а на дороге палочкой размахивать и подавно не хотелось. Проходите во двор, в дом не приглашаю, у меня там мама болеет. Чаю хотите? Или пива?

Напрягать Сухорукова не хотелось. Двор вызывал какое-то смутное беспокойство, что-то зудело у меня в затылке, словно его сверлил настойчивый взгляд. Я незаметно потер ладонь кончиками пальцев. Они были холодны, как лед.

— Спасибо, ничего не надо. Мама ваша давно болеет? — спросил я, стараясь незаметно оглянуться. Ах, как бы мне не помешала сейчас помощь Веры... Она видела мертвых, я же мог только чувствовать нутром, что здесь, в этом тихом месте, кто-то умер не своей смертью, и его могила еще совсем свежа.

— Да с месяца уже. С ногами какая-то беда, варикоз, а потом еще и свалилась на улице, ходить совсем не может, мне даже с работы пришлось уволиться. Совсем плоха стала, когда отец... того...

Я облизал высохшие губы.

— Ваш отец недавно умер?

— Да, — неохотно признался Сухоруков. — А вы по какому вопросу? Из-за Ксении Олеговны?

Я кивнул и вновь огляделся, но ощущение не менялось. Покойник, если он присутствовал в этом месте, упорно ходил за моей спиной. Я тряхнул головой.

— Рокотов вам недостаточно платил для того, чтобы нанять сиделку?

— Рокотов... — Андрей пожал плечами. — Да я его видел несколько раз всего, когда за Ксенией Олеговной заезжал да отчитывался. Не думаю, что он вникал, сколько я зарабатываю, а попросить прибавки я не отваживался. Ставка у меня обычная, как у всех, кто непосредственно доступа к телу шефа не имеет. Когда меня поставили Ксению охранять, я обрадовался, думал, зарплату повысят, только недолго лафа длилась. Она от охраны отказалась, да еще в такой форме, будто я в чем-то был виноват. А тут отец умер, мама заболела. Я отпуск взял без содержания на первое время, а дальше... Ну, вы знаете. Меня даже в Москве не было, когда у Рокотовых все случилось. После смерти Ксении я сунулся обратно, а меня уволили, как оказалось. Фионов сказал: нет к тебе доверия, не заметил, что девчонка к самоубийству готовилась. Только как я мог это заметить?

— Фионов считал, что Ксения покончила с собой?

— Ему менты так сказали, — хмуро произнес Сухоруков и вдруг вскинулся: — А что? Это не так? Хотя... Вы бы, наверное, сюда не приехали. Неужели ее грохнули?

— Если так, то кто мог это сделать? — ушел я от ответа. — Фионов вас не расспрашивал?

— Ну... Говорил. Но так, вскользь. Он больше за себя переживал, потому что в тот момент в больнице оказался, мог шефу под горячую руку попасть и с работы вылететь. Благо Рокотов понимал, что от аппендицита прививок не бывает, и от него не убережешься. В общем, Фионов на работе остался, а меня вот турнули. Хоть рекомендации нормальные написали, и то хорошо. Хотя это все равно несправедливо. Прямо как рок какой-то.

— Скажите, после вашего ухода Ксению никто не охранял?

— Нет. Точнее, я не в курсе. Парни говорили, что к ней никого так и не приставили.

— Вы не замечали, она ссорилась с кем-нибудь, пока вы ее охраняли?

— Нет, — помотал головой Андрей. — Да и не с кем было. Я же с лета этим стал заниматься, у нее каникулы. Она дома сидела или с Глебом Макаровым где-то шаталась. Ксения вообще не особо общительна... была. Меня поначалу не замечала, словно я мебель, а потом вдруг будто с катушек съехала, потребовала, чтобы я перестал за ней ходить. Визжала, ногами топала, «стукачом» обозвала. Ну, Олег Юрьевич меня и снял с наблюдения. Иногда только просил съездить за ней куда-нибудь.

Я насторожился. Рокотов явно знал больше, чем хотел показать. Что-то в поведении или окружении дочери ему не понравилось, если он захотел отправить с девушкой сопровождающего. Или же он начал бояться за дочь? Я мысленно сделал зарубку спросить об этом своего нанимателя.

— Олег Юрьевич просил вас за ней... наблюдать? То есть вы не просто сопровождали Ксению по магазинам или клубам? — уточнил я.

— Поначалу я и то, и это делал. Потом только сопровождал.

— О перемещениях Ксении вы докладывали лично Рокотову или Фионову?

— Олегу Юрьевичу, — не раздумывая, ответил Андрей.

Я расспросил его об отношениях Ксении и Глеба, но тут он не смог сказать ничего интригующего. Обычная влюбленная пара, встречались, гуляли вместе. Затем я уточнил, как к Ксении относились родители Глеба, встречались ли они вообще. Злобный взгляд Натальи Макаровой и ее неприкрытая ярость не давали мне покоя.

— Знаете, по-моему, Ксения с Натальей Александровной поссорилась, — неохотно произнес Андрей. — Где-то месяц назад они столкнулись в арт-галерее, Глеб там картины выставлял. Ну, конечно, все пришли, и Макаровы, и Рокотовы. Наталья Александровна опрокинула на Ксению вино, причем не случайно, специально плеснула, я видел, а Ксения в белом платье была. И еще сказала что-то, только я не услышал. Глеб

долго с матерью разговаривал, красный был от злости, а Наталья Александровна ему велела оставить Ксению и больше никогда не встречаться с ней. Он, конечно, не послушал. Но они все равно потом поссорились.

— Поссорились? Из-за чего?

— Не знаю. Я заехал за Ксенией Олеговной с утра, она велела отвезти ее в торговый центр, хотела компьютер купить. Я поднялся в квартиру, а там — бардак. Я ее спросил, что случилось, она мне и ответила, сухо так, мол, с любимым повздорила. Я больше с расспросами не лез. А через пару дней она истерику закатила и велела за ней больше не ездить. Ну а потом у меня отец умер и мама заболела.

— Причины ссоры вы, конечно, не знаете?

— Не знаю, но они в последнее время часто ссорились. В последний раз — из-за матери.

— Из-за той сцены на выставке?

— Нет, — покачал головой Андрей, — я неправильно выразился. До того они ругались из-за матери Ксении. Она ездила к ней в Красногорск, причем умудрилась смяться так, что я не заметил. Олег Юрьевич очень сердился, потом сам в Красногорск поехал, общался со Светланой Игоревной.

— Когда это было? — спросил я.

— Ровно за неделю до смерти Ксении, в пятницу, потому что в выходные я уехал к маме и больше не работал. Я еще удивился: у Рокотовых в доме о первой жене Олега Юрьевича ничего хорошего не говорили. Даже Фионов считал ее... извините... конченной.

— Почему? — удивился я.

— Она же запойная, — развел руками Андрей и помрачнел. — Алкаш в семье — это всегда беда, мне ли не знать, даже если пьет мужик. А тут женщина, мать! Разве это нормально? Пьющая баба отдает родную дочь на воспитание отчиму, и сама десять лет даже не пытается с ней увидеться.

— Простите... Что вы сказали? Какому отчиму?

— В смысле — к какому? — удивленно поднял брови Андрей. — Олегу Юрьевичу. Вы не знали, что он не ее родной отец?

— Понятия не имел.

— Ох... — Андрей выглядел сконфуженным. — Рокотов мне башку оторвет... Хотя вы же для дела спрашиваете... В принципе, это вся обслуга знала, так что я вам ничего не говорил, ладно? Короче, Светлана Игоревна залетела от кого-то, толком даже не известно, от кого, хотя на тот момент была за Рокотовым замужем. Он долго дочь считал своей, пока Ксения не заболела и ей кровь не потребовалась. Ну, там и оказалось, что группа не совпадает. Скандал был до потолка, но Рокотов от Ксении не

отказался, считал ее родной дочерью и к себе забрал, когда Светлана Игоревна чертей гонять начала. Он жену в психушку отправил, лечил долго, но не помогло. Тогда он развелся и сумел дочь отсудить, пусть и не родную. А Светлана Игоревна дома у Рокотовых не появлялась... Правда, один раз приезжала к Ксении домой, не знаю даже, откуда адрес узнала, пьяная была в хлам. Ее консьерж пускать не хотел, но она как-то прорвалась, только дочь ее не пустила. А через месяц Ксения поехала в Красногорск. Наверное, все-таки оттаяла. Какая-никакая, все-таки мать.

— Интересно... А вы случайно не знаете подругу Ксении? Ее, кажется, зовут Алиса.

— Снежинская?

— Возможно. Брюнетка с пирсингом.

— Ну, другой Алисы среди знакомых Ксении я не знал. Снежинская с ней учится. Судя по описанию, она.

— Что вы можете о ней сказать?

— Да ничего такого, — отмахнулся Андрей и скривился: — Чмошница какая-то. Вся в цепях и пирсинге, ее б отмыть и причесать, глядишь, и можно взглянуть без отвращения. К Ксении она все время липла, а та не сильно ее привечала. Так, поди, подай, принеси, спихивала барахло старое, но я ни разу не видел, чтобы Алиса тряпки Ксении надевала.

— Адрес ее знаете?

— Конечно. Как-то отвозил до дома.

Я записал адрес Алисы Снежинской, задал еще пару вопросов и, не зная, что еще можно выжать из бывшего охранника, попрощался. Зудящий взгляд мертвых глаз провожал меня до ворот, вымораживая спину злостью и могильным льдом. Андрей проводил меня до машины и там, помявшись, все-таки отважился повторить свой вопрос:

— Скажите, как вы считаете, Ксению Олеговну все-таки убили?

— Не знаю, Андрей, — вздохнув, ответил я. — Все возможно. Мог это сделать, например, Глеб?

— В тихом омуте, сами знаете... Ни от кого не ждешь плохого, даже если это какой-то близкий человек. А тут посторонний. Мне показалось, что в последние дни он изменил свое отношение к Ксении. По-моему, Глеб ее возненавидел. Только непонятно, за что?

Меня этот вопрос тоже занимал. Мы попрощались с Андреем, и я уехал. Неприятный взгляд, которым меня пронзали на участке Сухоруковых, исчез сразу, как только моя машина скрылась за поворотом. Не вытерпев, я позвонил бывшим коллегам и попросил навести справки. Уже через полчаса я узнал, что отец Сухорукова повесился по пьяной лавочке месяц назад прямо во дворе, на суку яблони.

Ощущение сверлящего взгляда вновь появилось, когда я плотно завяз в пробке. Именно в тот момент вновь почувствовал, как затылок прожигает чужой взгляд, но на сей раз ощущения были иными. Интерес живого человека никогда не спутаешь с взглядом мертвеца, и сейчас меня разглядывал живой. Но понять, в какой машине находится вероятный соглядатай, было нереально. Я уже начал клевать носом, когда резкий перелив телефонного звонка заставил меня вздрогнуть. Предчувствие тяжелой наковальной ухнуло мне в желудок. Подсознательно ожидая неприятностей, я поднес трубку к уху, но того, что услышал по ту сторону, никак не мог ожидать.

— Скучал по мне, Стахов?

Этот мяукающий хрипловатый голос я бы не перепутал ни с каким другим. В последний раз я слышал его в зарешеченной камере психиатрической больницы, куда заключенных переводили после освидетельствования психиатра. К моей ярости, этого человека всерьез считали неспособным отвечать за свои поступки.

Мне потребовалось тогда применить весь свой дар убеждения, чтобы врач впустил меня к нему, под клятвенное обещание ничего не делать с пациентом. Он боялся Андрея Чигина так же, как большинство когда-то общавшихся с ним людей.

Мне тогда пришлось сдержать обещание, и Чигина я не убил, о чем потом горько сожалел. Сейчас, услышав его вкрадчивый голос, я вспомнил, как выл, сидя на полу, под его речи о предназначении, слепом жребии, мессии и его воплощении на земле. И еще смех. Тихое хихиканье безумца. Такое же, как сейчас, когда я обливался холодным потом в своей машине. Трубка едва не хрустнула под моими пальцами. Я сглотнул и грубо рявкнул:

— Что тебе надо?

— Мне? Просто поболтать со старым знакомым. Совершенно другой вопрос, что надо тебе? Птичка на хвосте принесла, что ты вновь меня разыскиваешь.

— Я никогда не прекращал тебя искать, урод, и рано или поздно найду!

— Не ори, Стахов, иначе я положу трубку и больше не позвоню, — жестко произнес маньяк. — А тебе ведь хочется со мной поговорить, верно? Скажи, Ваня, как ты отреагировал, когда тебе пообещали меня сдать? Почему поверил, что это не развод?

— С чего ты взял, что я тебе отвечу? — холодно ответил я.

— С того, что я, мил человек, знаю, где ты, а вот ты не знаешь, где я, и это может продолжаться очень долго. Слышал, как мудрые люди говорят: предупрежден, значит, вооружен. Так что очень скоро мы с тобой встретимся.

— Буду ждать с нетерпением, — ответил я.

— Ой ли? — хохотнул Чигин. — Мы ведь уже встречались, Стахов, помнишь? И тогда счет был три-ноль в мою пользу... Ну, хорошо, три-один, учитывая, что ты меня потом все же взял. Но в этот раз тебе так не повезет.

— Скажи, где ты, и мы сравняем счет, — процедил я сквозь зубы.

— Бедный Стахов, ты же везде и всюду опаздываешь. И в этот раз тоже опоздаешь. А я подожду, мне торопиться некуда. После камеры и психушки каждый день на воле воспринимаешь как праздник, а руки занимаются любимым делом. Ты же знаешь, чем я люблю заниматься. Да, я опять в игре. Чтобы выйти в дамки, нужно лишь немного постараться, включить мозги, стать умнее. Изменить почерк. Замести следы. Выбрать жертву. Ты же, бывший мент Стахов, беспомощен против меня, совершенно беспомощен! Все, что тебе остается, это бегать за собственным хвостом, как собачонке. Ты и есть собачонка, глупая, дрессированная легавая, и никогда не будешь равен волку.

— Ты не волк, — прошипел я. — Ты — гиена. Падальщик. Упырь. Откуда у тебя мой номер?

— Сколько экспрессии. Сколько вопросов, — рассмеялся Чигин. — Давай лучше поговорим о другом, Стахов, о твоей жене и сыне. Ты уже перестал слышать по ночам их крики? Или ты никогда их не слышал?

— Я тебя убью! Ты меня понял? Я! Тебя! Убью! — заорал я, перестав сдерживаться. Слезы катились по лицу, из соседней машины с недоумением и страхом косились на безумца, орущего в трубку и долбящего ладонями по рулю, но мне было все равно.

— Да понял, понял. Ты меня убьешь. Или я тебя, да, Стахов? Ты теперь по улицам ходи и оглядывайся. Я начеку и доберусь до всех, кого ты еще любишь. Вот тогда мы поговорим по-другому.

— Пошел ты!.. — выкрикнул я и отбросил телефон на соседнее сиденье, как ядовитую змею.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя, и когда я смог взять себя в руки, мне привиделась Ксения Рокотова. Ее окружала тьма, наполненная черными бабочками. Тогда мне стало ясно, что я должен попытаться довести дело до конца и выведать тайну ее смерти. Это спасло бы нас обоих от жадных объятий темноты.

Вытерев потное лицо рукавом, я вновь потянулся к телефону. Чигин знал об обещании Рокотова, и, увы, он действительно мог добраться до тех, кто еще был мне дорог, куда быстрее, чем я нашел бы его и сдавил горло пальцами, чтобы выжать жизнь досуха. Мне не удалось защитить жену с ребенком, и они расстались с жизнью. Возможно, это было заблуждение, но я верил, что искуплю свою вину перед ними, если отправлю Чи-

гина на тот свет. Варианты на законное возмездие я даже не рассматривал. Чудовище должно было сдохнуть.

Телефон моей сестры Надежды долго не отвечал, и я уже был готов сорваться с места и мчаться к ней через весь город, когда она, наконец, сняла трубку, недовольно пробурчав:

— Ну, чего? Я работаю, Вань, мне отчет сдавать через два дня...

Каменная жаба, что сидела у меня на сердце, спрыгнула с недовольным кваканьем. Я не сразу смог ответить и закашлялся.

— Ванька?

— Надя, бери маму и уезжай из города, — просипел я.

Она помолчала, а затем осторожно спросила:

— Что-то серьезное?

— Он звонил, Надька! Ты понимаешь? Он мне звонил! Он знает, что я его ищу, и он знает о вас! Я не уберегу вас тут один! Христом Богом молю — уезжайте прямо сейчас!

Надя помолчала мгновение, а потом громко воскликнула:

— Мы же маму напугаем... Когда это все кончится, Вань?

Мне хотелось сказать, что скоро, но я не мог, поэтому просто отключил телефон. Я полагался на сестру, как на самого себя, и прекрасно понимал, что через час она вихрем ворвется в квартиру мамы, пошвыряет вещи в чемодан и умчится в неизвестность. Главное, чтобы Чигин не добрался до них первым. Я вытер ладонью мокрое лицо и позвонил Кеше. Мне очень хотелось узнать, откуда мне только что звонили, а он мог узнать об этом гораздо быстрее бывших коллег.

Тем же вечером я отправился на поиски Алисы Снежинской. Таня и Кеша сделали всю работу за меня, откопав через социальные сети и фото, и локации девушки, которая вела поразительно однообразную жизнь. Каждый вечер Алиса приходила в кафе на набережной и, судя по фото, в которых читались тоска и одиночество, занимала один и тот же столик у окна. На тщательно отретушированных снимках из инстаграма почти всегда виднелась река, одна чашка с чаем или кофе, искусственный цветочек в вазочке, и почти одно и то же время. Поразительная пунктуальность Алисы была объяснима: на другом берегу красовалось хрустальное яйцо многоэтажки, в которой проживал Глеб.

Жила Алиса неподалеку, так что не найдя ее в кафе, я мог наведаться домой. Я прибавил газу, поскольку время уже поджимало.

Сверлящее чувство слезки не исчезало. Переехав мост, я засек за собой хвост: черный «лендкрузер», в котором сидели двое мужчин в черных

костюмах. Они держались за две машины от меня, прибавляя скорость, едва я ускорялся, и притормаживая, стоило мне сбросить скорость. Номера машин мне ничего не сказали, но я на всякий случай автоматически запомнил их, решив попозже пробить по своим старым каналам. Оба мужчины были поразительно похожи: казенные стрижки, очки, каменное выражение лиц, обоим слегка за тридцать. «Вели» меня довольно грубо, не будь я так обеспокоен звонком Чигина, срисовал бы их гораздо раньше, к тому же только идиот устроил бы слежку в «лендкрузере». Вариантов, кто это мог быть, я насчитал несколько, но пока решил не торопиться с выводами.

Попетляв немного по городу, я убедился, что зудящее чувство слежки исчезло, «хвосты» меня потеряли. Если бы они снова появились, не заметить их я не мог, их джип маячил на дороге, как бельмо на глазу.

Ехать домой к Алисе не пришлось. Она в одиночестве сидела в кафе, уныло помешивая ложечкой ромашковый чай, на блюде лежало пирожное с жирной кремовой розочкой. Выглядела Алиса неважно. Готический наряд подчеркивал ее полноту, старя лет на десять, а кричащий макияж удивительно не шел ее пухлощекому лицу, обрамленному выкрашенными в фиолетово-черный цвет волосами. Весь ее облик был неопрятным, жалким и каким-то искусственным. Когда она заметила мое присутствие, то нерешительно улыбнулась, словно раздумывая, не пригласить ли за свой столик, но я ее опередил, сделав шаг вперед:

— Алиса?

Она тряхнула головой, а в ее густо накрашенных глазах с осыпающимися черными тенями мелькнуло подобие страха.

— Мы знакомы? — настороженно спросила она и нерешительно огляделась, словно намереваясь позвать на помощь. Я вынул из кармана визитку и протянул ей.

— Меня зовут Иван Стахов, я адвокат. Мы могли бы поговорить?

Алиса с опаской взяла визитку, взглянула и, слегка успокоившись, дернула плечами:

— Ну... Вообще-то я немного... А о чем?

— О смерти вашей подруги Ксении Рокотовой. Вы ведь дружили?

Она не испугалась, но упоминание о Ксении, как мне показалось, разозлило ее. Я без приглашения уселся напротив и приветливо улыбнулся. Алиса посмотрела на меня с кривой ухмылкой и с деланным равнодушием произнесла:

— Да не особо. Так, общались... Редко. Она у меня конспекты списывала, потому что прогуливала часто. Что мне было делать рядом с ней? Она — богачка, а я так, девочка с окраины, пролетарий.

— Тем не менее, вы учились в престижном вузе, — заметил я.

— И что? — вызывающе воскликнула Алиса. — Если я выгляжу как гот, то я дебильная? Не судите по первому впечатлению, господин адвокат. Я — бюджетница, таких тут мало, но есть. Школу, между прочим, с золотой медалью окончила, ЕГЭ сдала лучше всех, вот и проскочила. А выгляжу так, потому что это мое состояние души. Ксюха не из таких. Она внешне — незабудка, а на самом деле...

— А на самом деле? — быстро спросил я.

Алису спасла официантка, не вовремя подошедшая с меню. Я, не глядя, попросил кофе, но этой паузы Алисе хватило, чтобы замкнуться и уйти в себя. Девушка уставилась в окно, старательно игнорируя меня. Через пару минут я не выдержал, вынул из кармана фото, где неизвестный фотограф запечатлел ее в компании Глеба и Ксении, и сунул Алисе под нос. Она нервно поежилась и скосила на меня глаза:

— Откуда у вас фото?

— Выходит, вы все-таки проводили время вместе? И родители Ксении видели вас у нее дома. Для человека, который редко и без особой охоты общался с Ксенией, у вас подозрительно много совместных фото, глядите, вот еще...

Таня и Кеша постарались на славу, отправив мне на сотовый кучу снимков из аккаунта Алисы. Везде она была либо с Ксенией, либо с Глебом, которого просто пожирала влюбленным взглядом, либо на снимках они находились втроем.

— Ну, иногда бывало, — фыркнула девушка, заправляя прядь волос за ухо. — Это с университетской тусы фото, первокурсники боевое крещение проходили, посвящение и все такое, ну а мы их традиционно унижали. Сами когда-то через это прошли. Мне два года назад на башке сорок куриных яиц разбили, я вся в желтке была, уговаривала себя, что это для волос полезно. Голова потом два дня болела. Ксюше полегче было. Она всего-то набухалась из ведра и блевала в уголке остаток вечера.

В голосе Алисы плескался целый коктейль из зависти, ревности, нелюбви. И, тем не менее, она предпочитала проводить время с заклятой подругой, что позволяло находиться поближе к Глебу. Это читалось невооруженным глазом. Первому встречному Алиса вываливала ворох информации, не удосужившись даже убедиться, что перед ней действительно адвокат, а не враг. Это наводило на мысль, что она не подозревала о насильственной смерти Ксении, и я сбавил обороты.

— Как, по-вашему, у Ксении была причина для самоубийства?

— Почем мне знать? Может, и была, — с вызовом ответила Алиса. — Богатенькие вечно себе придумывают причины для тоски: то кокс разбав-

ленный, то жемчуг мелкий. Ей бы хоть месяцок пожить, как мне, в общежитии, с тараканами, в комнате на четверых.

— Вы не похожи на девушку, живущую в общежитии.

— Я год как там не живу. А раньше жила. Хлебнула по полной. А насчет причин самоубийства помочь не могу, Ксюша со мной не откровенничала.

— А Глеб?

— Что — Глеб? — насторожилась Алиса.

— Он тоже с вами не откровенничал?

Глаза Алисы забегали, и она, повысив голос, начала частить, эмоционально тряся головой:

— Нет, не откровенничал! С чего бы ему вообще со мной разговаривать? Кто я такая? Глеб ее парнем был, и, между прочим, не единственным. Ксюша ангелочком не была, только Глеб в упор этого не видел. Она параллельно крутила с Пашкой Буймовым, а Глеб и не замечал. Может, она спрыгнула, потому что Глеб вовремя разглядел в ней змею? Мне почему знать? Ничего я не знаю!

— Алиса, вы не кричите так, на нас люди смотрят, — поморщился я. — Лучше скажите, кто такой этот Буймов?

— Наша звезда и надежда, — с отвращением ответила она срывающимся голосом. — Боксер, причем хороший, он кубок Москвы выиграл в прошлом году, в США собирается. Весь курс знал об их отношениях, кроме Глеба, но он слишком чистый для того, чтобы к нему липло всякое дерьмо. А ей это только и нужно было.

— Значит, она изменяла Глебу?

— Да постоянно. Только не говорите мне, что о мертвых только хорошее... Я не плохое говорю, а как есть. Все об этом знали — кроме Глеба. Но, видно, у него тоже глаза открылись, и потому он решил ее бросить.

— Откуда вы знаете?

— Да не знаю, так, предполагаю. Какая еще могла быть причина?

— Подруги у Ксении были?

— По-моему, никого, во всяком случае, в универе с ней никто близко не сходил. Со мной она еще более-менее общалась, но порой хотелось двинуть ей по зубам, очень уж зазнавалась. Никогда не забывала указать мне на мое место.

— И что это было за место?

Алиса горько усмехнулась.

— А то вы не догадываетесь? — горько усмехнулась Алиса. — Прислужницы. Горничной. Верной подлизы.

— Чего же вы терпели? — удивился я. — Никто ведь вас не неволил. Можно было уйти.

— Ну... Можно было. Я сначала как-то втянулась, а потом и не выбе-
решься. Но, в итоге, разобралась и ограничила контакты. Ну... Почти.

— Глеб с вами так же поступал? — спросил я.

— Нет, он совсем другой, — с придыханием ответила она, и в ее голосе
прорезались нотки нежности, смешанной с восторгом. — Он художник,
и очень талантливый. Вы видели его картины?

— Видел. На многих Ксения. Кажется, он ее очень любил, — поспешил
я окатить Алису холодной водой, но не тут-то было.

— Да просто она не стеснялась позировать, времени-то до фи́га сво-
бодного, — презрительно фыркнула она. — Ну и, чего скрывать, она кра-
сивая... была. Фея просто. Я бы очень хотела получить портрет от Глеба.
Только простым смертным это не светит.

— Скажите, а вы знаете, где сейчас Глеб?

— Понятия не имею, — резко ответила Алиса.

— Неужели? Как его девушка вы просто обязаны поддерживать с ним
связь. А мне всего-то хочется у него кое-что уточнить.

— Представьте себе! И я не его девушка! — запальчиво воскликнула
Алиса, а затем, прищурившись, спросила с подозрением: — А на кого вы
вообще работаете? Кто вас нанял, чтобы задавать вопросы о Ксюхе и Гле-
бе? Или вас только Глеб интересует?

Я развел руками.

— На этот вопрос я вам ответить не могу, клиент обязал меня не рас-
крывать секреты, — развел я руками.

— Вот и идите вы со своими секретами куда подальше! — разъярилась
Алиса и поднялась.

— Еще один вопрос, — схватил я ее за руку. — В день смерти Ксении
вы были у нее дома?

— Нет! — зло бросила Алиса и вырвала руку. — Я вообще редко к ней
заходила, разве что в особняк Рокотовых, давно еще, а во время кани-
кул — никогда. В ее квартире я всего раз была или два.

— А у Глеба?

— Отстаньте от меня, господин адвокат! — воскликнула Алиса. — Я уже
сказала, что не приходила к Ксюхе. И у Глеба не была... И вообще... Мне
пора.

Она ринулась к дверям, зацепилась за стул и опрокинула его, рассыпав
содержимое сумочки по полу. Я бросился на помощь, незаметно сунув в
сумку датчик слежения. Алиса вырвала сумку у меня из рук и побежала к
дверям.

— Вы чай не допили! — крикнул я вслед, но она даже не оглянулась.

Приятель Ксении Павел Буймов меня разочаровал. Как свидетель он оказался совершенно бесполезен. На момент убийства Ксении он оказался единственным, имеющим прочное алиби. Павел выступал на чемпионате по боксу в Китае и даже занял там какое-то место. Со мной он поговорил по телефону, занудно и неуклюже пытаюсь выведать кровавые подробности смерти Ксении, но ничем конкретным не порадовал.

Поговорив с ним, я поехал к себе в офис. По дороге завяз в пробке и, поскольку делать было нечего, влез в сеть, попытавшись поискать в криминальной хронике сведения об убийствах молодых женщин, схожих с убийствами, совершаемыми Чигиным. Просмотрел все, что нашел, но быстро понял, что в этом ворохе новостей из Интернета отыскать нужную публикацию, все равно что искать иголку в стоге сена, особенно, если этой иголки там нет. Тем временем пробка стала рассасываться, и я двинулся вперед, решив в очередной раз заглянуть к своему бывшему шефу и сообщить о появлении Чигина.

Мне не нравился его звонок. Разумеется, он знал, что я не прекращу его поиски, но идти на такую откровенную игру до моего последнего дела не решался. И хотя я не менял номер телефона, сомнительно, что он имелся в открытом доступе. Это для своих жертв Чигин был кровавым убийцей, в реальной жизни он имел весьма ограниченные возможности. В совпадения мне не верилось. Кто-то должен был накачать его, чтобы маньяк захотел пообщаться со мной, подогрев интерес к делу Ксении Рокотовой.

Войдя в свой кабинет, я торопливо открыл окна, впустив в комнату струю свежего воздуха. Дверь оставалась открытой, копаясь в шкафу с бумагами, я не сразу понял, что в кабинете уже не один.

Гостями оказались мои недавние преследователи. Я был несколько раздосадован, но не тем, что они вот так запросто вошли ко мне в офис, а что совершенно не подумал о собственной безопасности. Если два этих громилы без труда застали меня врасплох, Чигин тоже может это сделать. Пауза затягивалась, пока один из них, у кого на лице было чуть больше интеллекта, не выступил вперед.

— Как жизнь? — поинтересовался он.

Второй двинулся по комнате, с интересом разглядывая стоящие на полках разноцветные гроссбухи, словно ожидая увидеть в них знакомые буквы. Улыбочка на его лице не предвещала ничего хорошего.

— Пока отлично, — ответил я. — Я бы предложил вам кофе, но моя секретарша в отпуске. Поэтому просто спрошу, чего вам надо, господа хорошие?

«Интеллектуал» сделал шаг вперед и изрек:

— Не суйся, куда тебя не просят. Серьезные люди не хотят, чтобы ты лез к ним со своими вшивыми расспросами об их детях.

Я улыбнулся про себя — теперь их наниматель был ясен. Но предпочел уточнить, хотя бы для того, чтобы потянуть время:

— Кого конкретно вы имеете в виду?

— Ты дурачка-то из себя не строй, — скривился громила. — Ты, может, меня и не помнишь, а я вот тебя знаю, и знаю, что ты из себя представляешь. Так что еще раз говорю: не суйся к Макаровым.

— Спасибо за совет. — Я собирался обойти громилу и предложить им убраться, но его приятель толкнул меня назад к столу пятерней размером с лопату.

— Это был не совет, — возразил главный и указал большим пальцем на своего дружка. — И чтоб тебе стало понятнее, мы тебя слегка покалечим. Жить останешься, а вот на пианино играть — вряд ли.

— Какая неприятность, — вздохнул я. — Только я — арфист.

По всем статьям мне не светило узнать реакцию на свой ответ, потому что второй убрал с лица дурацкую ухмылку и ринулся мимо главного ко мне с недвусмысленным намерением схватить за горло. Для своей комплекции он сделал быстрый выпад, но все же оказался недостаточно проворным. Я вскинул ногу и двинул его каблуком в левое колено. Послышался характерный хруст. Он словно споткнулся, скривившись от боли, а затем вильнул в сторону и осел.

Главный бросился на помощь приятелю. Правда, скорости ему не хватало, да и драться в костюме, сковывающем движения, было не с руки, но мне все равно пришлось несладко, и пару раз серьезно прилетело по почкам, а потом в челюсть. Теперь я не нападаю, а лишь защищаюсь, закрываясь локтями, но в дело вмешался второй, и мои шансы оказались почти нулевыми.

Меня измолотили, как боксерскую грушу и бросили на пол, пока я харкал кровью и выплевывал ее на линолеум.

— Мы тебя предупредили, — сказал главный. — В следующий раз такими добренькими не будем. Окажешься рядом с Макаровыми, тебе конец, усек?

Они расценили мое мычание, как согласие. На самом деле я желал им сдохнуть. Кровь на полу напомнила мне другую ночь, когда в моем доме появился Андрей Чигин с ножом в руках. Теперь меня так же мутило, а красный отсвет в глазах очень походил на пламя. Фото Лены и Артема валялось на полу, засыпанное битым стеклом, и я протянул к ним руку, коснувшись окровавленными пальцами любимых лиц...

Моему сыну в следующем году исполнилось бы семь.

Я стал слышать мертвецов. Тогда, после случившегося... Не знаю, что сломалось в моей голове. Может, я так отчаянно хотел извиниться.

Андрей Александрович Чигин, 1976 года рождения, не женат, военно-обязанный, под наблюдением психиатра не состоял. Наркотики не употреблял. Почти не пил. Родственников не имеет. Оказался в детском доме вместе с сестрой после смерти родителей, запойных алкоголиков. Работал путейцем на железной дороге, затем перешел в торговые агенты, ездил по городу на старой машине, предлагал товары народного потребления. Скучная, убогая жизнь.

В своих поездках он высматривал жертву, каждый раз новую. В общей сложности Чигин убил шесть женщин, включая мою жену Елену. Таня Алдолина была предпоследней, на кого он напал, и умудрилась выжить.

Мой бывший шеф, который повидал на своем веку всякое, так и не смог объяснить, чем руководствовался Чигин, выбирая очередную жертву. Все они были разными, не похожими друг на друга: блондинки, брюнетки, средних лет и совсем молодые. Что заставляло переключать тот тумблер в его мозгах? Я задал этот вопрос Чигину, когда пришел к нему в психушку, и услышал только издевательский хохот. Думаю, он просто не видел в них людей, и потому страдания для этой мрази, покрытой багровыми шрамами от угрей, ничего не значили. В его темном мире существовал только он.

Я вспоминал разговор с Базаровым после того, как он вытащил меня из очередного запоя, когда я, мятый, раздавленный, валялся дома перед телевизором и смотрел всякую муть. Шеф заставил меня подняться, чуть ли не пинком отправил в душ и терпеливо ждал, пока я, злой, с красными от спиртного глазами, одеваюсь в самое чистое из того, что нашлось дома. Мы зашли в пивную, где взяли по бутылке пива и какую-то рыбу, сухую, колючую. Базаров сделал пару глотков, провел пальцем по запотевшей бутылке, оставляя на стекле четкую дорожку, и заговорил:

— Сейчас только в Москве серийных убийц-маньяков — не меньше двухсот, а может, и больше! А что самое ужасное — двоих из десяти никогда не возьмут с поличным, потому что эти твари хитрые! В мое время было проще, а сейчас они насмотрелись фильмов, начитались книг, и их хрен выловишь! Знаешь, кто они? Большая часть — забитые, задерганные мужики, которые не могут себя реализовать в жизни и вымещают бешенство на слабых. И никто на них не подумает именно потому, что они — убожества. Я бы мог тебе сказать, что в мое время такого не было, но это чушь. Было. Всегда были овцы, и всегда были волки. Двадцать, тридцать лет на-

зад их было так же тяжело искать и ловить, укладываться в голове, что человек на такое способен. Но сейчас — совсем другое дело. Мы стали друг другу чужими, отдалились, спрятались за гаджетами-хренаджетами, телефонами и дверными «глазками». И когда появляются эти уроды со своими ножами и бритвами, мы делаем вид, что не слышим. А они тоже обновляются. Их инстинкты острее наших, иногда у них даже больше возможностей. Они уже умеют убивать и почти не оставляют следов, несмотря на все наши технические приспособления, анализы и экспертизы. Потому что мы — глупы, и те люди, которых они убивают, — глупы, потому что не хотят понимать происходящего.

— Хочешь сказать, что мои жена и сын были глупы? — спросил я в тихой ярости.

— Ну, конечно. И они, и ты. И все наше общество, которое считает, что выродков можно лечить. Только бешеных псов не лечат, Вань, их отстреливают. И я надеюсь, что мы рано или поздно найдем Чигина. — Базаров помолчал, а потом, наклонившись над столом, тихо произнес: — Если ты найдешь его первым, стреляй. И не думай о последствиях. Считай это моей индульгенцией. Главное, не дай ему подойти со спины. Они, это шакалье поганое, страсть как любят нападать сзади, когда ты совсем не ждешь. Очень им это нравится.

Несмотря на нападение, я отправился в суд, где произошло нечто странное. Мое разбитое лицо, которое я безуспешно пытался привести в порядок при помощи старого тюбика тонального крема и пластыря, произвело удивительное впечатление и на судью, и на моего оппонента. Истцы начали нервничать, несли откровенную чушь. Судья, видя, как дергается противная сторона, вдруг переменил свое мнение и неожиданно вынес решение в нашу пользу, отчего мой клиент обалдел и в коридоре долго тряс мне руку. Я поспешил охладить его пыл, предупредив, что будет еще кассация, но невероятный успех так восхитил моего клиента, что он ничего не стал слушать, потащил меня в магазин, где купил самую дорогую бутылку коньяка и всучил мне со словами, что теперь будет меня всюду рекомендовать.

Из суда я без предупреждения поехал к Рокотовым. Мне хотелось застать их врасплох и побеседовать, хотя на откровенность я уже не надеялся. Мои наниматели не хотели открывать свои секреты, а мне нужно было знать, каких тайн я не могу касаться.

Дверь открыла Леля и слегка сжала губы, увидев мое лицо. Мне показалось, что она или собиралась уходить, или только что вошла, поскольку униформы на ней не было.

— Вас ожидают? — спросила она вместо приветствия. Голос звучал неприветливо.

— У меня нет времени согласовывать свои визиты, — невежливо ответил я. — Так что будьте любезны, сообщите о моем приходе.

— Хозяев нет, — отрубил Леля.

— Тогда я сяду вот тут на ступени и подожду их прихода, — парировал я. — Или, может быть, вы пустите меня внутрь? Кстати, ваш шеф велел звонить в любое время дня и ночи, если мне потребуется помощь или возникнут вопросы.

— И что?

— И они возникли.

— Я доложу, — скупно сказала она и вновь бросила на мое лицо беглый взгляд. — Порезались, когда брились?

— Бандитский удар.

Леля хмыкнула и, оставив меня в холле и не предложив выпить, вышла. Видимо, любезность на служащих не распространялась. Я покачался с носков на пятки и огляделся по сторонам. В доме было тихо, только где-то наверху играла музыка, что-то этническое, с флейтами и барабанами. На винтажном секретере стояла женская сумочка, удивительно подходящая под наряд Лели. Недолго думая, я сунул в нее нос и выудил сотовый, но проверить его содержимое не успел: на лестнице послышались шаги. Я сунул телефон в карман и, дождавшись возвращения Лели, последовал за ней.

В кабинете меня встретила Лара, облаченная в шелковое кимоно. Хозяйка дома выглядела удивительно хорошо и, похоже, прекрасно это понимала. Несмотря на то, что часы не пробили полдень, у Лары была свежая укладка и умело наложенный макияж. Она тоже удивленно вскинула брови, заметив мое покореженное лицо.

— Господи, Иван, что с вами случилось? — воскликнула она, позабыв поздороваться. Я вежливо улыбнулся.

— Ничего особенного. Издержки профессии. Иногда нас бьют. А господин Рокотов...

— Мужа нет дома, — развела руками Лара. — Присаживайтесь. Может, я могу вам помочь?

— На самом деле я хотел поговорить с вами, если вы не против.

— Почему я должна быть против? — пожала плечами Лара. — Вы же нам помогаете. Присаживайтесь. Хотите выпить?

— Спасибо, я за рулем.

— А я, пожалуй, выпью, хотя для коньяка еще рановато, но после смерти Ксюши мне плохо спится... Леля, будьте добры... Знаете, стараюсь

пить днем, пока муж не видит, хотя мне ужасно стыдно. Олег плохо относится к пьющим женщинам.

— С чего такая неприязнь? — спросил я.

— Бросьте, Иван, вы же прекрасно знаете, что мать Ксении пила. Собственно, они поэтому и развелись. Пьянство Светланы доконало Олега, на суде, при разводе, именно это и склонило чашу весов в пользу мужа, потому Ксения и осталась с ним. Судья посчитала, что пьющая мать — позор в семье.

— По-моему, это печально, — тактично сказал я. — А Светлана часто виделась с дочерью?

— Да почти никогда. Не то, чтобы мы запрещали... Она сама не особо хотела, да и Ксюша к биологической маман интереса не проявляла. Она же знала причину развода, все помнила. После разрыва с Олегом Света кинулась во все тяжкие. Она и при муже откалывала такие номера, что он со стыда сгорал, чуть ли не под заборами находили ее пьяную, пока девочка сидела одна дома. Пару раз Олег запирали ее в клинике, лечил, но... зря. Вот он и решил — зачем мучиться, на кой ему этот крест? После развода Светлана еще пыталась как-то держать себя в руках, приезжала к дочери, а потом... — Лара обреченно махнула рукой.

— Что? — насторожился я.

— Вышла замуж, — зло усмехнулась она. — Как будто это могло удержать ее от тяги к спиртному. Смешно, но теперь она — баронесса. Мы с Олегом дико хохотали, когда узнали об этом. Ее муж — какой-то вшивый баронет из древнего немецкого рода, без денег, естественно. Титул, это все, что у него есть. Титул и герб. Но на приемах Светлана теперь представляется именно как баронесса Фюрстенберг. Смешно. На светских раутах за глаза ее зовут Светлана Фюрер. Она ходит на приемы в качестве бездомной собачки, надеется, что удастся выгрызти кусочек из жирного бока зазевавшегося мецената. Она какое-то время издавала журнал о светской жизни, но ничего в этом не смыслила. По-моему, ее обворовывали все, кому не лень. Ну и работали с ней только бездари и неудачники. Естественно, журнал обанкротился. Элита знала, какой жалкой жизнью живет Светлана. Ее очень быстро перестали куда-то звать.

— Ксения недавно виделась с матерью, вы не в курсе?

— Не знаю, не думаю. Ксюша никогда о ней не говорила. По-моему, она относилась к Светлане равнодушно. Когда они разводились, Ксюше было пять лет. Девочку вырастила я, хотя мамой она никогда меня не называла.

— А как же она к вам относилась?

— О, я ждала этого вопроса, — фыркнула Лара. — Вы предсказуемы, Иван. Признаться, я думала, что вы начнете гнуть линию злой мачехи и бедной сиротки еще при первой нашей встрече. Но уверяю вас, для нашей семьи это не актуально. Я любила Ксению.

— А она вас?

Лара мрачно уставилась в окно и глухо произнесла:

— Мне трудно ответить. Я ее не раздражала. Пожалуй, мы были в хороших отношениях, даже приятельских, но вряд ли она воспринимала меня как мать. Скорее как старшую сестру. В конфликтах с отцом я старалась не принимать ничью из сторон.

Я насторожился и спросил:

— Она часто конфликтовала с Олегом Юрьевичем?

Лара вновь пожала плечами. Этот разговор сплошь состоял из пожатий плечами.

— Как все подростки. Хочу то, хочу это. Он ее не особо ограничивал, но иногда приходилось говорить «нет». Мы даже поругались с Олегом накануне ее смерти.

— Из-за чего?

— Он решил купить ей спорткар. Моей машине уже три года, а он вдруг решил подарить машину дочери, у которой и водительских прав не было. Только не надо думать, что я настолько обиделась на Ксюшу из-за машины, что вытолкнула ее из окна. Просто это было... неприятно. Но я ни слова ему не сказала.

Я помялся и, глядя Ларе прямо в глаза, спросил, стараясь, чтобы в моем голосе прозвучало как можно больше понимания:

— Вы обиделись на мужа из-за машины, потому что он подарил ее не вам, а девочке, которая ему даже не родная дочь?

Лара откинулась на спинку кресла и бросила на меня злобный взгляд, но потом злость испарилась, и она ответила тусклым голосом:

— Я же говорила: надо было сразу вам об этом рассказать, а иначе получается как в скверной мелодраме, когда слой за слоем снимается грязное белье... Только в этом нет ничего зазорного. Ксюша действительно не биологическая дочь Олега, но для него это не имело значения. Можете не поверить, но существуют мужчины, которые любят и чужих детей. Олег из таких.

— А своего отца девочка знала?

— Ха! Если бы его знала ее мамаша! — рассмеялась Лара, но ее смех был насквозь фальшивым. — Никто не знал отца Ксюши. Так бывает, когда пьешь без меры.

— Ксения забрала машину? — спросил я.

— Нет. Она стоит у нас в гараже. По-моему, она ее даже не видела.

— Лариса, скажите... — начал я, но она решительно прервала меня:

— Лара. Зовите меня Лара. В имени Лариса есть что-то... босяцкое.

— Хорошо. Лара... Вы знаете подругу Ксении по имени Алиса?

— Мы уже говорили, что Ксения редко приводила к нам друзей, но сейчас припоминаю, что пару раз заставала у нас девицу с каким-то идиотским пирсингом в ноздре и шарящим взглядом. Кажется, ее звали Алиса, но не могу поручиться. Это было примерно полгода назад.

— Посмотрите на фото. Это она?

Лара уставилась на экран моего телефона и кивнула:

— Да, я уверена, что видела ее. Она имеет какое-то отношение к смерти Ксении?

Я предпочел не ответить, сунул телефон обратно в карман и спросил:

— Вам отдали ее компьютер?

— Компьютер? — удивилась Лара. — Отдали? Кто нам должен был его отдать?

— В квартире не было ноутбука, планшета или какого-то другого устройства, — пояснил я. — Неужели у Ксении не было ничего, кроме телефона?

— В квартире нет ноутбука? Странно. Он у нее точно был. Возможно, его забрали полицейские. Я спрошу Олега.

— Давайте поговорим о Глебе, — предложил я. — Знакомые с ним говорят, что он довольно инфантилен и совершенно не способен на убийство. Как думаете вы?

— Если бы не смерть Ксении, я бы согласилась, — кивнула Лара. — Он вполне ей подходил. Мы даже рассматривали его как будущего зятя. По своему темпераменту Ксюша была гораздо живее, ярче. Она его подавляла. Думаю, Глеб был ведомым в их паре. Но иногда и марионетки бунтуют. Если Глеб действительно виновен, что могло там произойти кроме банальной ссоры или несчастного случая?.. Нет, я не уверена, что он намеренно убил Ксюшу. Могу допустить, что это была трагическая случайность или несчастный случай, после которого мальчик просто испугался...

Я напрягся. Где-то совсем недавно я слышал это определение. Кто-то точно так же назвал Глеба мальчиком, и это неприятно резануло мой слух. А затем я вспомнил и автоматически сунул руку в карман, где лежал украденный телефон. Лара молча смотрела на меня, затем, наклонившись так, что в вырезе кимоно мелькнула ее роскошная грудь, произнесла вкрадчивым голосом:

— Я могу у вас кое о чем спросить?

— Да, конечно.

— Вы ведь не женаты, Иван?

— Я вдовец, — ответил я.

— О, простите... — с сочувствием, которого наверняка не испытывала, проговорила она. — Я не собиралась беречь ваши раны, но... вам не бывает одиноко?

— Почему вас это интересует? — тихо спросил я, глядя ей в глаза.

Лара достойно выдержала мой взгляд, а в ее глазах я прочел понятный каждому мужчине призыв.

— Я часто чувствую, что одинока, и, как все, хочу немного тепла и заботы. Десять, пятнадцать лет назад я бы никогда не поверила, что золотая клетка действительно может тяготить. Мне совершенно нечем заняться. Я не знаю, куда себя деть.

— Займитесь благотворительностью, — посоветовал я почти грубо. — Или заведите себе хобби.

— Ай, прекратите, вы мыслите какими-то шаблонами! — вспыхнула Лара — Большинство благотворительных фондов — фикция, лавочка для наживы аферистов. Те, кто реально хотят помогать детям или животным, просто делают это, не посещая тусовок. В наше время все благотворительные марафоны — просто очередной повод выйти в свет, показать бриллианты и новую пассию. А хобби... не крестиком же мне вышивать? Я ведь раньше была такой, как все. На работу ходила, мечтала, что вот будет у меня все и... Вот теперь у меня есть все. Чертова куча всего. А я все еще несчастна.

— Боюсь, я вам ничем не помогу, — сказал я и поднялся, но Лара вцепилась в меня как клещ и томно прошептала:

— Неужели? А мне кажется, вы вполне могли бы оказать даме небольшую услугу.

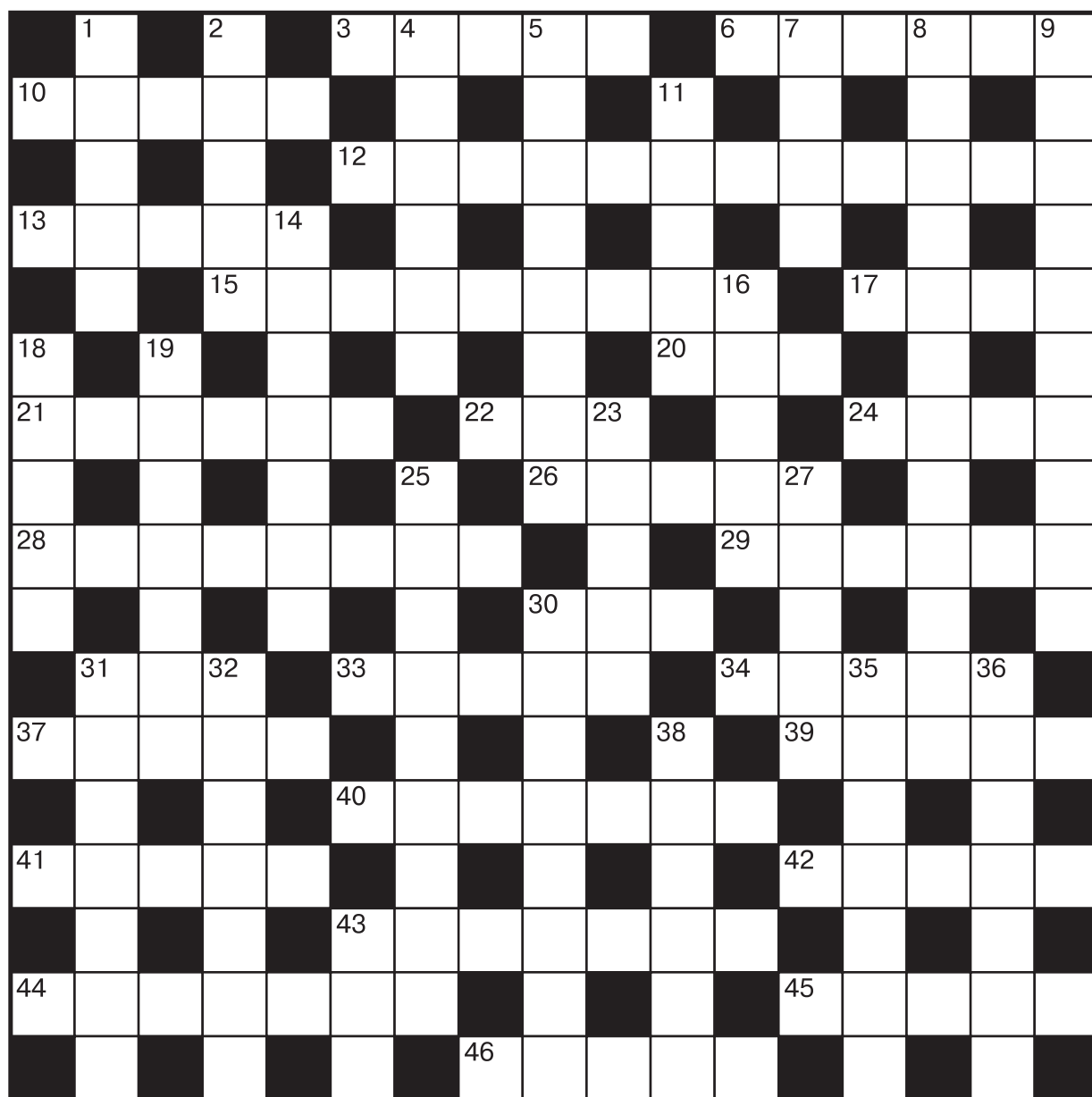
— Вынужден вас разочаровать, — холодно ответил я. — Мне платят не за это.

Лара провела пальцами по моей шее, и ногти слегка, по-кошачьи, царапнули кожу.

— Очень жаль, — протянула она. — Но вы подумайте. Я никуда не спешу. □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Какой овощ заканчивает жизнь в кетчупе? **6.** Комментарий внизу страницы. **10.** Капля горя. **12.** «Законник на окладе». **13.** «Маршал Победы». **15.** Трижды чемпион мира по шахматам. **17.** Из какого рая изгнали Адама и Еву? **20.** «Тайна» «электронного замка». **21.** Убийца смысла. **22.** Патрон в

руководящем кресле. **24.** Патриарх нашего кино, однокурсник Олега Табакова и Евгения Урбанского. **26.** Полимер в основе моющихся обоев. **28.** «Американские владения» концерна «ФИАТ». **29.** Литературная форма норвежского языка. **30.** Ленивец из «Ледникового периода». **31.** Основа теста для приготовления

японского десерта моти. **33.** Что переводят из МВФ? **34.** Знак, необходимый для получения разности. **37.** Что бывает тазиком или группировкой? **39.** Магический ... огня из четвертой книги о Гарри Поттере. **40.** Бумажное хобби. **41.** Страна вокруг Дамаска. **42.** Какой подарок за 120 000 евро банкир Петр Авен сделал маэстро Раймонду Паулсу? **43.** Книжка для ликвидации безграмотности. **44.** Тургеневский герой с «утопическими взглядами» на собак. **45.** На чем обычно настаивал водку Иосиф Бродский? **46.** Долевая бумага.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Мастер улыбок. **2.** Холод от жара. **4.** Зелье, чтобы уморить. **5.** У кого Акира Курогава взял литературный материал для своего фильма «Дерсу Узала»? **7.** Кентавр, покушавшийся на честь супруги Геракла. **8.** Какая летучая мышь слывет чемпионом по скорости в горизонтальном полете? **9.** «Ра-

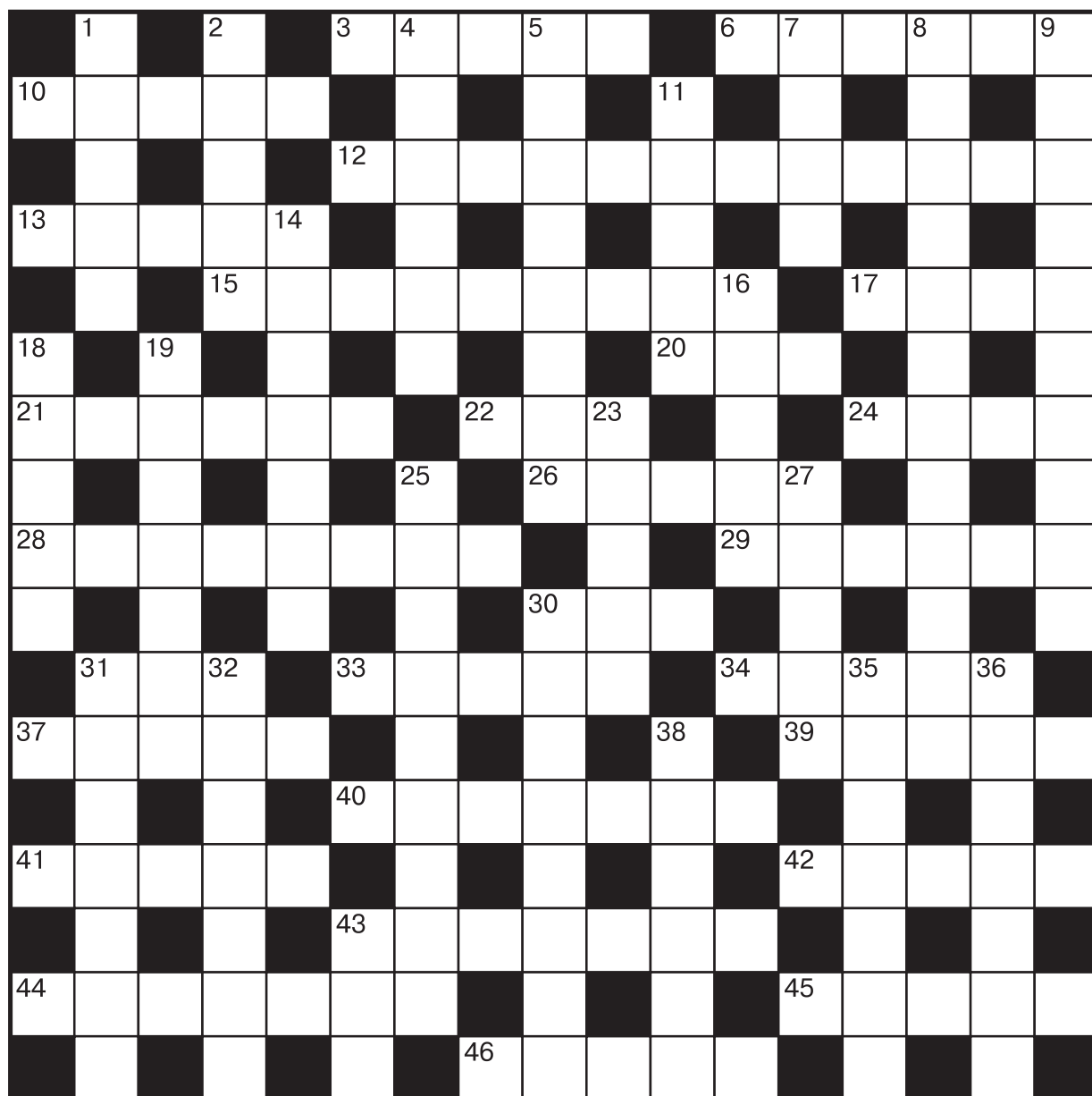
бота» без посторонней помощи. **11.** Какой еж отнял уйму времени у любителей компьютерных игр? **14.** Груз прожитых лет. **16.** Кого из советских певцов прозвали «Орфеем с шелковым голосом»? **18.** «Жена болта». **19.** Святой покровитель того самого дня, когда родился Петр Великий. **23.** Что ставит точку в стометровке? **25.** Где прислуживают разным гадам? **27.** На каком ядовитом цветке делают кожные настои? **30.** Что норвежцы из суеверных соображений никогда не станут рассматривать поздним зимним вечером из-за шторы? **31.** Кого из русских поэтов Екатерина Великая отправила в Илимский острог? **32.** Кто мечтает о «славе Паганини»? **35.** Кто сколотил состояние «на скорую руку»? **36.** Ловушка, в которую заманивается человек подобием добра. **38.** Игра «слепого со зрячими». **43.** Какой секс-символ слывет одним из самых «убиваемых» звезд мирового кино?

Ответы на кроссворд, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Петр. **3.** Змея. **7.** Сахар. **11.** Залп. **12.** Выкрутасы. **13.** «Битлз». **14.** Крах. **17.** Петух. **20.** Радуга. **21.** Шер. **22.** Сорбонна. **24.** Мрамор. **28.** Крачковская. **29.** Взгляд. **30.** Глясе. **34.** Факториал. **37.** Бурляев. **38.** Данст. **39.** Клика. **41.** Дверь. **42.** Гагры. **43.** Ключ. **44.** Счеты. **45.** Мирра. **46.** Удача. **47.** Фрак. **48.** Баски.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Пиво. **2.** Таккер. **4.** Мрак. **5.** Язык. **6.** Ялта. **8.** Ариадна. **9.** Аллегро. **10.** Гумус. **15.** Ренуар. **16.** Храм. **17.** Петролеум. **18.** Хобот. **19.** Обыск. **23.** Счастливчик. **25.** Разлад. **26.** Мель. **27.** Роды. **31.** Лав. **32.** Отключка. **33.** Кракатук. **34.** «Феррари». **35.** Лаванда. **36.** Встреча. **40.** Шкаф. **41.** Дюма.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **3.** Первая автоматическая межпланетная станция, которая изучала Солнце со стороны полюсов эклиптики. **6.** Святой покровитель охотников. **10.** Туркменская лепешка. **12.** Какие признаки делают вещи тем, чем они являются? **13.** Какой залив стал фоном для культовой картины «Крик» Эдварда Мун-

ка? **15.** Мусульманский ад. **17.** Шаурма мексиканской сборки. **20.** Японский театр. **21.** Жаровня для грешников. **22.** Главный знак Эфиопии. **24.** Индийская водка. **26.** Искусственная заявка в бридже, повторяющая масть оппонентов. **28.** Король, чье убийство ознаменовало собой конец эпохи Меровингов. **29.** Где имен-

но в США стоит «Памятник неизвестному разведчику»? **30.** Судовой крюк. **31.** «Гнилая горячка», свалившая Александра Пушкина летом 1819 года. **33.** Град на дне Светлояра. **34.** Второй по высоте, после Рейнского, равнинный водопад в Европе. **37.** С кем из американских химиков связан первый успешный опыт разгона облаков человеком? **39.** Корейская водка. **40.** Кого полагают «высшим богом» масонов? **41.** Небольшой водоем в атриуме. **42.** Тропическая птица, способная ходить по плавающим листьям растений. **43.** У какой медузы карибские фермеры забирают яд, чтобы бороться с грызунами? **44.** Молдавские колбаски. **45.** Королевская коричневая змея, предпочитающая охоту из засады. **46.** Традиционная ткань на японские кимоно.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Придворный лекарь императора Павла I. **2.** Крестьянин из «Русской правды». **4.** Агрессивная птица, живущая у водоемов и способная закусить даже утя-

тами. **5.** Кто написание романа к «Востоку от рая» извел около трехсот карандашей? **7.** Какая планета у астрологов отвечает за технологии? **8.** Где появился на свет писатель Юрий Олеша? **9.** Осквернение гробниц мародерами. **11.** Армянская закуска из фасоли. **14.** В каком состоянии нельзя посещать мечеть? **16.** Дом на колесах. **18.** Какого наркома Михаил Булгаков вывел в образе Степы Лиходеева из «Мастера и Маргариты»? **19.** «Уилмингтонский человек». **23.** Техника рисования копотью свечи. **25.** Хранитель важнейших документов из античных времен. **27.** Кто придумал ставить на карманы джинсов медные заклепки? **30.** Исполнитель роли Иосифа Сталина в кино, ужинавший в компании «вождя всех времен и народов». **31.** Искусство на религиозной основе. **32.** «Праздник умерших» у древних римлян. **35.** Спорт «дворовых гимнастов». **36.** Время «сражающихся царств» в китайской истории. **38.** Солнечный удар. **43.** Один из четырех «имперских городов» Марокко.

Ответы на эрудит, опубликованный в №11

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Тафт. **3.** Ятта. **7.** Дабка. **11.** «Бион». **12.** Ларионова. **13.** Охара. **14.** Ялем. **17.** Нотис. **20.** Овринг. **21.** Туз. **22.** Минтонет. **24.** Иствик. **28.** Бертильонаж. **29.** Эрстед. **30.** Харли. **34.** Картридер. **37.** Бичерин. **38.** Ротко. **39.** Ульва. **41.** Псише. **42.** Биант. **43.** Амат. **44.** Хакне. **45.** Кепер. **46.** Клико. **47.** Кнур. **48.** Раста.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Туле». **2.** Формоз. **4.** «Трон». **5.** Абая. **6.** Лоре. **8.** Амхерст. **9.** Керинчи. **10.** Дожим. **15.** Ландау. **16.** Моти. **17.** Нумерарий. **18.** Силла. **19.** Отпор. **23.** Шталмейстер. **25.** Сортер. **26.** Витт. **27.** Кудо. **31.** Тан. **32.** Ателлана. **33.** Ширвиндт. **34.** Киршнер. **35.** Родиола. **36.** Акануке. **40.** Маск. **41.** Паку.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2022 года:

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции на электронную почту: sales-smena@yandex.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью*	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 211 рублей 20 копеек	За 1 номер — 239 рублей 80 копеек
За полугодие — 1267 рублей 20 копеек	За полугодие — 1438 рублей 80 копеек

* ОТПРАВЛЕНИЕ ПРОСТОЙ БАНДЕРОЛЬЮ ПО ПОЧТОВЫМ СТРУКТУРАМ НЕ ОТСЛЕЖИВАЕТСЯ!

** Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

На журнал "Смена" открыта подписка на 2022 год во всех отделениях почтовой связи. Оформить подписку можно по следующим подписным индексам:

ОФИЦИАЛЬНЫЙ КАТАЛОГ АО «ПОЧТА РОССИИ» «ПОДПИСНЫЕ ИЗДАНИЯ»		П2431 — основной подписной индекс П2446 — льготный подписной индекс П3292 — годовой подписной индекс
---	---	---

ОФОРМЛЕНИЕ ПОДПИСКИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ осуществляется в любом отделении почтовой связи ФГУП «Почта Крыма»

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

**ВНИМАНИЕ,
КОНКУРС!**

ISSN 0131-6656

9 770131 665607

21012

СМЕНА

Дорогие читатели!

Первая любовь... Наверное, нет на земле человека, который в юности (а может, и в зрелом возрасте) не испытал бы это светлое, чистое, романтическое чувство, вызывавшее бурю возвышенных эмоций. Увы, эта любовь обычно бывает скоротечной, но в глубине сердца она остается надолго, если не навсегда, и накладывает свой отпечаток на будущие отношения. Ее можно назвать «преддверием любви». Об этом лучше поэта не скажешь: «Еще не любишь ты, но верь: не полюбить уже не можешь» (Иннокентий Анненский).

Вот мы и решили в 2022 году объявить среди наших подписчиков новый
конкурс «Песня первой любви»

Вы помните свое необъяснимое волнение, трепетание сердца, одним словом, свою первую любовь? Наверное, каждому есть что рассказать об этом чувстве — пусть это будет ваша личная история или рассказ.

Тексты с пометкой «На конкурс» принимаются в электронном виде на адрес: tomasmena@mail.ru до конца ноября 2022 года.

Итоги, как всегда, будут подведены в конце года и опубликованы в первых номерах 2023 года, а трое победителей получают премии в виде бесплатной подписки на журнал «Смена».

Первая премия — бесплатная годовая подписка

Вторая премия — бесплатная годовая подписка
на электронную версию журнала

Третья премия — бесплатная полугодовая подписка

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

№12 декабрь 2021